
2012

ISSN 1987-5533

UDK (удк) – 34+32. 001

П – 685

L - 41

International scientific journal
LAW AND POLITOLOGY

Международный научный журнал
ПРАВО И ПОЛИТОЛОГИЯ

№ 20

Chisinau

August - 2012

**The journal “Law and Politology” is the periodical-scientific edition
of the following academic partners**

**INSTITUTE OF EUROPEAN INTEGRATION AND POLITICAL SCIENCES OF
ACADEMY OF SCIENCES OF MOLDOVA**

GELATI ACADEMY OF SCIENCES (Georgia)

**INSTITUTE ON HUMAN RIGHTS OF THE NATIONAL ACADEMY OF
SCIENCES OF AZERBAIJAN**

EDITORIAL BOARD

Mariam Tsatsanashvili - doctor of Legal Sciences, Professor – co-chairman of editorial board (**Georgia**)
Ion Guceac - doctor of Legal Sciences, Professor - co-chairman of editorial board (**Republic of Moldova**)
Kamal Makili-Aliyev - PhD, doctor of Law – co-chairman of editorial board (**Republic of Azerbaijan**)
Guram Markhulia - PhD, doctor of History, ass. Professor – deputy of co-chairman of editorial board (**Georgia**)
Namig Aliyev - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Hijran Huseynova - doctor of Political Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Ayten Mustafaeva - PhD, doctor of Law (**Republic of Azerbaijan**)
Victor Moraru - doctor of Political Sciences, Professor (**Republic of Moldova**)
Tariel Sikharulidze - PhD, doctor of Philology, ass. Professor in International Relations (**Georgia**)
Gheorge Costachi - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Moldova**)
Lew Spivak - Professor (**Israel**)
Irina Galayeva - LL.M, Master of International Law (**University of Lund, Sweden**) – academic secretary

COORDINATIVE-SCIENTIFIC COUNCIL

Murtuz Aleskerov - doctor of Legal Sciences, Professor, The deserved lawyer of Azerbaijan (**Republic of Azerbaijan**)
Tamara Kiknadze - doctor of Political Sciences, Professor (**Georgia**)
Andrei Smochina - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Moldova**)
Tariel Sikharulidze - doctor of Philological Sciences, Professor (**Georgia**)
Kamil Salimov - doctor of Legal Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Anzor Totadze - doctor of Economics Sciences, Professor (**Georgia**)
Victor Balmus - doctor of Law, conf. (**Republic of Moldova**)
Nazim Imanov - doctor of Economics Sciences, Professor (**Republic of Azerbaijan**)
Eliko Tsiklauri-Lamich - LL.D, doctor of Law, Professor (**Germany**)

The journal is being issued since 2007

Address: Chisinau, Moldova.
Tel/FAX: +37322270313,
E-mail: guceac@mail.ru

The magazine registered
16th of august in 2007.
Reg. №2320

The authors opinion does not necessarily coincide with position of editors

Журнал «Право и политология» является периодическим изданием научных партнеров

**ИНСТИТУТ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК
АКАДЕМИИ НАУК МОЛДОВЫ**

**ИНСТИТУТ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНА**

ГЕЛАТСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК (Грузия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Мариам Цацанашвили - доктор юридических наук, профессор – сопредседатель редколлегии (Грузия)
Ион Гучак - доктор юридических наук, профессор – сопредседатель редколлегии (Республика Молдова)
Камал Макили-Алиев - доктор философии в праве – сопредседатель редколлегии (Азербайджанская Республика)
Гурам Мархулия - доктор истории, ассоциированный профессор – заместитель сопредседателя редколлегии (Грузия)
Намик Алиев - доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Хиджран Гусейнова - доктор политических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Айтян Мустафаева - доктор философии в праве (Азербайджанская Республика)
Виктор Морару - доктор политических наук, профессор (Республика Молдова)
Тариел Сихарулидзе - доктор филологии, ассоциированный профессор по международным отношениям (Грузия)
Георгий Костаки - доктор юридических наук, профессор (Республика Молдова)
Лев Спивак - профессор (Израиль)
Ирина Галаева - магистр международного права Лундского (Швеция) университета - ученый секретарь

НАУЧНО-КООРДИНАЦИОННЫЙ СОВЕТ

Муртуз Алескерев - доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Азербайджана (Азербайджанская Республика)
Тамара Кикнадзе - доктор политических наук, профессор (Грузия)
Андрей Смокинэ - доктор юридических наук, профессор (Республика Молдова)
Тариэл Сихарулидзе - доктор филологических наук, профессор (Грузия)
Камиль Салимов - доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Анзор Тогадзе - доктор экономических наук, профессор (Грузия)
Виктор Балмуш - доктор права, доцент (Республика Молдова)
Назим Иманов - доктор экономических наук, профессор (Азербайджанская Республика)
Элико Циклаури-Ламих - доктор права (Германия)

Журнал выходит с 2007 года

Адрес: Кишинэу, Молдова
Тел/FAX: +373 22270313,
E-mail: guceac@mail.ru

Журнал зарегистрирован
16 августа 2007 г.
Регистрация № 2320

Мнение авторов не всегда совпадает с мнением редакции

CONTENT

12.00.00 LEGAL SCIENCES

Ion GUCEAC

THE OPPORTUNITY OF RECOGNITION OF THE RIGHT TO WATER AS
A FUNDAMENTAL HUMAN RIGHT 6

Kamal MAKILI-ALIYEV

EUROPEAN SYSTEM OF IMPLEMENTATION AND ENFORCEMENT OF
INTERNATIONAL HUMAN RIGHTS LAW 11

Rodica CIOBANU

THEORETICAL AND PRACTICAL VALENCES OF THE NECESSITY AND
UTILITY OF METHODOLOGY OF LAW FOR THE LAW SPECIALIST 24

23.00.00 POLITICAL SCIENCES

Ali HASANOV

THE SITUATION OF REGIONAL SECURITY IN THE CASPIAN-BLACK
SEA AND SOUTH CAUCASUS: REALITIES AND PROJECTIONS ABOUT
THE CLUSTERING, CLASSIFICATION, GEO-STRATEGIC FORCES 30

Sevinge ALAKBARZADEH

THE 21ST CENTURY UNIVERSITY AND CONTEMPORARY
DEMOCRATIC SOCIETY 35

Pantelimon VARZARI, Ivan VARZARI

STATE-SOCIETY-GOVERNMENT: THE CONCEPT OF INDEPENDENCE
(COMPARATIVE POLITICAL ANALYSIS) 39

Havva MAMMADOVA

ARMENIAN SEPARATISM IN THE KARABAKH REGION OF AZERBAIJAN
IN XX CENTURY 50

IN MEMORIAM 57

СОДЕРЖАНИЕ

12.00.00 ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Ион ГУЧАК

НЕОБХОДИМОСТЬ ПРИЗНАНИЯ ПРАВА НА ВОДУ В КАЧЕСТВЕ
ОДНОГО ИЗ ОСНОВНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА 6

Камал МАКИЛИ-АЛИЕВ

ЕВРОПЕЙСКАЯ СИСТЕМА ИМПЛЕМЕНТАЦИИ И ПРИМЕНЕНИЯ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА 11

Родика ЧОБАНУ

ТЕОРЕТИКО-ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НЕОБХОДИМОСТИ
МЕТОДОЛОГИИ ПРАВА ДЛЯ СПЕЦИАЛИСТОВ ПРАВА 24

23.00.00 ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Али ГАСАНОВ

СИТУАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В
КАСПИЙСКО-ЧЕРНОМОРСКОМ БАССЕЙНЕ И НА ЮЖНОМ
КАВКАЗЕ: РЕАЛИИ И ПРОГНОЗЫ ОБ ОБЪЕДИНЕНИИ В БЛОКИ,
КЛАССИФИКАЦИЯ ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИХ СИЛ 30

Севиндж АЛЕКБЕРЗАДЕ

УНИВЕРСИТЕТЫ XXI -ГО ВЕКА В СОВРЕМЕННОМ
ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ. 35

Пантелимон ВАРЗАРЬ, Иван ВАРЗАРЬ

СТРАНА – ОБЩЕСТВО – ГОСУДАРСТВО: КОНЦЕПТ НЕЗАВИСИМОСТИ
(СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ) 39

Хавва МАМЕДОВА

АРМЯНСКИЙ СЕПАРАТИЗМ В КАРАБАХСКОЙ ОБЛАСТИ
АЗЕРБАЙДЖАНА В XX ВЕКЕ 50

IN MEMORIAM 57

Ion GUCEAC,
doctor of Legal Sciences, professor,
principal scientific secretary of
Academy of Sciences of Moldova

THE OPPORTUNITY OF RECOGNITION OF THE RIGHT TO WATER AS A FUNDAMENTAL HUMAN RIGHT

Although the issues relating to human rights and liberties is one of the oldest, it remains one of the most researched theme in the contemporary period, the research being conducted by diverse scientists and scholars, especially by those pertaining to jurisprudence. The increased attention human rights are granted is due to the fact that these rights are established in numerous and various sources of law, which often are stated in an evasive language to the reader. We can conclude that one of the main priorities of the scholars of legal sciences is to interpret and make known to each individual the correct meaning of these rights.

The conceptualization of fundamental rights resides in the fact that these rights are subjective, representing a faculty of a person to do or not to do something, privilege bestowed on to him by law, pursuant to this the holder of the right can carry out a certain conduit, can claim protection of his right against third parties in order to capitalize a legitimate interest. An important particularity of fundamental rights is that these rights are established in the supreme law of a state, as is a constitution, evidence that states the essential character of these rights and their abundant protection.

Although contemporary international law as well as national law is gifted with a large variety of human rights, doctrine and jurisprudence is signaling a reanimation process for human rights. An eloquent example of the evolution of the legal institution of human rights is the establishment of the right to water as a new fundamental right, an indispensable component of life and human dignity.

Nevertheless, in order to ensure the complete and effective achievement of the human right to water and to establish clear and compulsory obligations to governments to satisfy minimal quantities of water, this right has to be acknowledged explicitly and clearly defined. International normative regulations in the matter of water resources have found their purpose in the declaration of the right to water as a fundamental right. The solemnity was instrumented by the United Nations Organization by means of Resolution A/RES/64/292 on the human right to water and sanitation. [1]

Simultaneously, it is necessary to nominate regulation that oriented the legal evolution of the human right to water as is the Directive 2000/60/EC of the European Parliament and of the Council establishing a

framework for the Community action in the field of water policy, which substantiate water as a heritage which requires protection and needs to be treated as such and not as a commercial asset. The aforementioned directive fortifies the normative content assembled by the General Commentary nr.15 of the Covenant on economic, social and cultural rights established by the UN Committee on economic, social and cultural rights. The general commentary tends to clarify the content of the rights incorporated into the Covenant, of potential breaches of those rights as well as obligations of signatory states.

The fundamental right to water is an integral part of international law. The supremacy of international law to that of the national is uncontested; this reality is proven by the provisions of article 8 of the Constitution of the Republic of Moldova which establishes the state obligation to respect the UN Charter and signed treaties, to establish relations with other states conducting by unanimously accepted principles and norms of international law. [2] Therewith, as there is no international authorities which has the responsibility to ensure the proper application of rights relating to water resources, states, individually have to ensure the respect of such rights. [3] In our point of view a mean to incorporate the right to water in a national legal order is to root it by constitutional means. It is known that one of the concerns of national constitutionalism is the legal institution of human rights. In the national constitutional system, this institution has been established in a modern conception far later than the constitutional practices of other states. This circumstance does not serve as a detriment to the state of the Republic of Moldova; on the contrary the constituent legislator of 1994 has included in the Constitution the whole spectrum of human rights and liberties which by that time were proclaimed by international documents, referential to this domain. Moreover, according to article 4 of the Constitution, provisions on human rights and liberties will be interpreted in accordance with the Universal Declaration of Human Rights of 1948; with covenants and other treaties of which the republic is part of. If a certain discrepancy between covenants, treaties of which Moldova is part of and regard fundamental human rights and national law arise, international sources will have priority. [4]

THE OPPORTUNITY OF RECOGNITION OF THE RIGHT TO WATER AS A FUNDAMENTAL HUMAN RIGHT

Viewing the right to water by contemporary constitutional means, it is relevant to observe the fact that the effectiveness of its application is conditioned by the efforts of both the international community and national legislature. In recent cases, direct applicable law, which ensures the implementation of any international treaty, is the national law. In this jurisdiction, the legislative process as well as the law hierarchy is established by constitutional arrangements. Traditionally, national law of a state may include normative provisions regarding the legal regime of water (as an example: pollution control or licensing activity). These provisions, excluding the formal legal framework, contain regulation on water rights. [3]

It is natural that Moldova has viable legislation on water. Such legislation is: the Water Code [5], Law on the protection of water in zones, strips, rivers and water basins [6], Law on hydrometeorological activity [7] and Law on drinking water [8]. One of the most important legislative instruments on the matter of water was established by the ratification of the Protocol on water and health of the 1992 Convention on the protection and use of Transboundary Watercourses and International Lakes, signed on the 10th of March 2000. [9] Currently the legal framework on water is composed of 24 documents, 14 of which were adopted in the past decade. It is with regret that we conclude that water legislation of Moldova is limited as opposed to the EU legal framework which consists of 682 documents. [10]

The high disparity can be considered a hindrance in the fulfillment of the assumed commitment of Moldova to the European Union and specifically the achievement of compatibility of national legislation with the European one, by means of harmonization.

Moreover, it is important to mention that the scientific community strives to enrich and improve national legislation in matters regarding sustainable development, water resource management and access to safe drinking water, implementation of modern wastewater treatment, discharge and reutilization technologies and irrigation as well. An example of such actions is the State Program "Research and Management of Water Quality". Under the state program, actions were undertaken to create a legal framework for the proper management, protection and use of water in Moldova, based upon evaluation, planning and participative decision making process. Other goals of the program is to establish the right to use water and to promote investments in water infrastructure; establish mechanisms of protection of water quality, prevention of water degradation, protection and restoration of water resources, convergence with international measures of water management; establishment of a legal framework for the bilateral and multilateral cooperation on matters related to water resources.

One of the essential features of constitutionalism in Moldova is the promotion of the concept of rule of law (article 1 of the Constitution). This concept implies the supremacy of law and enforcement of certain rigors in regulation of social relations. The constitution becomes the primary source of law in the national law system, thus

most important values and attributes are regulated by this source. It is to note that one of the primary functions of the Constitution of the Republic of Moldova is to enshrine rights, liberties and fundamental duties of the citizens, directing relations between them, between citizens and public authorities. Therewith, the legal framework subordinate to the Constitution is created in respect of the basic law and is uniform. Considering this, the legal framework becomes the extension of the constitutional provisions. The relevance of the aforementioned is based on the fundamental principle of lawmaking and general mandatory conditions pertaining to a legal act, which establish that a legal act has to conform to the provisions of international treaties of which Moldova is part of, unanimously acknowledged principles and norms of international law. The legal document must conform with **constitutional provisions** and be in accordance with existing legal documents, with the codification and unification systems. The protection of **rights, liberties, legitimate interest of citizens**, equality and social equity, compatibility with EU legislation is a compulsory condition of any legal document. [11] From these provisions we can foresee the Europe-oriented direction of Moldova, the tendency to enshrine European values in the national legal framework.

In order to constitutionalize this right water it is necessary to create a conceptual rationale of this right. Thus, appealing to the General Commentary Nr. 15 of the UN Committee on economic, social and cultural rights, articles 11 and 12, we subtract fundamental provisions on the right to water. [12]

The primary element of the right to water is the correlation between access to water and sufficient quantity necessary for life, human dignity and health. This characteristic cannot be interpreted in a restrictive manner, due to the simple reference to volumetric quantities and applied technology. Water should be treated, primarily, as a social and cultural asset and not as economic one. The realization of rights relating to water should be sustainable, enshuring future generation use.

As aforementioned, the Protocol on water and health of the Convention on the protection and use Transboundary Watercourses and International Lakes, signed by Moldova in 2000 is extremely important. [9]

We should recognize the effort of Moldova to fulfill the assumed commitments in order to improve water quality. Starting from august 2009, by means of the Implementation Facility Mechanism of the Protocol on water and health, created near the Mixt Secretariat of the Protocol WHO/EEC UN, Moldova is the beneficiary of financial and methodological support for the drafting, in accordance to article 6 and 7 of the Protocol, of target indicators and of implementation plans of the Protocol in Moldova. Currently, with support from the Government of Switzerland through the Swiss Agency for Development and International Cooperation and some international experts, national target indicators are being drafted for the implementation of the Protocol. After the drafting process is finished,

Ion GUCEAC

these indices will be publicly discussed with all actors, including civil society. After their enactment, these indices will be achieved gradually, in concordance with national deadlines. Concurrent, in order to coordinate this activity a Coordination Group has been established, comprised of interested parties, approved by a joint ordinance of the ministers of health and environment. [13]

Analyzing the national legal framework, the efficiency of water policy implementation and the research in these matters, it is necessary to realize that in lack of a constitutional provision on the right to water the development and sustainable management of natural resources as well as ensuring all citizens unconditional access to these resources is practically beyond reach, if we establish that water is indispensable to any form of life.

Arguments that support the aforementioned are related to various aspects, one of which is **poor water quality**. The necessity to strengthen the legal framework around the right to water in Moldova is conditioned by water quality. The quality aspect of water is vaguely regulated in national law, the accent being set on dominantly on commercial water use. Therewith, it is relevant to point out that the population of Moldova is supplied with drinking water mainly from local sources (wells, springs etc.). According to recent research, water quality from these sources year to year is degrading is maintaining at an under par level, manifesting a threat to population health. One study of the matter has shown that 58,9% of all local sources of water indicate a high chemical value of nitrates. [14]

From a regional, socio-economic point of view these indices vary in the spectrum of significantly high contamination, from a 51,6% contamination in Chisinau to a 80,3% contamination in Gagauzia.

As a result of monitoring of these indices, in recent years, a constant high pollution level is revealed in local water sources and those measures directed to pollution reduction and water quality improvement do not prove to be efficient.

Chemical pollution of water in local sources is dominant in the northern and central region.

According to results obtained in this study, it was established that the population exposed to the influence of pollutant factors from water is around 1.9 million people. The share of people using non-complying water sources is 72,7% in the central and northern region, including Chisinau with 3,6%.

One of the reasons behind water quality degradation as well as ineffectiveness of the measures undertaken is that the national legal framework does not establish clear responsibilities to authorities to ensure qualitative and quantitative access to water. Concurrently, it is relevant to strengthen user responsibility, to those groups of users who utilize water in commercial activities. These responsibilities need to be cristalized according to the unanimously acknowledged principle of international law – **the polluter pays**.

Our tentative to constitutionalize the right to water

is empowered by the experience of other states in dealing with such issues. An example of an attempt to constitutionalize the right to water can be found in Belgium. Being a federal state, Belgium is divided into 3 parts: Flamandia, Wallonia and Brussels region. In all those regions, strong legislation on water is enforced and in order to achieve the Millennium Development Goals (MDG), on issues relating to poverty, public health, reduce mortality among women and children it is attempted to constitutionalize the fundamental right to water. This right, in a belgian envisage, is an instrument to achieve proposed targets. In 2005, federal government has adopted a resolution stating that access to drinking water is a fundamental right of a person, which should be included in the constitution. [15]

Some relevant rationale must be mentioned:

1. Water is indispensable for life and in small quantities it can affect the level of development of a state, thus access to water is a stringent problem for underdeveloped states.

2. Privatization of water objects will not produce positive effects and a strong possibility of tax increases is persistent. High taxes impose a threat on water accesibility and quality.

The text of the resolution also enables a primary role for international institutions, such as European Parliament, which has stated in favor of non-privatization of water objects. The resolution addresses water issues and proposes constitutional amendment by adding the right to water as a fundamental human right.

Concurrently, the importance of identification and respect for state guarantees and responsibility in achieving this right is also found in this resolution. Currently, according to MDG, Belgium is showing perfect indices on share of population using imporved water sources and share of population using improved sanitation services. [16]

In an ample view, the human right to water exists without any legal validation, in case we admit that water is vital for life and is the sole basis for the existence of human rights is the existence of human beings.

An eloquent example of combating water scarcity is the Constitution of South Africa. This document was enacted in 1996. Among essential elements, the constitution ensures the right to life and dignity, the right to a healthy environment and the right to water. [17] The South African constitutional framework has enabled government by means of the Department of Water Affairs and Forestry to draft and enact a series of normative documents and policies which strengthen constitutional order, a relevant example is the National Water Act, enacted on 20th of August 1998. [18] A concurrent analysis of constitutional provisions and the aforementioned document can open up the view on the South-African legal framework which has necessary instruments to guarantee access to safe drinking water, to be responsible for the protection of this right as well as to initiate consistent reforms in order to implement a sustainable water policy in the benefit of society.

THE OPPORTUNITY OF RECOGNITION OF THE RIGHT TO WATER AS A FUNDAMENTAL HUMAN RIGHT

All provisions of aforementioned laws are directed towards improving water quality. It is remarkable that by a joint effort of government and society to strengthen national legal framework has brought impressive results. According to MDG, share of population with access to improved water sources has risen from 83% in 1990 to 91% in 2011. Regarding sanitation, share of population which uses improved sanitation services has risen as well from 69% in 1990 to 77% in 2011. [16]

The experience of the African states, considering geographical positioning, is tied to water issues and progress has been encountered not only in South-Africa. Ethiopia, in its constitution, enacted in 1995, establishes in chapter 10 the title of principles and objective of national policies and consequently article 90 relating to social objectives mentions the following: policies, in the limit of natural resources, will be oriented towards ensuring all Ethiopians with access to education and public health, **safe drinking water**, shelter, food and social security. [19]. After the constitutional referendum in Kenya on the 4th of August 2010 by a sweeping majority of 67% has voted upon the enactment of a new constitution. This event is relevant due to the fact that among all essential provisions the new Kenyan constitution establishes the right to water as a fundamental human right, incorporated into the category of social rights, guaranteed by state. [20] Thus, the constitutional guarantee of the right to water strengthens national legal framework and enables the possibility to prioritize water issues, which according to MDG are poor. Share of population to safe drinking water is 59%. [16]

We consider the experience of the African state meaningful and viable due to the fact that these states are always faced with water scarcity issues; this experience is beneficial both to the international community and Moldova. International efforts to improve water quality and combat water related issue are measured by the MDG, which at section 7, Ensuring environmental sustainability sets out target goals to cut by half by 2015 the share of population without access to safe drinking water and sanitation. Concurrently it is worthwhile to point out that the constitutional substantiation of the right to water in those states opened to such opportunity can facilitate these processes as well establish definite responsibilities to state authorities towards the people, the holder of sovereignty.

The impact of national water law on international law can be deduced by consulting national constitutional constructions as well as ratification instruments for the treaties the state is open to. One of the most viable instruments available is the Protocol on water and health of the Convention on the protection and use Transboundary Watercourses and International Lakes. In the absence of sources that will develop the fundamental right to water we

can not converge to a state of involution of sustainable water management as well as partially guarantee access to drinking water, on the contrary it is necessary in all cases to develop national law on water both doctrine and practice.

Constitutional experience of states is an important component in the formation of international practices. Guarantee and protection of a fundamental right by means of the constitution represent an advantage towards the fulfillment of crucial objective such as establishing the rule of law or European integration.

The realization of the right to water cannot be perceived separately from the constitutional protection of life, physical and mental integrity, a sufficient reason for the extent of the development of the right to water as means of protection of a person's life and health. The connection between human and water is incontestable and is due to the connection of humans to the natural environment, their habitat. In a wider perspective, the right to water concerns man and natural elements which surround him to an extent that both form an inseparable whole. Concurrently, the right to water should be perceived as a qualitative right. Accesses to water resources enable the balanced development of the person.

The guarantee of the right to life, the right to physical and mental integrity can be affected or threatened or even become inoperative in situations such as pollution or accidents with devastating effects to water. As an example to this we can reference to events occurred in Hancesti, where devastating floods ravaged the region. Likewise, we can mention the drinking water issue in Mingir, where after the construction of an aqueduct, the quality of water has degraded to an extent that it became undrinkable.

The category of arbitrary ways to end life should include all actions and activities which as a consequence lead to environmental degradation, especially water. The responsibility to protect is persistent to all natural persons as well as to the state. [21] This responsibility is directed toward the respect of the right to life of another by interdiction of certain activities that may lead to environmental degradation, underlining the importance of water.

From our point of view the opportunity to constitutionalize the right to water would guarantee the respect of this right by means of other subordinate normative document. The constitutional existence of the right to water and its guarantee can have the most beneficial effects: strengthening of public responsibility to protect water resources, ensuring an efficient protection of subjective rights related to water, establishment of a solid legal framework for the sanctioning of infringements brought upon water resources.

Without a constitutional rationale upon this right, actions taken by authorities and society in order to solve key water issues are irrelevant.

Ion GUCEAC

Bibliography:

1. United Nations Organization Resolution A/RES/64/292 on the human right to water and sanitation, 2010. - <http://www.un.org/ga/64/resolutions.shtml>.
2. Constitution of the Republic of Moldova, adopted on 29.07.94. - Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 1994, 12 august, nr.1.
3. The United Nations World Water Development Report 3 „WATER IN A CHANGING WORLD” UNESCO Publishing, 2009, p. 50.
4. Guceac, I. Curs elementar de drept constituțional, Vol. II. Chișinău: Tipografia Centrală, 2004, p. 87.
5. Laws of the Republic of Moldova, 1532/22.06.93 Water Code of the Republic of Moldova. - Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 1993, 30 october, nr. 10/287.
6. Laws of the Republic of Moldova, 440/27.04.95 Law on the protection of water in zones, strips, rivers and water basins. - Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 1995, 03 august, nr. 43/482.
7. Laws of the Republic of Moldova, 1536/25.02.98 Law on hydrometeorological activity. Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 1998, 02 july, nr. 60-61/409.
8. Laws of the Republic of Moldova, 272/10.02.99 Law on drinking water. - Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 1999, 22 april, nr. 167/39.
9. Laws of the Republic of Moldova, 207/29.07.2005 Law on the ratification of the Protocol on water and health of the 1992 Convention on the protection and use of Transboundary Watercourses and International Lakes, signed on the 10th of March 2000. - Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2005, 12 august, nr. 107-109/575.
10. <http://eur-lex.europa.eu/en/legis/20101001/chap1510.htm>.
11. Laws of the Republic of Moldova, 780/27.12.2001 Law on legislative acts, art. 4 alin. (1), (2) art. 5 alin (1). - Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2002, 14 march, nr. 36-38/210.
12. UN Committee on economic, social and cultural rights. General Commentary nr. 15, art.11, 12, E/C.12/2002/11. 2003.
13. Ministry of Health of Moldova, Ministry of Environment of Moldova. Children Health and Environment in the Republic of Moldova. – Chișinău: OSCE, Fondul Ecologic Național, 2010.
14. Ministry of Health of Moldova, Academy of Sciences of Moldova, National Center for Preventive Medicine. Health in relation to the environment (II ed.). Chișinău: Sirius, 2010.
15. Chambre des Représentants de Belgique, 14 March 2005, Proposition de Résolution ‘Accès à l’eau pour chacun’, texte adopté par la Commission spéciale mondialisation (Doc. 51 1666/002). - Personal archive.
16. <http://unstats.un.org/>.
17. Constitution of South Africa, article 27. -<http://www.info.gov.za/documents/constitution/1996/index.htm>.
18. National Water Act, Nr. 36/1998, South Africa. - www.dwaf.gov.za/Documents/Legislature/nw_act/NWA.pdf.
19. Constitution of Ethiopia. - <http://www.ethiobar.net/>.
20. Draft of the Constitution of Kenya, article 43, para. 1, let. d). - <http://www.nimeshinda.com/kenyareferendum2010/>.
21. Vlădoiu, N.M. Constitutional protection of life, physical and mental integrity. București: Hamangiu, 2006, p. 31.

Резюме

Конституционализация права, касающегося водных ресурсов, предусматривает его обеспечение подзаконными актами конституционной нормы. Оговорка и обеспечение конституционного права относительно использования водных ресурсов могут иметь наиболее выгодные эффекты, а именно: укрепление обязательств органов государственной власти с целью защиты водных ресурсов, обеспечение более эффективной защиты субъективных прав, имеющих отношение к праву на использование водных ресурсов, а также создание прочной правовой основы для применения наказания при нанесении ущерба водным ресурсам. Без конституционной основы права на водные ресурсы в качестве предварительного условия для доступа к воде как источнику жизни и человеческого существования, предпринимаемые властями и обществом меры не имеют значения.

Камал МАКИЛИ-АЛИЕВ,
доктор философии в праве (LL.D)

ЕВРОПЕЙСКАЯ СИСТЕМА ИМПЛЕМЕНТАЦИИ И ПРИМЕНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Основной фокус данной статьи расположен на Совете Европы, так как данная организация имеет наиболее развитую систему защиты прав человека на региональном уровне. В то же время будет рассмотрена деятельность в области прав человека Европейского Союза (Европейское Сообщество) и Организации по Безопасности и Сотрудничеству в Европе (ранее Совет по Безопасности и Сотрудничеству в Европе). Совет Европы и Европейский Союз включают в свои органы суды. Совет Европы создал первый международный суд, перед которым у индивидов имеется автоматический *locus standi*, в то время когда Суд Европейских Сообществ является наднациональным судом с уникальной юрисдикцией. В настоящее время Организация по Безопасности и Сотрудничеству в Европе все еще остается политической инициативой с ограниченным потенциалом для применения международного права прав человека. В такой ситуации неизбежны случаи пересечения сфер деятельности, но, несмотря на это, три данные организации находятся в хорошем взаимодействии. Если возникает определенная необходимость, европейские суды могут перепроверять друг друга, и таким образом все три организации существуют во благо прав человека.

1. Совет Европы в европейской системы защиты прав человека

Как и ООН, Совет Европы был создан в турбулентный период после прекращения военных действий и завершения второй мировой войны. В мае 1948 года двадцать государств приняли участие в Конгрессе Европы в Гааге, с целью рассмотрения вариантов объединения Европы. Покалеченные экономики требовали фокуса; ощутимая утрата власти государством-нацией требовала нового федерального подхода, а продолжение безопасности в регионе нуждалось в многонациональной поддержке. Среди заключительных рекомендаций были такие, которые нацеливали на развитие экономической и политической интеграции, естественно, такой подход сопровождался различными договорами, которые впоследствии привели

к созданию Европейского Союза. Проблемы, связанные с обороной, подтолкнули вперед создание Западного Европейского Союза в противовес предполагаемой на тот момент угрозе с Востока. Пожалуй, однако, самым четким и быстрым результатом Конгресса Европы стало создание Совета Европы.

Совет Европы был основан в 1949 году десятью государствами-членами. В 1989 году после присоединения к нему Финляндии Совет состоял практически из всех западноевропейских государств. После падения Берлинской стены и бывшего железного занавеса, Совет Европы ждал и был готов к расширению на Восток. Сейчас Совет состоит из сорока шести членов, от Португалии на западе и до Российской Федерации на востоке: около восьмисот миллионов человек попадают в пределы Совета Европы.

В дополнение к государствам-членам существует также институт «специально приглашенных» государств на Парламентскую ассамблею (Союзная Республика Югославия), Наблюдателей Парламентской ассамблеи (Канада, Израиль, Мексика) и Наблюдателей Комитета министров (Святой престол (Ватикан), Япония и три североамериканских государства – США, Канада и Мексика. Беларусь является текущим кандидатом на вступление в Совет. Все государства-члены обязуются функционировать в соответствии с верховенством закона. Соответственно, для того чтобы стать потенциальными членами Совета Европы, государства должны продвигать реализацию прав и основных свобод человека на своих территориях.

2. Европейская конвенция и другие соответствующие документы

Европейская конвенция «О защите прав человека и основных свобод». Данная Конвенция является основным документом по правам человека в Европе. Права, заключенные в ней, изначально были взяты из первой части Всеобщей декларации прав человека. Эти права включают право на жизнь, запрет на пытки или другое бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, запрет на рабство и принудительный или обязательный труд, право на свободу и личную неприкосновенность, право на

Камал МАКИЛИ-АЛИЕВ

справедливое судебное разбирательство, наказание исключительно на основании закона (запрет на ретроактивную ответственность), право на уважение частной и семейной жизни, жилища и корреспонденции, свободу мысли, совести и религии, свободу выражения мнения, свободу собраний и объединений, право на вступление в брак и создание семьи, право на эффективное средство правовой защиты и запрет на дискриминацию в отношении прав и свобод, заключенных в Конвенции. Из-за фокуса в основном в гражданских и политических правах, Европейская конвенция не смогла всерьез развить и расширить положения Всеобщей декларации прав человека. С другой стороны, Европейская конвенция значительно детализировала многие гражданские и политические права, содержащиеся в Декларации, и учредила юридический механизм применения и реализации таких прав. Данная Конвенция является первым международным документом, предоставляющим эффективный механизм применения прав человека. Хотя, на наш взгляд, следует отметить, что придерживаясь строгого следования принципам международного права, изначально Конвенция представляла Европейский суд по правам человека органом надзора с юрисдикцией в отношении диспутов между государствами или в отношении дел, направленных на его рассмотрение Комиссией по правам человека, после вынесения ею решения по индивидуальной жалобе. Установление обязательного к применению механизма индивидуальных жалоб связано с вступлением в ноябре 1998 года в силу Протокола 11.

Своим огромным успехом Европейская конвенция отчасти обязана беспрецедентной работе Комиссии и Суда в деле развития детализированной юриспруденции в области прав человека, содержащихся в данном международном документе. Телеологические и динамические методы толкования, применяемые указанными органами, открыли пути для эволюции прав и свобод в соответствии с постоянно меняющимися нормами и общественными отношениями. Более того, использование таких средств как доктрина «пределов свободы усмотрения» [1; 13] способствовало эффективности всей системы путем признания за государствами определенной свободы действий в установлении рамок применения некоторых прав и свобод. Такой подход, как нам представляется, позволяет государствам подгонять свои собственные социальные нормы (такие как нормы морали и безопасности) под эталон всеобщих прав. Например, в наиболее ранних делах (*Handyside v. UK*) Европейский суд признал наличие определенных пределов свободы усмотрения у местных законодателей и судебных органов в области толкования и применения права, когда речь идет о правах человека. [2] Использование пределов свободы усмотрения не является неограниченным понятием. Такой процесс всегда идет рука об руку с европейским судебным надзором – Европейский суд, таким образом, является

арбитром, когда возникает вопрос, вышло ли государство в своих действиях за указанные пределы?

Протоколы. Права, содержащиеся в Конвенции, были поправлены и дополнены за прошедшие годы целым рядом протоколов. Первый Протокол дополнил право на образование и свободные выборы, а также право на беспрепятственное пользование имуществом. Четвертый Протокол устанавливает запрет на лишение свободы лишь за невыполнение договорного обязательства, а также вносит дополнения в право на свободу, предоставляя свободу передвижения, запрещая высылку государством своих граждан, а также запрещая массовую высылку иностранцев. Шестой Протокол содержит ликвидацию смертной казни, а, следовательно, дополняет право на жизнь, установленное статьей 2 Конвенции. Протокол 13 вступил в силу в июле 2003 года, цель которого – полное устранение смертной казни, ликвидируя в статье 2 исключение, предоставляемое Протоколом 6, для использования смертной казни во время войны или угрозы начала войны. Седьмой Протокол устанавливает определенные процедурные гарантии в отношении высылки иностранцев, также охватывает определенные уголовно-процессуальные вопросы, такие как право на апелляцию, право не быть повторно судимым или повторно уголовно-наказуемым за то же самое преступление, а также компенсации в случае судебной ошибки. Данный протокол также устанавливает равенство супругов в частноправовых отношениях. Двенадцатый Протокол, устанавливающий общий принцип запрета на дискриминацию, вступил в силу в апреле 2005 года.

Все указанные протоколы являются факультативными. На государства не возлагается обязательства по их ратификации. (Следует, правда, отметить, что другие протоколы являются обязательными, так как они меняют применительный и институциональный процесс. Самым значительным таким исключением является Протокол 11, который заменил двойной механизм Комиссии и Суда единым постоянным Судом, с правом рассмотрения всех жалоб, а также Протокол 14, который изменит процесс подачи жалоб по правам человека, как только Российская Федерация – последнее государство – наконец, его ратифицирует.).

Другие конвенции. Совет Европы принял некоторые другие конвенции, направленные на обеспечение более широкого спектра прав человека в его юрисдикции.

Европейская Социальная Хартия 1961 года предоставляет гарантии социальных и экономических прав. [3; 346]. Европейскую Социальную Хартию Совета Европы не следует путать со схожими по названию документами, принятыми под эгидой Европейского Союза. Экономические и социальные права, включенные в Хартию, помогают устранить дисбаланс прав, защищаемых в Европе, в виду того, что Европейская конвенция была более сконцентрирована на гражданских и политических правах. Изначально

ЕВРОПЕЙСКАЯ СИСТЕМА ИМПЛЕМЕНТАЦИИ И ПРИМЕНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Хартия была принята в 1961 году, и с того времени была дополнена тремя Протоколами (от 1988, 1991 и 1995 гг.). Впоследствии, в 1996 году, была открыта для подписей пересмотренная Социальная хартия, которая вступила в силу 1 июля 1999 года, через месяц после третьей ратификации. [4] Предполагается, что новая, пересмотренная Хартия, через какое-то время заменит изначальную. Хартия как таковая составлена в необычном формате. Она поделена на части, содержащие основные принципы, определенные права, а также обязанности, возложенные на государства. Первая часть как изначальной, так и пересмотренной версии перечисляет принципы и права, относящиеся к социальной политике, которую должны поддерживать все государства. Государства дают согласие на стремление к достижению таких экономических и социальных условий, которые будут способствовать наилучшей реализации определенных прав и принципов: справедливых условий работы, свободы ассоциаций, коллективных трудовых переговоров, социального обеспечения, социальной, правовой и экономической защиты молодежи, равных возможностей и равного обращения, без дискриминации по половому признаку, социальной защиты пенсионеров и защиты от бедности и исключения из социума. Вторая часть Хартии ограничена детальной табуляцией прав, из которых государства могут выбирать. Исходя из смысла части III обеих версий Хартии, государства должны выбрать определенные обязательные для исполнения ими положения, включая некоторые основные статьи (выбранные из права на труд, права на формирование организаций для коллективных трудовых переговоров, защиты молодежи, права на социальное обеспечение, социальной и медицинской помощи, различных семейных прав и прав трудящихся-мигрантов). Дополнительный протокол от 1995 года к первоначальной Хартии и часть IV пересмотренной версии позволяют подачу коллективных жалоб Генеральному секретарю Совета Европы, для последующего направления таких жалоб на рассмотрение Комитету независимых экспертов.

Европейская хартия «О региональных языках и языках меньшинств» от 1992 года адаптировала формат, схожий с Европейской социальной хартией. Он включает в себя список целей и задач Конвенции с последующим перечислением определенных прав и свобод на выбор, в данном случае, поделенных на установление согласованности с ними на разных уровнях: например, с учетом положения об образовании на языках меньшинств, государство может выбрать: предоставлять ли все образование или часть образования, или только по требованию родителей, либо только образование в области культуры на языке меньшинства или на региональном языке. Такое образование может предоставляться в рамках дошкольного, начального, среднего, третичного, дополнительного или более высокого уровня образования. [3; 374, ст. 8]. Таким образом, государствам предоставляется

максимум выбора, и все государства должны иметь возможность присоединиться к Хартии (хотя, естественно, государства должны постоянно стремиться реализовывать более значимые права, чем те, что даются на выбор). Другие права, обозначаемые данной Хартией, относятся к языкам судебных разбирательств, средств массовой информации, административных и публичных властей, а также охватывают языковой плюрализм в культурной жизни меньшинств и, в общем, в культурной, экономической и социальной жизни населения.

Рамочная конвенция «О защите национальных меньшинств» от 1995 года [3; 367] ставит своей целью определение системы защиты национальных меньшинств, чтобы таким образом способствовать поддержанию регионального мира и стабильности. Так как она была принята в 1995 году, можно сделать вывод о том, что она является отчасти ответом Совета Европы на развал Советского Союза, на демократизацию стран Восточного блока и на продвижения, сделанные в соответствующем направлении ООН и ОБСЕ. Вслед за вступлением в силу данной Конвенции, у того или иного государства есть год на начало ее эффективной имплементации, по истечению которого данное государство отчитывается перед Генеральным секретарем Совета Европы. Права, содержащиеся в данном документе, включают в себя гарантии равенства перед законом, культурную презервацию, религиозную свободу, использование языка меньшинства и права на межграницные контакты между различными группами меньшинств. Во многих отношениях данные права отражают гарантии, предоставленные меньшинствам под эгидой Лиги наций, за семьдесят лет до принятия данной Конвенции.

Европейская конвенция «Об осуществлении прав детей» от 1996 года [5] ставит своей целью продвижение реализации Конвенции ООН «О правах ребенка». Это наиболее хорошо отражено в статье 4 Европейской конвенции «Об осуществлении прав детей», в которой определяется механизм имплементации прав детей в рамках юрисдикции Совета Европы. Данная Конвенция сфокусирована на включении ребенка в процесс принятия решений и информировании ребенка о статусе определенных судебных процедур. Под наилучшими интересами ребенка в данном документе понимается определенный стандарт, который устанавливается с учетом возраста и уровня понимания того или иного ребенка. Данная Конвенция учреждает Постоянный комитет для надзора за имплементацией Конвенции и предоставления рекомендаций и помощи государствам, желающим усилить свое законодательство в области продвижения и применения прав детей.

Конвенция «О правах человека и биомедицине» от 1997 года [6] стала успехом Совета Европы в сфере разработки документа, относящегося к биомедицине, и оказалась точкой отсчета новой эры прав человека с основательными последствиями. После принятия

Камал МАКИЛИ-АЛИЕВ

Конвенции, в 1998 году был принят Дополнительный протокол к ней, который установил запрет на клонирование человеческих существ. [7] Целью данных документов является поощрение использования новых технологий в биомедицине, одновременно стремясь регулировать любое использование новых технологий, которые могут покушаться на честь и достоинство человеческой личности. Перенимая эстафету у Всеобщей декларации прав человека ООН, данная Конвенция устанавливает верховенство человеческого существа над интересами общества или науки (статья 2 Конвенции). Далее Конвенция охватывает правила, касающиеся заботы о здоровье пациента, защиты частной жизни и права на информацию, а также нормы вмешательства в геном человека и запрета на дискриминацию по человеческому генетическому наследию, защиты лиц, занятых в научных исследованиях, изъятия органов и тканей и т. д. Первый Дополнительный протокол строится на подобных нормах, устанавливая запрет на «любое вмешательство, нацеленное на создание человеческого существа, генетически идентичного другому человеческому существу, живому или умершему» [7; ст. 1(1)], в то время, как последующие протоколы детализируют правила трансплантации органов и тканей человека и проведения биомедицинских исследований.

3. Институциональная система (система органов)

Как и положено самой развитой региональной организации, занятой защитой прав и основных свобод человека, Совет Европы обладает высокоразвитой институциональной системой, хоть и не все его органы напрямую задействованы в развитии и защите прав человека.

Генеральный секретарь Совета Европы. Генеральный секретарь назначается Парламентской ассамблеей по рекомендации Комитета министров (статья 36 Устава Совета Европы) [3; 296]. Генеральный секретарь осуществляет руководство Секретариатом Совета Европы. Он также служит депозитарием для ратификаций, оговорок и денонсаций различных документов Совета Европы. Как уже отмечалось, коллективные жалобы по Социальной хартии направляются, в первую очередь, Генеральному секретарю Совета Европы.

Комитет министров Совета Европы. Комитет министров является основным, принимающим решения, органом Совета Европы. Он состоит из министров иностранных дел всех государств-членов Совета (однако государства-члены могут заменять их альтернативами высокого дипломатического ранга). Комитет собирается дважды в год – в ноябре и в апреле/мае. Роль Комитета рассматривается с трех позиций: первая, как форум для обсуждения на равном уровне национальных подходов к решению различных проблем; вторая – место согласования общеевропейских реакций на такие проблемы; и третья – как гарант принципов и догматов функционирования Совета Европы. Последняя функция подразумевает под собой

мониторинг соблюдения государствами-членами своих обязательств по Европейской конвенции по правам человека. Комитет министров поддерживает связь с другими органами Совета Европы, осуществляет надзор за следованием государствами-членами своим международным обязательствам, рассматривает заявки на вступление в Совет Европы и заявления новых государств-членов, составляет и принимает конвенции, составляет рекомендации и занимается администрированием бюджета организации.

Учитывая наложенную на него рабочую нагрузку, неизбежно то, что Комитет стремится действовать через заместителей. Назначение заместителей было одобрено Комитетом в марте 1952 года. Каждый министр назначает заместителя, который присутствует на пленарных сессиях каждые две недели. Он может принимать решения в той же мере и с теми же юридическими последствиями, как и сами министры. Заместителями обычно являются постоянные представители государств в Совете Европы. Устав Совета Европы более подробно детализирует функционирование данного института. По сути, существуют три уровня заседаний: **А**, **В** и **ДН**. Заседания уровня **А** являются полностью заседаниями заместителей, а заседания **В** ими посещаются редко, в то время, как заседания уровня **ДН** затрагивают обязательства Комитета министров в соответствии с Европейской конвенцией по правам человека. Заседания заместителей руководствуются отдельными процедурными нормами, а множество решений на таких заседаниях принимается простым большинством. Работа Комитета министров устанавливается председателем, пост которого занимает поочередно государствами-членами (согласно алфавитному порядку английского языка): Сан-Марино занимало пост с ноября 2006 года и до мая 2007 года, пока пост не перешел к Сербии, затем в ноябре 2007 года пост перешел к Словакии, а с мая по ноябрь 2008 года пост занимает Швеция. Затем пост был передан соответственно Испании и Словении до ноября 2009 года.

Комитет министров осуществляет мониторинговые процедуры с 1996 года. Таким образом, Комитет может рассматривать вопросы имплементации обязательств в отношении ситуаций с демократией, правами человека и верховенством закона в любом государстве-члене (Декларация «О следовании обязательствам» принята государствами-членами Совета Европы 10 ноября 1994 года на 95-й сессии) [8]. Вопросы на рассмотрение Комитета министров представляются государствами-членами Совета Европы, Генеральным секретарем или по рекомендации Парламентской ассамблеи. Мониторинговая система, находящаяся в управлении Комитета министров, является конфиденциальной и функционирует на основании и в духе сотрудничества. Она часто фокусируется на избранных темах.

Парламентская ассамблея. Парламентская ассамблея является представителем народов Совета

ЕВРОПЕЙСКАЯ СИСТЕМА ИМПЛЕМЕНТАЦИИ И ПРИМЕНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Европы и состоит из широких политических групп. Она управляется Бюро и функционирует посредством определенного количества комитетов. Во время страсбургских сессий, Бюро, Комитеты и политические группы проводят заседания. Вне подобных сессий, проводятся собрания Парламентской ассамблеи и комитетов Западного Европейского Союза. Комитеты Парламентской ассамблеи делятся на занимающиеся равными возможностями для мужчин и женщин, культурой и образованием, правовыми (юридическими) вопросами и правами человека. Также существует Комитет, который занимается вопросами следования государствами-членами своим обязательствам, – Мониторинговый комитет.

Комитет по правовым вопросам и правам человека отвечает за большую сферу деятельности в области развития и защиты прав человека. Он выступает в качестве советника Парламентской ассамблеи. Данный Комитет стал более заметен после распада коммунистического режима в странах Восточного блока. Комитет наблюдает за применением прав человека на тех территориях, которые присоединились к Совету Европы. Для этих целей Резолюцией 1115 (1997) был создан специальный комитет [9]. Данный комитет снабжает Комитет по политическим вопросам материалами, на которых последний основывает свои отчеты по любому из государств-членов Совета Европы. Все государства-члены должны следовать основным стандартам прав человека, установленным Советом Европы.

Европейский суд по правам человека. Европейский суд является международным органом, учрежденным Европейской конвенцией по правам человека, для принятия и рассмотрения жалоб от индивидов и государств, утверждающих о нарушениях прав, находящихся под защитой указанной Конвенции. Парламентская ассамблея избирает судей на шестилетний срок (статьи 22-23 Конвенции, однако в будущем они будут поправлены Протоколом 14). На практике половина судебных позиций заполняется выборами, проходящими каждые 3 года, в процессе ротации. Судьи заседают в пределах своих индивидуальных возможностей и не являются представителями своих государств [3; 306]. Естественно, судьи должны быть независимы и не могут заниматься какой-либо работой или иной деятельностью, которая может скомпрометировать их независимость и беспристрастность. Члены Суда из числа судей выбирают президента суда, двух вице-президентов и президентов палат суда. В этих должностях данные лица служат три года.

Суд руководствуется собственными правилами Суда. Европейский суд по правам человека поделен на четыре секции, каждая из которых обладает фиксированным составом на три года. Каждая секция должна быть сбалансирована по составу как географически, так и по половому признаку, а также включать представителей различных правовых систем государств-участников Европейской конвенции. Каждой секцией руководит собственный президент. В двух из четырех

секций президенты также выполняют функции вице-президентов Суда. Вице-президенты секций оказывают помощь президентам секций, по необходимости.

Каждая секция поделена на комитеты, состоящие из трех судей. Комитеты составляются на двенадцатимесячный срок и выполняют некоторые функции, которые раньше входили в полномочия бывшей Европейской комиссии по правам человека. При слушании дел судьи заседают в палатах, состоящих из семи членов Суда, которые формируются на основе ротации из судей каждой из секций. В каждом деле заседают президент секции и судья, назначенный государством-ответчиком [3; 306, ст. 27(2)]. Если государство-ответчик назначает судью извне секции, данный член суда засекает в деле *ex officio*. Большая палата суда состоит из семнадцати судей – ее состав меняется каждые три года. Следует отметить, что Протокол 14 стремится внести изменения в данную систему. Как только он вступит в силу (т.е. сразу после ратификации Российской Федерацией), полномочия по решению о приемлемости дел к рассмотрению в Палатах будут принадлежать в каждом случае единичному судье.

Помимо рассмотрения дел, в соответствии со статьей 47 Суд может по просьбе Комитета министров давать консультативные заключения по юридическим вопросам, возникающим при толковании Европейской конвенции по правам человека и ее протоколов. Подобные заключения даются Большой палатой с присоединенными особыми мнениями.

Европейский комиссар по правам человека. Это сравнительно новый орган, утвержденный Саммитом Глав государств и правительств в 1997 году и учрежденный в 1999 году. Комиссар избирается Парламентской ассамблеей Совета Европы на шестилетний срок, без возможности переизбрания. В задачи комиссара входит поощрение и продвижение образования и знаний в области прав человека в государствах-членах Совета Европы, идентификация пробелов и неувязок в законодательстве и практике государств-членов при применении прав человека, а также оказание помощи и поддержки государствам-членам в деле применения и продвижения прав человека на их территориях в соответствии с различными международными документами Совета Европы. Комиссар не является ни судебным органом, ни омбудсменом. По сути, комиссар предоставляет консультации и информацию по защите прав человека и способствует сотрудничеству между всеми национальными омбудсменами и национальными и международными механизмами применения прав человека. В зависимости от обстоятельств комиссар может поддерживать контакт с государствами и другими органами Совета Европы. Юрисдикция комиссара в сфере прав человека охватывает все стороны деятельности Совета Европы. Управлению комиссара может быть поручено расследование в любой области прав человека, и он может давать заключения, рекомендации и отчеты по любому вопросу из такой области.

Камал МАКИЛИ-АЛИЕВЕвропейская комиссия по правам человека.

Данная Комиссия была упразднена в 1999 году. Созданная в соответствии с изначальной Европейской конвенцией по правам человека для рассмотрения жалоб в отношении нарушений прав человека, содержащихся в Конвенции, и действуя в основном как некий «фильтр», Комиссия рассматривала вопросы приемлемости жалоб. Однако в то же время, Комиссия давала и заключения по делу, данные заключения публиковались, но не имели обязательной юридической силы по отношению к Европейскому суду по правам человека. После дачи заключения и невозможности достижения мирового соглашения между сторонами, Комиссия могла выбирать: передавать или нет дело на рассмотрение в Европейский суд или же в качестве альтернативы на рассмотрение Комитета министров. Дела, рассмотренные до 2001 года, могут все еще содержать мнения Комиссии. Большинство дел, рассмотренных с тех пор, были разрешены в соответствии с новыми положениями Европейской конвенции, поправленной в соответствии с Протоколом 11, который упразднил роль Комиссии.

4. Имплементация прав человека

Страсбургский механизм (изначальный и текущий). Одиннадцатый Протокол к Европейской конвенции, вступивший в силу в 1998 году, необратимо поменял процедуру подачи жалоб в Европейский суд по правам человека, реструктурируя всю данную систему правоприменения. После своего создания Суд рассматривает постоянно растущее количество дел. Первое свое дело Суд рассмотрел в 1967 году. В 1981 году количество дел, направленных в суд, составило пятьдесят два, к 1997 году – сто девятнадцать, ожидавших рассмотрения Судом. К 1993 году количество дел, рассмотренных Комиссией, составило 4.750. Одиннадцатый Протокол был открыт для подписания с 11 мая 1994 года. Из-за радикальной реформации системы контроля прав человека все государства-участники Конвенции должны были подписать Протокол, чтобы он вступил в силу. Последняя ратификация была зарегистрирована в Совете Европы в октябре 1997 года. Исходя из текста Протокола, у Совета Европы затем был один год на проведение всех необходимых мероприятий по внесению организационных и процессуальных изменений для учреждения постоянного Суда и создания новых Правил Суда. Текущий Европейский суд по правам человека начал свою деятельность с 1 ноября 1998 года. Исходя из текста Протокола, Комиссия продолжила свою деятельность еще один год до 31 октября 1999г. в целях рассмотрения жалоб, которые были признаны приемлемыми к рассмотрению до вступления в силу Протокола 11. Следует отметить, что Протокол 14 повлечет дальнейшие изменения после своего вступления в силу.

Межгосударственные и индивидуальные жалобы. Статья 33 Конвенции гласит, что Высокие Договаривающиеся Стороны могут передать на рассмот-

рение суда «любой вопрос о любом предполагаемом нарушении положений Конвенции и Протоколов к ней другой Высокой Договаривающейся Стороной» [3; 306, ст. 33]. Первым межгосударственным делом, рассмотренным Европейским судом по правам человека, было дело *Ireland v. United Kingdom* [10].

После вступления в силу Протокола 11, процесс подачи индивидуальных жалоб стал обязательным для всех государств-участников Конвенции. В соответствии с изначальной системой государства могли выбирать: признавать ли им юрисдикцию Суда в отношении индивидуальных жалоб, или нет. Успех Комиссии и Суда и, в особенности высокий уровень следования их решениям, означал, что обязательное использование данной судебной системы приемлемо для государств. В действительности количество коммюнике, получаемых Судом, продолжило расти. В соответствии с последней статистикой Суда на 2007 год было получено 41.700 жалоб, что является увеличением жалоб более чем на 100% по сравнению с 1998 годом, когда было зарегистрировано всего 18.164 жалобы, что практически равно общему количеству жалоб, зарегистрированных с 1955 по 1982 года [11]. Озабоченность растущим числом жалоб положила начало обсуждениям данного вопроса в Комитете министров по поводу повышения эффективности с помощью нового протокола, который бы позволил отменить жалобы, не поднимающие вопросов по существу, в отношении Конвенции. Протокол 14 является результатом таких обсуждений, но все еще не вступил в силу.

Исходя из положений Страсбургского механизма, в процессе рассмотрения жалобы бывает максимум четыре стадии: стадия Комитетов, стадия Палат, стадия Большой Палаты, стадия Комитета министров. В идеале (однако, не всегда), данные четыре стадии должны отражать приемлемость жалобы, рассмотрение жалобы по существу, апелляцию и применительные аспекты судебного процесса. Здесь имеет смысл привести общий обзор такого процесса. Исходя из положений статьи 34 Конвенции, жалобы могут быть приняты «от любого физического лица, любой неправительственной организации или любой группы частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав», содержащихся в Конвенции и/или Протоколах к ней [3; 306]. То, что жалобщик должен быть еще и жертвой, является важной частью процесса.

Комитеты обладают компетенцией объявлять жалобы неприемлемыми к рассмотрению или вычеркивать жалобы из списков. Во многих отношениях Комитеты выполняют фильтрующую функцию, что до этого было прерогативой Комиссии. Дело объявляется неприемлемым к рассмотрению в соответствии с критериями, указанными в статье 35 Конвенции: анонимность жалоб и неисчерпанность всех внутренних средств правовой защиты являются двумя главными основаниями для признания жалоб неприемлемыми

ЕВРОПЕЙСКАЯ СИСТЕМА ИМПЛЕМЕНТАЦИИ И ПРИМЕНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

к рассмотрению. Признание жалобы неприемлемой всегда должно быть обосновано. Дела также могут быть вычеркнуты из списка дел на любой стадии процесса, когда становится очевидно, что жалобщик не стремится участвовать в процессе рассмотрения своей жалобы, ситуация на основе жалобы была разрешена или по схожим причинам. Подобные решения о приемлемости не подлежат апелляции или какому-либо обжалованию, однако дело, вычеркнутое из списка, может быть восстановлено в списке дел, если Суд сочтет, что обстоятельства того требуют. Комитеты объявляют жалобы неприемлемыми к рассмотрению единогласно [3; 306, ст. 28, 29]. Однако принятие Комитетом жалобы к рассмотрению не означает того, что дело будет рассмотрено по существу, так как Палаты также могут решить голосовать о приемлемости дела к рассмотрению и вычеркнуть дело из списка. Следует отметить, что в соответствии с Протоколом 14, один судья сможет единолично решать вопрос приемлемости дела к рассмотрению, и дела могут быть признаны неприемлемыми, если права жалобщика «нарушены незначительно» (статья 12 Протокола 14) (арушены незначительноаны неприемлемыми если жалобщик ин судья сможет единолично решать вопрос приемлимости дела алаты также м). [12].

Палаты при рассмотрении дел включают, *ex officio*, в свой состав судью государства-участника, отвечающего по делу. Данный пост *ex officio* или эквивалентный ему *ad hoc*, позволяющий признанному и уважаемому эксперту той или иной национальной системы права прояснять нормы и нюансы своего национального права для членов Суда. Палаты решают вопросы приемлемости межгосударственных дел, а также могут решать вопросы приемлемости к рассмотрению индивидуальных жалоб, направленных к ним Комитетами. [3; 306, ст. 29]. Решения о приемлемости к рассмотрению жалоб обычно принимаются отдельно от решений по существу дела. Суд будет стараться рассмотреть дело в комплексе, возможно, даже провести расследование по делу при помощи государства-участника, отвечающего по данному делу. Также Суд попытается привести стороны к мировому соглашению, достижение которого будет означать то, что дело можно вычеркивать из списка. [3; 306, ст. 39]. Слушания по делам в Европейском суде по правам человека обычно проводятся публично, и вся документация по делам является общественно-доступной. Решения Палат являются окончательными, за исключением случаев, когда дело передается на рассмотрение Большой палате. Если одна из сторон принимает решение в течение трех месяцев о передаче дела на рассмотрение Большой палате, дело передается на обсуждение пяти судьям Большой палаты, которые примут решение о принятии или отказе в рассмотрении дела Большой палатой. Если судьи примут решение об отказе, тогда решение Палаты становится окончательным. В ином случае делом занимается Большая палата.

Если дело, находящееся на рассмотрении Палаты, ставит серьезные вопросы, затрагивающие толкование Конвенции или Протоколов к ней, или в случае, если Палата находится в ситуации, когда она должна вынести решение, несоответствующее предыдущим решениям Суда, данная Палата может отказаться от юрисдикции по данному делу в пользу Большой палаты. [3; 306, ст. 30]. Отказ от юрисдикции может быть произведен в любое время до вынесения Палатой решения по делу, если только ни одна из сторон не возражает против этого.

Большая палата всегда включает *ex officio* судью государства-участника Конвенции, выступающего в роли ответчика по делу, президента Суда и президентов Палат суда. Большая палата обладает юрисдикцией в трех случаях: когда Палата отказывается от юрисдикции в пользу Большой палаты; когда сторона в деле, по которому Палата вынесла решение, требует передачи дела на рассмотрение Большой палаты (в этом случае группа из пяти судей будет решать, ставит ли дело серьезный вопрос о толковании или применении Конвенции, для принятия данного дела к рассмотрению Большой палатой); когда Комитет министров Совета Европы просит суд вынести консультативное заключение. Однако случаи, когда подобное может иметь место, строго определены. [3; 306, ст. 30, 43, 47]. Большая палата рассматривает дело по существу и выносит окончательное обязательное к исполнению решение. Следует отметить, что решение Большой палаты как первой инстанции нет возможности обжаловать в апелляционном порядке.

На Комитете министров лежит обязанность по надзору за применением решений, как Палат, так и Большой палаты Европейского суда по правам человека. Окончательное решение всегда передается в Комитет министров. Как и в почти любом вопросе международного права, применение решений зависит от воли государств. Решения Суда юридически обязательны для государств, которые принимают на себя обязательство соблюдать такие решения. Исключения из участия в Конвенции являются единственной возможной санкцией за несоблюдение решений Суда. Ранняя серия государственных жалоб в отношении Греции – изначальные «Греческие дела»: *Denmark, Norway, Sweden v Greece* [13] – побудили Грецию временно выйти из участия в Конвенции. С другой стороны, текущий поток дел против Турции, о серьезных нарушениях ею прав человека, можно рассматривать как иллюстрацию несостоятельности закона в некоторых регионах страны, а не как неспособность Турции следовать своим обязательствам в общем смысле.

5. Организация по Безопасности и Сотрудничеству в Европе

Бывшее Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе на данный момент является полноценной организацией по безопасности, включающей пятьдесят пять государств-членов, и с географическим

Камал МАКИЛИ-АЛИЕВ

простором «от Ванкувера до Владивостока». [14; 1]. ОБСЕ является самой крупной региональной организацией по безопасности в мире (она также признана в соответствии с Главой VIII Устава ООН как Европейский региональный орган для целей безопасности). [3; 1]. Несмотря на фокус на безопасности – контроле оружия, предупреждении конфликтов, экономической и экологической безопасности – ОБСЕ в тоже время уделяет особое растущее внимание человеческому измерению в проблемах безопасности. Логическим обоснованием такому поведению является напоминающая о себе аргументация ООН: защита и развитие прав и основных свобод человека рассматривается как важный фактор в поддержании международного мира и безопасности. Однако в отличие от ООН, ОБСЕ не имеет правового статуса в международном праве. В основном ОБСЕ считается политическим органом. Учитывая, что данная организация выросла из идеологически поделенной Европы, с фокусом на безопасности и сотрудничестве в Европе, такая склонность к политизации была неизбежна. Процесс начался в 1973 году с формального открытия Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) в Хельсинки. Даже достижение присутствия и участия государств в Совещании уже само по себе было выдающимся событием, учитывая затянувшиеся переговоры и трудности в нахождении общего языка на тот момент. Представители всей Европы (за исключением Албании), а также США и Канада присутствовали на этом событии. Хельсинкский заключительный акт был подписан 1 августа 1975 года тридцатью пятью главами государств. [15]. Он устанавливает цели и общие интересы, согласованные делегатами, будучи пронизанным предпосылкой о том, что государства-участники обладают общим интересом по поддержанию безопасности в Европе и предупреждению дальнейших конфликтов в регионе, которые уже были отмечены войной дважды за тридцать лет. Государства-участники обязались работать вместе в этом направлении на серии периодических конференций и встреч. Без какой-либо инфраструктуры как таковой, встречи и конференции были единственным инерционным толчком для развития связей между государствами через «железный занавес» и, в принципе, по политическим причинам, это был на удивление успешный механизм.

Третья группа рекомендаций, принятая в рамках Хельсинкского заключительного акта, охватывала сотрудничество в гуманитарной и других областях. Данная, достаточно широкая, категория охватывала права человека, образование и культуру: статьи данной группы подчеркивали важность уважения прав и основных свобод человека, в особенности свобод мысли, совести и религии, а также беспокоящее всех право на самоопределение. Здесь проявилась непосредственность организации в четком определении имплементируемых прав, и, в частности, права на самоопределение, разграничение его с другими

правами и свободами индивидов и принципами ОБСЕ.

Главным толчком к изменению структуры организации со стороны государств стал развал коммунизма. Парижская хартия от 1990 года стала «новым началом» для целостной и свободной Европы. Эти события отметили формализацию процесса ОБСЕ (Хельсинкского процесса) принятием решения о проведении регулярных встреч каждые два года и учреждением институциональной инфраструктуры.

В 1994 году новая институциональная система и соответствующие продвижения были отражены в решении продолжения процесса в виде Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) к 1995 году. С того момента ОБСЕ начала работать в Европе, что было невероятно в годы, предшествующие Хельсинкской конференции, да и в долгие годы после нее. Однако развал Советского Союза и бывшей Югославии привнес уникальные изменения в данную организацию и в ее фокус на безопасности. Приоритеты ОБСЕ на сегодняшний день включают помощь в построении демократических обществ, основанных на верховенстве права, предотвращении локальных конфликтов и поощрении систем сотрудничества по безопасности. Для продвижения данных целей ОБСЕ разработала систему деятельности «на месте» и учредила различные миссии на местах. Миссии ОБСЕ сконцентрированы на территориях бывшего Советского Союза и бывшей Югославии. Такие миссии включают миссию в Боснии и Герцеговине, Грузии, Молдавии, Таджикистане, офисы в Баку, Ереване, Центральной Азии, представительство в Албании, группы мониторинга в Беларуси и другую деятельность в Эстонии и Латвии. Косово представляет собой центр одной из наиболее крупных операций ОБСЕ на данный момент, которую данная организация проводит совместно с ООН и другими организациями. В то же время деятельность данной организации по урегулированию армяно-азербайджанского нагорно-карабахского конфликта в рамках Минской группы ОБСЕ показала существующие проблемы в ее организации и компетенции, наличие двойных стандартов и привилегированных членов.

Так как этнические конфликты являются главными источниками крупных всплесков насилия в современной Европе, в данном регионе обновился интерес к правам человека. Заинтересованность в Человеческом измерении, продвигаемом ОБСЕ, значительно повысилась в последние годы, особенно после учреждения Бюро по демократическим институтам и правам человека (1992 г.), Верховного комиссара по делам национальных меньшинств (1992 г.) и сравнительно недавно учрежденного Представителя по вопросам свободы средств массовой информации (1997 г.).

По сути, ОБСЕ стремится использовать права человека в целях обеспечения и поддержания мира в регионе. Такой подход схож с тем, который применялся ООН на ранних стадиях ее деятельности. Защита прав человека *per se* не является целью, достижи-

ЕВРОПЕЙСКАЯ СИСТЕМА ИМПЛЕМЕНТАЦИИ И ПРИМЕНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

мой или имплементируемой, а скорее целью развития культуры уважения прав человека и вместе с ней эволюция демократических, мирных обществ является таковой по своей сути. В данном контексте можно провести параллели с первопроходческой деятельностью Комиссии Организации Американских Государств по развитию и усилению зарождающихся демократий в ненадежном и нестабильном регионе.

Бюро по демократическим институтам и правам человека. Данное Бюро эволюционировало из Бюро по свободным выборам. Оно было первым институтом, учрежденным в рамках такой цели ОБСЕ, как Человеческое измерение, и отражало подход данной организации к правам человека: демократия рассматривается почти как предпосылка для начала реализации прав человека в государстве. В результате такого подхода, особое ударение ставится на учреждении системы свободных выборов и демократических институтов в государствах. ОБСЕ наблюдала более чем за сотней выборов и референдумов во многих зарождающихся демократиях (по просьбе таких государств). Она также использует детальную тренировочную программу для помощи государствам в развитии соответствующих процедур для свободных выборов. Департамент по демократизации Бюро занят в проектах, нацеленных на усиление верховенства права и закона. В этом отношении ОБСЕ старается поощрять распространение информации по правам человека, предоставлять тренинги и техническую помощь национальным учреждениям по правам человека, усиливать неправительственные организации, а также активно поощрять работу в определенных областях прав человека, таких как равенство полов, борьба с пытками, свобода вероисповедания, а также борьба с трафиком людей. Бюро также занимается мониторингом прав человека и прогресса в отношении достижения целей человеческого измерения. Учитывая международный характер проблем, связанных с Общинами Рома и Синти, они выделяются в особый спектр внимания. Через работу Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ стремится поддерживать государства, прогрессирующие в сторону свободных выборов и демократических систем государственного управления, так как в данной среде права и свободы человека могли бы процветать.

Верховный комиссар по делам национальных меньшинств. Верховный комиссар является «принципиальным» ответом ОБСЕ на угрозу дальнейших этнических конфликтов в регионе. К 1992 году, когда был создан данный пост, проблемы, возникшие из-за развала восточного блока и бывшей Югославии, были остры и очевидны. Целью Верховного комиссара является обнаружение и идентификация этнических напряженностей, которые могут служить угрозой миру и стабильности в странах ОБСЕ. Следующей по значимости целью Верховного комиссара является его работа по ликвидации зарождающегося конфликта в

соответствии с мандатом Комиссара, гласящим, что он является «инструментом предотвращения конфликтов на как можно более раннем этапе» их возникновения. [14; 118]. Наряду с превентивной дипломатией, Комиссар также проводит работу на местах. Под эгидой Верховного комиссара уже ведется работа по детальному исследованию народов Рома и Синти, а также ведутся национальные исследования в странах с таким разнообразным населением, как Албания, Украина, Казахстан и Венгрия. Данный орган не обладает полномочиями на прием индивидуальных жалоб. Молчаливая дипломатия играет тут ключевую роль. Интеграция национальных меньшинств в государство (не обязательно ассимиляция!) рассматривается как необходимость для предотвращения конфликтов и разделений в рамках той или иной территории, и потому на Комиссара возлагается ответственность за улучшение положения меньшинств. Однако следует отметить, что Комиссар *per se* не является только лишь заступником меньшинств.

Комиссаром проводится работа по сохранению индивидуальности меньшинств и поощрение их участия в публичной сфере деятельности государств. Среди примеров рекомендаций, принятых в отношении указанных сфер деятельности Комиссара, можно выделить Гаагские рекомендации о правах национальных меньшинств на образование от 1996 г., Ословские рекомендации о правах национальных меньшинств в области языка от 1998 г., а также Лундские рекомендации об эффективном участии национальных меньшинств в общественно-политической жизни. [16]. Презервация и продвижение индивидуальности (идентичности) меньшинств была выдающейся в эру деятельности Лиги наций и вновь медленно завоевывает популярность благодаря ООН. Несомненно, что данный вопрос является вопросом первой значимости для Европы как таковой, и ОБСЕ доказала свою компетентность в его разрешении.

Представитель по вопросам свободы средств массовой информации. Представитель является новейшим институтом ОБСЕ. В его обязанности входит продвижение и развитие свободных, независимых и плюралистических средств массовой информации [14; 45] на территориях государств-участников. Представитель обеспечивает раннее предупреждение, а также обладает функцией немедленных действий. Он также может принимать жалобы по вопросам цензуры, которые затем расследуются, и государству оказывается содействие в разрешении подобной ситуации. Представитель не является судебным органом, а скорее резервуаром для политического и дипломатического руководства, направленного на урегулирование конфликтов ненавязчивым и взаимовыгодным путем. Деятельность Представителя в направлении обеспечения свободных СМИ ведется совместно с ООН и Советом Европы.

Камал МАКИЛИ-АЛИЕВ

6. Европейский Союз

Европейский Союз был учрежден в момент вступления в силу Договора о Европейском Союзе (Маастрихтский договор). [17]. До данного соглашения существовало три отдельных Европейских Сообщества: Европейское Экономическое Сообщество (ныне Европейское Сообщество), Европейское Объединение Угля и Стали и Европейское Сообщество по Атомной Энергии. За годы с момента создания данные организации (особенно Европейское Экономическое Сообщество) развили применение прав человека в рамках своих юрисдикций. Эти три изначальных сообщества сейчас составляют основной столп нового Европейского Союза. (Другие два столпа заняты Общей внешней политикой и политикой безопасности и сотрудничеством в областях юстиции и внутренних дел). Амстердамский договор от 1997 года еще больше изменил данные подразделения Евросоюза и в тоже время увеличил значимость прав человека в Европейском Союзе. [18]. Все государства-участники Европейского Союза являются членами Совета Европы и положения Европейской конвенции по правам человека для них юридически обязательны для исполнения.

Изначальный фокус Европейских сообществ был на экономическом восстановлении Европы в послевоенный период, а потому права человека не упоминались в учредительных документах. Основатели Сообществ полагали, что экономическая интеграция не вызовет негативного эффекта на правах человека, а также учитывали то, что Совет Европы уже имеет права человека в центре своего внимания, и потому не видели необходимости в расширении юрисдикции Сообществ в данной сфере. Следует отметить, что многие государства в восточных областях Европы присоединились к Совету Европы, так как полагали, что это шаг по направлению к вступлению в Европейский Союз. Данная логика оказалась неоспоримой. В мае 2004 года членство в Европейском Союзе увеличилось с пятнадцати до двадцати пяти государств. Болгария и Румыния присоединились в 2007 году, и число государств увеличилось до двадцати семи.

Суд Европейских сообществ и права человека.

Новый на момент создания Европейского Союза Суд Европейских сообществ согласовал право Сообществ с правами граждан государств-членов Европейского Союза. В результате возникла новая отрасль юриспруденции по правам человека. Изначально Суд Европейских сообществ неохотно рассматривал дела в сфере прав человека – это может быть отмечено из такого раннего дела, как дело 1/58 *Stork*. [19]. Эволюция доктрины верховенства права Сообществ над национальным правом в сочетании с принципом прямого эффекта заставила Суд Европейских сообществ изменить свой подход к правам человека. Дело 29/69 *Stauder v Ulm* [20] предоставило Суду возможность признать влияние права прав человека на право Сообществ. Стаудер утверждал, что его основные права, заключенные в Конституции Германии

(мирными соглашениями), были нарушены требованием доказать свою личность для получения масла по сниженной цене в рамках европейской инициативы. В предварительном решении в параграфе 7 (сейчас статья 234 консолидированной версии Договора об учреждении Европейского Сообщества), Суд Европейских сообществ пришел к заключению, что оспариваемое положение не находилось в противоречии с «основными правами, заключенными в основных принципах права Сообществ и находящимися под защитой суда». [21; 521-699]. Уважение к основным правам человека, таким образом, рассматривалось как внутренний аспект основных принципов права, которые Суд был призван чтить. Суд расширил данную свою позицию в дальнейшем в различных делах: в деле 11/70 *Internationale Handelsgesellschaft mbH v Einfuhr- und Vorratsstelle für Getreide und Futtermittel*, Суд не принял заявление Конституционного суда Германии о том, что право Европейских сообществ противоречит положениям об основных правах, указанных в Конституции Германии (Конституционный суд Германии указал, что не согласен с решением Суда Европейских сообществ – схожая коллизия произошла у Конституционного суда Германии с Европейским судом по правам человека); [22] в деле 36/75 *Rutil v Minister for the Interior*, Суд Европейских сообществ прямо ссылаясь на соответствующие положения Европейской конвенции; [23] в деле C-13/94 *P v S and Cornwall County Council*, Суд Европейских сообществ сослался на ранние решения Европейского суда по правам человека, когда решал вопрос о потенциальной дискриминации в отношении транссексуалов. [24]

В результате того, что в Европе в принципе сложились две параллельные судебные системы с юрисдикцией в отношении прав человека, оба европейских суда получили фактически конкурирующие юрисдикции в отношении некоторых государств, и соответственно между данными юрисдикциями иногда возникают конфликты. Главным примером, пожалуй, может служить дело об ограничении распространения в Ирландии информации в отношении аборт за границей (в Ирландии аборты запрещены, за исключением некоторых медицинских необходимостей), рассмотренное обоими судами, в отношении которого суды вынесли различные решения. Так, в деле C-159/90 *Society for the Protection of the Unborn Child v Grogan*, [25] Суд Европейского правосудия решил, что указанный запрет выходит за рамки права Сообществ, хотя медицинские операции и могут рассматриваться как «услуги» в соответствии с указанным правом; несмотря на это, когда те же обстоятельства были вынесены на рассмотрение Европейского суда по правам человека в следующем году в виде дела *Open Door Counseling and Dublin Well Woman v Ireland* [26], данный суд постановил, что Ирландия нарушила Европейскую конвенцию.

Сама возможность присоединения Европейского Союза к Европейской конвенции была блокирована уже в тексте конвенции, так как только государства

ЕВРОПЕЙСКАЯ СИСТЕМА ИМПЛЕМЕНТАЦИИ И ПРИМЕНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

могут быть ее сторонами, и в любом случае Суд Европейских сообществ в своем заключении указал: «в том положении, в котором на данный момент находится право Сообществ, у Сообщества нет компетенции по присоединению к Конвенции». [27; п. 36]. Однако статья 17 Протокола 14 к Европейской конвенции по правам человека и статьи 1-9 Договора о черновом варианте (непринятой – К.М.-А.) Конституции Европейского Союза, наводят на мысль о том, что присоединение Европейского Союза к Совету Европы вполне возможно в будущем.

Конституционное признание прав человека в Европейском Союзе. Статья F(2) Договора о Европейском Союзе предоставляет первое прямое признание прав человека в конституционном праве Европейского Союза: «Союз должен уважать основные права, гарантированные Европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод». С учетом общей внешней политики и политики безопасности, статья J(1)(2) говорит о необходимости развивать и консолидировать демократию и верховенство права, а также уважение к правам человека и основным свободам. [21; 521-699]. Амстердамский договор далее расширяет роль Суда Европейских сообществ в отношении прав человека в Сообществе путем добавления определенных положений в Маастрихтский договор в сфере Первого Столпа (в отношении которого у Суда Европейских сообществ есть юрисдикция). Достаточно интересен тот факт, что при подписании Амстердамского договора к нему была добавлена Декларация о ликвидации смертной казни во всех государствах-членах. Данный акт является прямой ссылкой на Протокол 6 Европейской конвенции. Наконец, несомненным является то, что черновой вариант (непринятой) Конституции ЕС еще раз поставил в центр уважение к правам человека в Союзе.

Хартия основных прав Европейского Союза. На Саммите в Ницце в декабре 2000 года был принят текст Хартии основных прав Европейского Союза. Данный текст инкорпорирован в черновой вариант Конституции. Он консолидирует важность основных прав в Европейском Союзе. Преамбула данной Хартии еще раз подчеркивает цель усиления защиты основных прав в свете происходящих в обществе изменений, социального прогресса, научных и технологических достижений, делаая права, указанные в Хартии, более видимыми. Таким образом, Хартия рассматривается как кодификация существующих прав европейских граждан (европейский гражданин – термин, впервые представленный Договором о Европейском Союзе, который охватывает все лица с гражданством какого-либо государства-члена Европейского Союза – статья 17 консолидированной версии Договора о Европейском Сообществе). [21; 521-699]. Европейский Союз по определению основан на «неделимых, универсальных ценностях человеческого достоинства, свободы, равенства и солидарности», принципов демократии и верховенства права. [28].

Также в Хартии отдается должное работе Совета Европы и Европейского суда по правам человека в определении и толковании основных прав и свобод.

Права, заключенные в Хартии, должны признаваться и применяться институтами Сообщества и государствами-членами при применении права Сообществ. [28; ст. 51]. Таким образом, Хартия ставит своей целью сделать институты Сообщества более ответственными по отношению к правам человека. Права, заключенные в Хартии, являются несколько смутными, но, по сути, совсем не новыми. Они неизменно основаны на предшествующих текстах, либо на различных документах Европейского Сообщества, либо на юриспруденции Суда Европейских сообществ. Хартия поддерживает холистический подход к основным правам, признавая неделимость прав человека, вновь подчеркивая, таким образом, неприкосновенность человеческого достоинства. [28; ст. 1]. В Хартию включен широкий спектр прав, начинающийся от гражданских и политических прав, напоминающих Конвенцию Совета Европы, через подробную секцию о правах на равенство и главы по правам на «солидарность» (например, социальные права, взятые из принципов защиты труда, продвигаемых Сообществом) до табуляции прав граждан *vis-a-vis* деятельности Европейского Союза. Последняя категория прав включает выборные права, доступ к документам и права на компенсацию за плохое управление. Хартия используется институтами Союза, в частности Судом Европейских сообществ, при определении того, соответствует ли их практика основным принципам права, признаваемого и применяемого в Европейском Союзе. В тоже время, национальное следование основным правам, также находится в рамках мониторинга ЕС и проводится группой независимых экспертов. Данная группа состоит из независимых экспертов (обычно научных деятелей или практиков) от каждого государства, предоставляющего отчет. Также ежегодно рассматривается отчет о каждом из институтов Европейского Союза.

Социальная политика. Именно из-за своей социальной политики Европейский Союз имеет наибольшей успех в применении международного права прав человека. Перенимая лидерство в первопродвинутой работе, начатой Международным бюро труда, Европейский Союз принял некоторое количество документов. Эти документы будут рассмотрены подробнее далее в этой работе, когда речь пойдет о праве на труд.

Следует отметить и определенные нововведения в право Сообществ относительно запрета на дискриминацию, что также усилило социальную политику ЕС. Европейское Сообщество расширило эффект запретов на дискриминацию от полового признака в трудовой деятельности до целого ряда различных оснований, включая сексуальную ориентацию и возраст. [28; ст. 13] [29; 1127-1152]. На основе

Камал МАКИЛИ-АЛИЕВ

указанных положений Сообщество на данный момент провело в жизнь ряд директив (законодательных мер), цель которых – обеспечение равного обращения в трудовой деятельности и трудоустройстве (например, Директива 2000/78, устанавливающая общие рамки для равного обращения при трудоустройстве и трудовой деятельности, охватывает дискриминацию по сексуальной ориентации, возрасту, инвалидности и религии). [30].

7. Заключительные комментарии

Немногие могли бы поспорить с тем, что такой аспект работы Совета Европы как права человека – это настоящий успех. В отличие от различных органов ООН, Совет Европы смог развить систему, обеспечивающую защиту основных прав человека через судебный механизм. Европейская конвенция по правам человека дозрела до самого мощного и эффективного договора по правам человека во всем мире. Европейский суд по правам человека является самым большим органом по правам человека и с помощью применения Конвенции и создания прецедентного права данный орган развил самую подробную юриспруденцию по правам человека. Органы Организации Американских Государств и даже Комитет по правам человека ООН ссылались на данную юриспруденцию при рассмотрении своих дел также, как и многие суды по всему миру: на сегодняшний день Европейский суд по правам человека функционирует практически как конституционный трибунал. Его решения считаются авторитетными и часто обладают эффектом *erga omnes*, так как Суд толкует и развивает Конвенцию, а не просто применяет ее к тому или иному делу. Тем не менее, развив свой статус международного суда, Европейский суд по правам человека создал доктрину «пределов свободы усмотрения», которая признает национальный суверенитет и открывает государствам свободу (иногда очень широкую) в применении прав человека. Именно из-за подобной гибкости уровень следования государствами решениям Суда настолько высок. Тот факт, что суд перекрестно ссылается на свои собственные решения, добавляет еще больше веса к заключениям по тому или иному делу, создавая определенные ограничения в системе судебного прецедента. Несмотря на это, у Совета Европы есть и

свои провалы; недостаточное внимание к экономическим, социальным и культурным правам является наиболее значимым. Рамочная конвенция «О защите национальных меньшинств» и Европейская Хартия «О региональных языках и языках меньшинств» охватывают в некоторой полноте проблемы меньшинств, а Социальная хартия – экономические и социальные проблемы, но они не обладают теми же сильными имплементационными механизмами, которые характеризуют Европейскую конвенцию по правам человека.

Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе успешно сфокусировалась на делах меньшинств и кодифицировала руководящие принципы хорошей практики для государств, которые хотят защищать и продвигать свои меньшинства. Верная своему изначальному политическому происхождению, ОБСЕ не обладает системой применения прав *per se*. Однако ее вклад в развитие прав в регионе невозможно переоценить, особенно учитывая ее широкий географический охват. Поощрение развивающихся демократий в ново-независимых государствах позволило Организации заложить фундамент для защиты всемирно признаваемых прав и основных свобод человека. Работа ОБСЕ также проложила путь для увеличения членства в Совете Европы, все большее количество государств изъявляет желание следовать положениям Европейской конвенции по правам человека. Наконец, касаясь экономических и социальных прав, не следует забывать первопроходческую работу Европейского Сообщества.

Европейское Сообщество/Союз обладает сильной имплементационной системой обеспечения социальных прав и регулирования прав трудящихся на рынке труда. Несмотря на свое экономическое происхождение, Сообщество развилось в региональную власть над социальными правами, переняв раннюю работу Совета Европы и продвинув ее, так как в настоящее время права, установленные Сообществом, являются применимыми. Права человека достигли еще большего возвышения с принятием Хартии, рассмотренной выше. С расширением Сообщества на восток и учитывая возможные расширения его в будущем, верховенство права, которое Сообщество продвигает, также будет расширяться и широко применяться.

Литература:

1. Macdonald R. St. J. "Margin of appreciation in the jurisprudence of European Court of Human Rights" in the International Law at the time of its Codification : Essays in Honour of Roberta A. – 1987.
2. Handyside v. UK, Ser. A, No. 24 (1976), - <http://www.robin.no/~dadwatch/echr/handy.html>
3. Права человека: сборник международных документов. – Варшава: Хельсинкский фонд по правам человека, 2001.
4. Пересмотренная Европейская Социальная Хартия, Совет Европы, 1996. - <http://conventions.coe.int/Treaty/rus/Treaties/Html/163.htm>

5. Европейская конвенция «Об осуществлении прав детей», Совет Европы, 1996г. - http://www.childrenrights.net/law/int/european_convence.htm
6. Конвенция «О правах человека и биомедицине», Совет Европы, 1997г. - <http://conventions.coe.int/Treaty/rus/Treaties/Html/164.htm>
7. Дополнительный протокол к Конвенции «О правах человека и биомедицине» Совет Европы, 1998г. - <http://conventions.coe.int/Treaty/rus/Treaties/Html/168.htm>
8. Декларация «О следовании обязательствам», Совет Европы, 1994г. - <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?>

**ЕВРОПЕЙСКАЯ СИСТЕМА ИМПЛЕМЕНТАЦИИ И ПРИМЕНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО
ПРАВА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА**

id=26505&Site=COE&BackColorInternet=DBDCF2&BackColorIntranet=FDC864&BackColorLogged=FDC864

9. Резолюция 1115, Совет Европы, 1997г. - <http://assembly.coe.int/Main.asp?link=/Documents/AdoptedText/ta97/ERES1115.htm>

10. Ireland v United Kingdom, Ser. A, No. 25 (1978). - http://lawofwar.org/Ireland_v_United_Kingdom.htm

11. Статистика Европейского Суда по правам человека. - <http://www.echr.coe.int/NR/rdonlyres/D0122525-0D26-4E21-B9D4-43AEAOE7A1F5/0/SurveyofActivities2007.pdf>

12. Протокол 14 к Европейской Конвенции по правам человека, Совет Европы, 2004г. - <http://www.espch.ru/content/view/135/37>

13. Denmark v Greece (Applcn. 3321/67), CM Res DH (70) 1; Norway v Greece (Applcn. 3322/67), CM Res DH (70) 1; Sweden v Greece (Applcn. 3323/67), CM Res DH (70) 1.

14. Справочник ОБСЕ. – Вена: 2000.

15. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, Хельсинки, 1975г. - http://www.osce.org/documents/mcs/1975/08/4044_ru.pdf

16. Приложения. - http://www.osce.org/documents/hcnm/1996/10/2700_ru.pdf; http://www.osce.org/documents/hcnm/1998/02/2699_ru.pdf; http://www.osce.org/documents/hcnm/1999/09/2698_ru.pdf

17. Маастрихтский договор, Европейский Союз, 1992 г. - http://europa.eu/eur-lex/en/treaties/dat/EU_treaty.html

18. Амстердамский договор, Европейский Союз, 1997 г. - http://eulaw.edu.ru/documents/articles/amsterd_dogovor.htm

19. Case 1/58 Stork [1959] ECR 423. - <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:61958J0001:EN:HTML>

20. Case 29/69 Stauder v Ulm [1969] ECR 419. - <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:61969J0029:EN:HTML>

21. Консолидированные тексты Договора о Европейском Сообществе и Договора о Европейском Союзе. - Европейское право. Под ред. проф. Энтина Л.М. - Москва, с. 521-699.

22. Case 11/70 Internationale Handelsgesellschaft mbH v Einfuhr- und Vorratsstelle fur Getreide und Futtermittel [1970] ECR 1125. - <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:61970J0011:EN:HTML>

23. Case 36/75 Rutill v Minister for the Interior [1975] ECR 1219. - <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:61975J0036:EN:HTML>

24. Case C-13/94 P v S and Cornwall County Council [1996] ECR I-2143. - <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:61994J0013:EN:HTML>

25. C-159/90 Society for the Protection of the Unborn Child v Grogan [1991] ECR I-4685. - <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:61990J0159:EN:HTML>

26. Open Door Counseling and Dublin Well Woman v Ireland, Ser. A, No. 246 (1992).

27. Opinion 2/94 Accession by the Community to the Convention, for the protection of Human Rights and Fundamental Freedoms [1996] ECR I-1759. - http://www.pravo.hr/_download/repository/Opinion_2_1994.pdf

28. Хартия Основных Прав Европейского Союза, ЕС, Ницца, 2000 г. - <http://www.lawmix.ru/abro.php?id=4103>

29. Flynn, L. The Implications of Article 13 EC – After Amsterdam, Will Some Forms of Discrimination be More Equal than Others? – CMLR, 1999, №36.

30. Директива 2000/78, Европейский Союз, 2000. - <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:32000L0078:EN:HTML>

Summary

This article closely examines the European system of implementation and enforcement of international human rights law. Author focuses both on bodies and organs of the European system as well as examining its legal framework. Author also covers European international organizations and their role in the international human rights law realization. Author concludes with the overview of the European system in general pointing out its stronger and weaker sides.

Rodica CIOBANU,
PhD, superior scientific researcher of Institute
of European Integration and Politic Sciences,
Academy of Sciences of Moldova,

THEORETICAL AND PRACTICAL VALENCES OF THE NECESSITY AND UTILITY OF METHODOLOGY OF LAW FOR THE LAW SPECIALIST

"The one who does not detain a character should have at least a method"

(Albert Camus)

From the very antic ages humans were trying to understand natural and social phenomena by using concepts and notions that were deducted from the observation of the nature and the society and from the experiments. This algorithm allow human individuals to structure and organize our knowledge and then to elaborate scientific models or as we say, scientific theories. Every theory has its origins in different domains – science, social science and humanitarian. At the same time all the sciences are subject to fragmentation and integration. Those processes contribute to the appearance of the new scientific horizons. That is why the discussion on the scientific status of the contemporary sciences, especially when referring to theoretic and practical argumentation and to the methodology of law, is crucial.

At the very beginning let us consider the fact that science status concerns the process of redefining the concept of science itself (imposed by technology scientification and its impact on society) and the revision of the scientific discourse, which is marked now by globalization, interdisciplinarity and the centrality of theoretical knowledge [1; 3-11]. Being centered on the complementarities of approaches and on the interdisciplinarity of referential domains the paradigms of the contemporary science are interested in the integration multidimensional perspectives.

The contemporary scientists (Feyerabend, Wittgenstein, Kuhn etc.) are claiming that study science requires seeing it not only as a cognitive structure, but also as a normative socially based practice. This indicates the possibility of reconceptualizing and reproblematising epistemological themes. Interdisciplinary approach to a fragment of the real would require the formulation of explanations in terms of common language categories, and the formulation of a unified system of concepts.

For such an approach less abstract language is

required, directly relevant to the specific structures. "Such a conceptual apparatus is needed to achieve an interdisciplinary synthesis of the present metascience" [2; 13].

Therefore, if customizing the discussion by referring to the science of law then it should be taken into account the above said. For the law, in general, is the result of the several thousand years' evolution. That is why the law is now working with the concepts and institutions, with the definitions and principles that are fixed in time. Phenomena of reality in general and the legal reality in particular are very complex. Therefore different methods are emphasizing different aspects of the same phenomenon. A complete knowledge requires the use of several methods, a complex methodology. This fact determines the need for a legal methodology.

Methodology is the science or theory of general knowledge of methods and seen as a metamethod has the quality of theory of used methods. According to Kant in order to exist a method should be a process that is running according to certain principles.

Methodology as science encompasses a vast problem which is complex and controversial. It must find answers to some questions such as: who guided the analytics of method, in order to apply it; then what relationship exists between the subject of investigational method and expert staff; which are the limits of the methods and our attitude towards interactions between methods; is there a general method, which builds on the other; what is the nature of relationship theory and method, etc. [3; 28]. It is important to mention that between general methodology and the particular methodologies, such as the law methodology, we have an conditional report.

In this vein, legal methodology, as considered and Z. Ziembinski may be practiced in two ways: one descriptive, by describing the facts that we could obtain the results valid and one normative, the formulation of rules background of theories and prescribing the inferences to be used to reach a result. Unlike descriptive methodology, with optional recommendation, the

THEORETICAL AND PRACTICAL VALENCES OF THE NECESSITY AND UTILITY OF METHODOLOGY OF LAW FOR THE LAW SPECIALIST

legislation is necessary as required. In the case of laws and legal relationships legislature has provided and how they should be interpreted.

To clarify these things, the methodology will be legal steps towards for those who wish to enter into the essence of law and to be familiarized with some legal requirements. Methodology of law opens the way for knowing our legal rights and for understanding of its scientific rigor [4; 5]. As for the epistemic status of legal methodology, that can and should be determined depending on the subject of specific study, which results from the basic concepts of the domain and is part of the science. What concerns the legal definition of methodology and analysis of scientific methods of research they are present in the specialized literature. In a series of works, the methodology is claimed as being a legal opinion that might occur as a science about law science, revealing the most important aspects: how a man of science is working, the rules of the science, its character, etc.

In the literature various angles are displayed regarding the law methodology. To A.B. Vengherov "methodology is all the methods, means, operations of research and knowledge about them" [5; 16]. V.H. Corelischii believes that "the methodology is a field of independent legal sciences, in which conditions and forms of scientific knowledge and the rule of law; fundamental principles and methods of legal research are analyzed" [6; 9]. For R.H. Macuev methodology of science is about means and methods of scientific study of law occurrence, development and operation of state and its laws, the principles underlying the theory research of the state and of law [7; 28].

V.N. Hropaniuc defines the methodology of law as being totally logical and specific principles of creation and research of the fundamental and general laws of the appearance and development of state-legal phenomena "[8; 21]. Trying to identify the discipline "legal methodology", N. Popa and A. Rrducanu [9; 34] are claiming that it contains four major components: legal logic, judiciary logic, legal techniques and legal arts.

Mircea Manolescu [10] considers that the methodology would be legal system which links between deep waters sometimes quiet, sometimes tumultuous - in different legal kingdoms at both levels and the remarkable accidents of high ground between them.

Methodology is the subject of relationships, connections, relationships that are established between different methods in the complex of scientific research. It is about the relationship between different methods and the results obtained. So, the methodology is all intellectual operations consisting of the principles, methods, technical processes by which law could be established and which are entitled to all its complexity.

In law, unlike the other domains, there is a need for a rigid schematisation of the logical methods. M. Virally

[11] considers that the methodology must meet the legal requirements which may be summarized as follows:

- **Neutrality** by which methods must ensure neutrality field indissolubly bound by any scientific approach. They should not necessarily push us to the end result of a foreshadowed party.

- **Consistency** implies that they must lead to obtain a coherent picture of the legal order to resolve contradictions and specific legal system.

- **Simplicity** - law is a particularly complex domain, but this complexity must be limited to detached blocks and permit its application fast and without any equivocation.

- **Verifiability** - all statements obtained by means of a method can be verified. It happens frequently that various explanations are simple statements.

Broadly speaking, analysis of all opinions presented by experts on the methodology law is indicating that all authors expose similar views can conclude that Law Methodology is necessary for a comprehensive and a multilateral legal approach to the development of state and law as scientific integrity system.

Basically, this framework of discussion provides some answers to questions like: Why has a judge, a lawyer, a notary, a legal consultant, a university professor to practice their profession? How successful each of them in achieving their professional goals? These two questions lead us to ideas of the necessity of a specific way to take for practicing legal profession. The road both at theoretical and practical both means the need to use the method.

For the beginning, it becomes necessary to explain the concept of method. In philosophy the term method is defined as the rational approach of a human to the whole reality or to a fragment of reality, so that we can generalize that a conveyance of thought is how a rational set of steps are followed in order to reach a goal.

In a general sense, we could say that method means "a way to drive the thinking process, a rational set of steps followed to achieve a specific purpose" [12; 9]. So, the idea of the method was and is a road, a path, a system of rules needed to be followed in procedures of the spirit.

Particularly, if we refer to the existence of a problem put in front of a lawyer, it is necessary to resort to some intellectual effort, logical operations and certain material in order to find effective solutions. Once the problem has been, he, the jurist, uses various methods, which give more opportunities to find the correct, quick and efficient answer. In this context we mention that the term "method" means a set of intellectual operations (which may consist of principles, rules) that are used to achieve one or more targets on the knowledge of a phenomenon. For this purpose, one could use certain technical processes, which are methods of auxiliary tools. Still they must not be confused with methods.

Again, adherence to certain methods has as a background, as a decisive factor some pragmatic

Rodica CIOBANU

considerations. That is decisive particularly in order to estimate correctly the chances of solving a problem correctly. However, there are some practitioners who do not resort to any method, who can find the answer to that question, find the solution to the problem. We should emphasize that this is pure fortune, had the luck to find the right solution. While those who have a method have more opportunities to solve properly, efficiently and quickly challenges.

Secondly, you must use the method for the considerations of an economic nature also. One could use a lot of time and efforts in achieving a goal and the other can have exactly the same results with the minimum of efforts. Those acting in the absence of a particular method will oscillate between searching tools, means, time, etc. to find solutions. While those who were aware of the need to start and usefulness of a particular method will save effort, time and means. The economy always has given tribute to time: any problem that appears to be resolved as quickly. Moreover, the law is subject to change over time and it is accompanying changes that are made in accordance with the society development. With these changes similar problems are requiring different solutions.

Still the priority is often not the solution we offer to any problems, but the method by which one reaches this solution. Many are able to raise the question why this happens? The answer to this question is determined, especially in the law; by the diversity issues are raised. Valid data solutions to problems are rarely valid and useful in solving another case so another problem similar to the teeth. Since it has been established that the road to truth is more precious than itself owning the problem, routes that the thinking goes and means that it uses has become critical.

Thus, in addition to the use of methodology at theoretical level, in legal practice, using the method offers the possibility of solving problems fairly, quickly and constructively.

In this sense means to use to take account of several important points:

- There are very clear expectations and objectives to be achieved;
- Fair amount of intellectual effort is estimated as well as the materials and mechanisms for achieving the goal;
- The rational steps applied in practice in a particular logic succession.

A natural question that may arise is why is it necessary to learn methodology and to use the method in our work (why it is necessary to act methodically)? Response is primarily axed on the idea of increasing the chances of resolving the problem and to get to the solution not randomly but being aware of the steps and performed operations. A methodological work, we mention once more, means to act with economy of

means, resources, tools, and secure, while, as the method involves thinking and logical organization of a problem to resolve.

On the other hand to learn a method of streamlining on a problem in exchange with working on the final solution is undoubtedly more desirable. Taking into account that the diversity of situations and variables such in legal cases, and high dynamics of the process of continuous change of legal rules generates specific characteristics and situations the specialist will be unable to manage the solution each time new rules appear, new elements in the problem they face are rising (if it has a preferred learning solutions not a method to judge and act).

The method should be learned because the society needs lawyers who are able to make / find appropriate solutions to the problems. J.-L. Bergel [13] claims that a lawyer with an organized head is much better than a lawyer with a very full head.

Achieve insight into legal issues, we must ask about how to put legal problems, because the choice of method is compared with the proposed type of problem. Thus, one takes the law development or its application and the proper method of creating and applying the law (in Latin meaning of this term, the discovery, research). The difference between the perspective of creating law and law enforcement is very high. In the first case, the essence is to modify the stock of existing regulations by creating new rules, amendment or extinction of existing ones. In the second case the researcher is limited to use all the rules in force to resolve a legal problem.

From another standpoint, a legal problem can be assessed from the perspective of logic. So there is a possibility to take into account two aspects that a legal issue can take:

Whether a fact (*f*) is already made (*a*) - a behaviour has been adopted - or will be (*b*) - a behaviour is designed to be achieved - and the question is which are the juridical consequences (*c*) of these two legal cases.

$$\begin{array}{l} f(a) \longrightarrow c ? \\ f(b) \longrightarrow c ? \end{array}$$

An example for the first situation would be if a person signs a rental contract and payment (rent) is fixed in an amount to be paid monthly. Respectively consequence would be the individual (tenant) will have to pay without delay, monthly rent that the lesser. In the design of a future behaviour, for example, tenants that refuse to return the place or broking something will repair the damage caused and to perform the duty of giving (art. 884, Civil Code of the Republic of Moldova).

Whether it is or is intended to obtain a determined result (*r*) the question is what facts should be made (*f*) to obtain this result.

THEORETICAL AND PRACTICAL VALENCES OF THE NECESSITY AND UTILITY OF
METHODOLOGY OF LAW FOR THE LAW SPECIALIST

r → f ?

For example, I do want my interests to be represented in some instances for a certain period by X. For that person I have to prepare a power of attorney, which certifies what powers are conferred on the matter of my representation (art. 252), Civil Code of the Republic of Moldova).

Finally, we would find that legal rules - at least those that are of interest for private practice (which authorizes, requires or prohibit specific behaviour of the subjects of law), have a common structure, which is similar to physical, biological and chemical laws: if a certain fact is, some will result in legal consequences, the formula "if ... then ..."

For example the Civil Code, art. 886, par. (3): "If in use of the property rent damages were the fault of lessee, [then] it will not be exempted from paying rent." Or Family Code, art. 66, par. (3): "If the court will determine that either parents or the people who are taking care of the child are not able to provide his maintenance, education and proper development, [then] it will require the authority to transmit Guardianship of the child to the state institutions and take him to record, make and defend the rights and legitimate interests."

These examples are stressing once again that the rules are structured on the bases of principle and fact-condition or fact – consequence are a hypothetical reasoning rationale. However, without doubt, that not all rules are specifically formulated this way, but generally they can be rewritten according to this model. For example Family Code, art. 63, par. (1): "If parents live separately, address of the child who has 14 years of age is determined by the parents. The rule can be easily rewritten as the "if the parents of a child, not yet 14 years are separated, then address it is determined by the parents."

Thus to apply the law to such situations consists of observing if the fact made / designed is governed by the rule of law in force, and if that is covered, which are the legal consequences provided by the rule of law for the adoption of such behaviour.

f → [F → C] → c ?

Also means to see whether the result expected / provided is governed by the rule that notice of certain facts.

r → R → F → f ?

Legal norms are establishing relations between certain facts and legal consequences. Law enforcement issue is to conjure relationship between the deed made/ designed and legal consequences, legal or desired outcome and the facts provided by the rule that these

results are related. From the perspective of determining the consequences of the behaviour, the first side of law enforcement is the activity of judges itself, while per contrario, notaries, lawyers, jurists of businesses are most often questioned about what should be done to reach a particular result, which corresponds to the second side of the process of law implementation. It is necessary to note, however, that the development and law application must be started first of all knowing his substance.

Application of law obviously requires a good knowledge of it. The method of creating and applying law implies, ultimately, a way of knowing the law. Andre Lalande [14] claims that a method is a program used to organize in advance a specific order of the operations to be fulfilled, and points out errors to be avoided in order to achieve the outcome determined, and which must be supported by e accurate, deep and full knowledge of law.

Every time a method should be improved in a certain way, it is to make inventoried operations to be performed, to list the instruments available and establish an order of execution of these operations in a manner which allows solving both fairer and faster then the problem solved before: namely, to know, in reasonable terms for the study of law, the concepts, the mechanisms and the principles of law and to obtain knowledge that complex as it would be necessary in order to be able to apply and deepen all along life.

For those who want to know the law from the perspective of its apparition and application and the use of it in their professional practice, the first rule should be not to do anything else than to study, and participate in group life, being an active member of the society to which he/she belongs. However, the application and practicing law, requires call of the other instruments outside the knowledge of law, such as knowledge of human psychology, the political, sociological, economic realities, and individual qualities of a human character: initiative, decision, perseverance, organization. They all are to be obtained on the basis of additional courses, and certainly on personal experience. Thus, just by combining all of these moments: the rigorous study, the tendency to accumulate experiences, the student will acquire knowledge, skills, and qualities that are essential to professional practice of a legal future.

In conclusion, I am noticing that a serious academic study of law in general and of the methodology in particular, comprises three operations: **Understanding, Learning and Use** (reproduction and production) [15].

To understand means to integrate in the set of knowledge and in your own personality a conceived reality, in our case the legal reality. Keeping in mind the idea of law, to understand means to realize, to acknowledge the legal concepts, institutions, rules of law, the manner in which they apply, and "legal mechanics". Also to understand, it is necessary to proceed in a certain manner: 1. you must have a global vision on whatever

Rodica CIOBANU

subject is discussed (this should be the objective of this course, means a student will finish the course having the substance of what was taught), 2. a second approach is to analyze what is known.

Such kind of analysis involves several successive actions, from which is important even to identification of the meaning of each word, meanly to see and know very clearly what is the reality that a word evokes. A particular attention, for example, would be given to the Latin phrases, which are amply used in order to survey the concrete information they carry on. To know the meaning of each phrase is important because the ideas are expressed in sentences, and the law is contained in phrases expressing rules. Phrases are not anything else than relations between words, and these relations, discovered in analysis, are expressing facts, judgments, principles and they must be understood 3. Final step is to establish the connection between ideas, regardless the words used. The approach should be synthetic (to analyze the study). This way of understanding - by forming a global image on the material, the analysis, the synthesis - will provide the minimum but indispensable understanding to the law.

In the second component, learning means to know how to use a tool, the techniques and involves incorporating the learned knowledge in his own personality, is

to have a complete vision of a phenomenon, to know its causes and effects, its reasons of existence, everything about it. The study must provide the individual the entire law means.

Finally understanding and learning leads to use of the knowledge. I mean, it brings the subjects involved in learning in the hypostasis of play, of use of the accumulated knowledge of law. From my perspective, this is achieved through *reproduction* and *production*: - reproduction - the first way of exploiting knowledge (ex. given: exam) by which the subject confirms that he has stored in its memory the necessary information and has sufficient legal intelligence to function properly and efficiently; - production - demonstrating the knowledge of the problems of law, using the knowledge gained. The actions required involve a high level of oral and written expression.

In conclusion, the study of law displayed above, through understanding, learning and use, requires a long effort and involves a slow but gradual maturation in the field. This kind of study will provide guaranteed obtaining of all necessary qualities for the professional practice of law, and a special awareness of what the term a specialist in law, professional law implies. The methodology of law is able to do that.

Bibliography:

1. D. Roventă - Frumușanu. Semiotica discursului științific. - București: Editura Științifică, 1995, p. 3-11.
2. I. Pârvu. Introducere în epistemologie. - Iași: Polirom, 1998, p.13.
3. I Craiovan. Metodologia dreptului. - București: Universul Juridic, 2005, p.28.
4. E.S. Tănăsescu, S. Deaconu. Drept constituțional și instituții politice. Caiet de seminarii. - București: All Beck, Ed. a II-a, 2002, p. 5.
5. Теория государства и права. - Москва: Часть 2. 1986, с.16.
6. Теория государства и права. - Учебник для юридических вузов и факультетов под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. - Москва: ИНФРА М-НОРМА, 1997, с.9.
7. Теория государства и права. - Орел: ОРАГС, 2005, с.28.
8. Теория государства и права. – Москва, 1996, с.21.
9. N. Popa, A. Răducanu. Quelques considerations sur la notion de la méthodologie juridique. - Analele Universității București, seria Drept, nr. 2/1983, p. 34.
10. См.: M. Manolescu. Teme pentru metodologia juridică privată ca disciplină autonomă. - București: 1946.
11. См.: M. Virally. La pansee juridique. - Librairie generale de droit et de jurisprudence. - Paris, 1960.
12. Paul Delnoy. Elements de methodologie juridiqui. - Bruxelles: Laecier, 2006, p.19.
13. Jean-Louise Bergel. Methodologie juridique. - Paris, 2001.
14. Там же.
15. См.: Paul Delnoy. Elements de methodologie juridiqui. - Bruxelles: Laecier, 2006.

THEORETICAL AND PRACTICAL VALENCES OF THE NECESSITY AND UTILITY OF
METHODOLOGY OF LAW FOR THE LAW SPECIALIST

Резюме

В статье подчеркивается специфика методологии права, касающаяся теоретического и практического уровня. Используя теоретические основы, автор подчеркивает, что каждый практикующий (адвокат, судья, нотариус) имеет собственные методы аргументации своих поступков, решений в качестве профессионала, но все без исключения основываются на специфической методологии, в данном случае - на общей методологии и на методологии права. Ссылаясь на общую методологию, автор раскрывает теоретико-прагматические исследования в области методологии права. Очевидно, что для практикующих юристов знание закона – первый знак профессионализма. А умение использования в практической деятельности знания закона – это наука, это искусство - это Методология права. И означает, что обращение к методологии права неизбежно.

Али ГАСАНОВ,
профессор, заведующий кафедрой
международных отношений и внешней
политики Академии государственного правления при
Президенте Азербайджанской Республики

СИТУАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КАСПИЙСКО-ЧЕРНОМОРСКОМ БАСЕЙНЕ И НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ: РЕАЛИИ И ПРОГНОЗЫ ОБ ОБЪЕДИНЕНИИ В БЛОКИ, КЛАССИФИКАЦИЯ ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИХ СИЛ

После развала СССР планетарное классовое и идеологическое противостояние между Востоком и Западом уступило свое место борьбе за важные геоэкономические, геополитические и военно-геостратегические регионы мира, богатые природные ресурсы, источники сырья, транснациональные транспортно-коммуникационные средства, коридоры, переходы, перспективные рынки, передовые технологии, информационные и человеческие ресурсы. Одним из самых значительных геополитических регионов нового времени является Евразия, в частности Каспийско-Черноморский бассейн и Южно-Кавказский регион. Специалисты считают, что в конце XX - в начале XXI века Южный Кавказ и Средняя Азия превратятся в арену геоэкономической и геополитической борьбы стран мира. *Богатые энергетические ресурсы региона, соединительная географическая позиция в связях между Востоком и Западом, расположение на самых геополитически близких, выгодных и надежных транспортно-коммуникационных и энергоэкспортных коридорах* делает его центром мировой политики. Начатая геополитическая борьба за Южный Кавказ и Среднюю Азию в самом деле была составной частью контроля за более обширными территориями Евразии.

В период нового противостояния одними из основных факторов, обостряющих отношения между участниками на Южном Кавказе и в Средней Азии, были *военно-геостратегическое значение региона и вопросы влияния на ситуацию в связи с геополитической безопасностью мира*. Между крупными странами региона (Россия, Турция, Иран), ведущими нерегиональными государствами (США, Европейский Союз, Китай и др.), другими странами региона (Украина, Азербайджан, Грузия, Армения, государства Средней Азии и др.), транснациональными геополитическими, военно-геостратегическими и геоэкономическими участниками (ООН, ОБСЕ, НАТО, СНГ, ОИС,

СТС, крупные нефтегазовые, транспортные, коммуникационные компании и др.) начали формироваться новые отношения в соответствии с кругом интересов. Основные решающие споры протекали вокруг следующих вопросов: *территориальная безопасность стран региона и новые территориальные притязания некоторых соседних государств, овладение нефтегазовыми экспортными маршрутами и механизмами безопасности, желание повлиять на восточно-западную транспортно-коммуникационную и транзитную инфраструктуру, отношения местных стран с транснациональными политическими, экономическими и военными блоками* и др. Если на отдельных территориях региона, например, в Черноморском или Каспийском бассейне, борьба во многом шла из-за транспортно-коммуникационных линий, экспортных маршрутов, безопасности местных стран и транснациональной инфраструктуры, то в Средней Азии и вокруг Каспия, наоборот, борьба шла за энергетические ресурсы, вокруг вопросов военно-геостратегического характера, а на Южном Кавказе она была направлена на сохранение региональных стран в сфере влияния, маневрирование проблемами их территориальной безопасности и суверенитета в некоторых частях их территории. На плоскости борьбы интересов в регионе каждая страна имела свои специфические позиции и соответствующие амбиции.

В настоящее время Каспийско-Черноморский бассейн, в частности Южный Кавказ, считается самым нестабильным, конфликтным, но в то же время важнейшим геополитическим пространством земного шара международного значения. Здесь сталкиваются геополитические, геоэкономические и военно-геостратегические интересы стран мира, здесь взаимодействуют и сталкиваются различные цивилизации, религиозные конфессии, культуры и этносы. Существующие между странами региона геополитические,

СИТУАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КАСПИЙСКО-ЧЕРНОМОРСКОМ БАССЕЙНЕ И НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ: РЕАЛИИ И ПРОГНОЗЫ ОБ ОБЪЕДИНЕНИИ В БЛОКИ, КЛАССИФИКАЦИЯ ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИХ СИЛ

геоэкономические и военно-геостратегические противоречия, а также угрожающие уже многие годы транснациональному миру армяно-азербайджанский, нагорно-карабахский конфликт, вооруженные столкновения в Абхазии и Южной Осетии Грузии, в Северокавказских областях России, сепаратизм в Приднестровье Молдовы и др. продолжают держать внапряжении ситуацию в регионе.

Военно-геостратегическое значение Каспийско-Черноморского бассейна и Южного Кавказа, место и роль в обеспечении международной безопасности, будущие геополитические перспективы развития и др., региональные вопросы на протяжении многих лет стоят в центре внимания ученых, стратегов, исследователей геополитики как дальнего зарубежья, так и постсоветского пространства. Специалисты и соответствующие структуры на протяжении долгих лет исследуют тактику согласования глобальных, региональных и национальных интересов, вопросов безопасности, совпадающих и пересекающихся моментов в интересах геополитических участников на этом пространстве, представляющем важное геополитическое значение. В целом, геостратегические и военные проблемы Евразии, Южного Кавказа и считающегося его стратегической страной Азербайджана, обеспечение регионального мира и сотрудничества, пути и средства решения конфликтных вопросов, согласование глобальных и местных интересов, политика безопасности региональных государств и другие вопросы в последнее время серьезно заботят официальные круги, специалистов и общественное мнение не только за рубежом, но и в таких региональных странах, как Азербайджан.

Карта 1. Каспийско-Черноморский бассейн и Южный Кавказ

Историки, географы, геополитики и геостратеги во все времена высоко оценивали геополитическую, военно-геостратегическую и геоэкономическую роль Каспийско-Черноморского бассейна и Южного Кавказа, в целом Евразийского субрегиона в мировой политике. Представители классической геополитики XX века Альфред Мехен, Карл Хаусхофер и другие приравнивали этот континентальный регион по геополитическому значению к транснациональным

проливам - Босфору, Дарданеллы, Гибралтару, Суэцу, которые становились причиной противостояния между странами мира и всегда были ареной борьбы. Они представили анализ геополитического значения контроля над этим регионом, отмечая усилия Российской империи по завоеванию этого региона. [1]

В настоящее время, наряду с официальными и академическими кругами России, геополитические исследователи, представляющие США, также дают свои оценки. Известный американский политолог Збигнев Бжезинский пишет, что будущие геостратегические, геоэкономические и транснациональные политические интересы глобального мира будут решены в Евразии, в частности в Средней Азии, Каспийско-Черноморском бассейне и на Южном Кавказе. Американский политолог представляет этот регион как «большую шахматную доску, где решается судьба мировой политики» [2] и призывает США, Западный мир направить свои основные силы в этот регион, поддерживать новые независимые страны региона, помочь им в освобождении от геополитического влияния России и интеграции в европейские страны. По мнению Бжезинского, Запад, в первую очередь, должен поддерживать транснациональные геополитические и геоэкономические проекты таких государств региона, как Азербайджан, Украина, Казахстан, Грузия, Узбекистан, которые проводят независимую политику, и посредством их усилить свои стратегические позиции. [3]

Американский дипломат, видный общественно-политический деятель Генри Киссинджер, говоря о роли Евразии в мировой геополитике, свое внимание акцентирует на проводимой Россией в этом регионе политике и ее возможных военно-геостратегических последствиях. Киссинджер отмечал, что геостратегические интересы России в Средней Азии и на Южном Кавказе, являющемся для нее «ближним зарубежьем», важнее, чем на других территориях бывшего СССР. Кроме того, он намекал на то, что Россия «пытается обеспечить эти интересы нецивильными нормами и противоречащими международному праву путями». [4]

Следует отметить, что до распада СССР геополитическая жизнь региона была абсолютно стабильной, богатые нефтегазовые ресурсы Каспия принадлежали только этой стране и, естественно, никакой межгосударственной напряженности не было. Основная причина заключалась в том, что бывший Советский Союз не пускал в регион других иностранных государств. Несмотря на то, что США и НАТО в это время посредством Турции хотели реализовать свои интересы в регионе, но не могли добиться особого успеха, Китай, Иран и другие крупные региональные и мировые страны, предпочитающие не создавать напряженность с СССР и проводить согласованную с ним политику, не выступали в качестве серьезных и независимых участников в этом регионе Евразии.

После распада Советского Союза Россия, воспользовавшаяся как характером геополитической

Али ГАСАНОВ

среды и условий безопасности в регионе, так и ограниченностью возможностей стран Средней Азии самостоятельно выводить свои энергетические ресурсы на мировые рынки, смогла сохранить прежнее влияние на бассейн. Однако транснациональное влияние мира со временем меняло отношения в регионе. Выступающая как преемник СССР Россия уже перед собой регулярно начала видеть таких геополитических участников мира, как США, НАТО, Турция и другие. Вместе с тем, новые независимые государства, ставшие субъектами международного права, начали демонстрировать альтернативные геополитические тенденции в рамках своих интересов и проводить региональную политику. Все это соответственно усложняло геостратегические отношения в регионе и повышало его международное значение. Геополитики отмечают, что обнаруженные в постсоветский период богатые углеводородные ресурсы в Каспийском бассейне увеличили количество стран, ищущих пути войти в регион. Борьба за установление контроля над энергетическими ресурсами Каспийского бассейна путем экспорта продукции на мировые рынки и другими транснациональными механизмами превратилась в один из актуальнейших вопросов в мировой политике в период после «холодной войны». [5]

Отмеченные государства, различные военно-геостратегические блоки, создав с местными странами отношения геополитического, военно-геостратегического характера как коллективно, так и в отдельности, приступили к деятельности в направлении обеспечения своих национальных интересов, расширения региональных систем безопасности и др. Как блоки, так и крупные страны начинают согласовывать создание в регионе специальных политических и экономических устоев, определение геополитических целей с интересами обеспечения своей региональной и международной безопасности. Однако с конца XX века геополитическая ситуация в мире так быстро начинает меняться, что государства вынуждены вносить последовательные гибкие коррективы в свои цели и опоры. Участие некоторых стран в течение нескольких лет в организациях, созданных на основе абсолютно разных принципов и интересов, регулярное изменение своего внешнего политического курса, приоритетов и целей стали обычным явлением. Сложная и уязвимая геополитическая среда Евразии оказывала серьезное влияние также на тактику и стратегию международных и региональных организаций, действующих в регионе, и стала причиной изменения их позиций по некоторым геополитическим вопросам. Например, если **Шанхайская организация сотрудничества**, в которой ведущими странами являются Россия и Китай, до 2005 года с пониманием относилась к военным базам США в Средней Азии в связи с военно-стратегическими интересам в Евразии, то с 2005 года, можно сказать, она полностью поменяла, ужесточила свою позицию и начала выступать против этого. Требование приостановления дея-

тельности военных баз США в Средней Азии в настоящее время декларируется как однозначная позиция этой организации.

Хотя национальные интересы маленьких и крупных государства региона по некоторым вопросам, связанным с мерами безопасности в Каспийско-Черноморском бассейне и на Южном Кавказе совпадают с транснациональными международными интересами, однако в других вопросах позиции серьезно сталкиваются. В роли носителей современных транснациональных интересов в регионе выступают США и государства Европейского Союза и представляющие их в военно-геостратегическом смысле НАТО, такие крупные и развитые страны, как Китай, Япония, представляющие их глобальные корпорации, а в роли основных носителей геополитических, геоэкономических и военно-геостратегических интересов – такие независимые государства, как Россия, Турция, Иран, Украина, Азербайджан и Грузия.

Внешняя политика и политика безопасности государств Южного Кавказа и Каспийского бассейна

Внешняя политика и политика безопасности государств Южного Кавказа и Каспийского бассейна исходили, **в первую очередь**, из их реакции на вмешательство в регион международных сил, крупных стран в различных целях и военно-геостратегических интересах, демонстрируемых ими на этом пространстве. К числу таких силовых центров, оказывающих влияние на среду безопасности Каспийского бассейна и Южного Кавказа, в основном относят **США, НАТО, Европейский Союз, Россию** и созданную ею **Организацию Договора о коллективной безопасности**, демонстрируемые **Турцией и Ираном** в отдельности тенденции безопасности и действия других геополитических участников. Эти центры в целом также определяют основную характеристику геополитической среды региона и региональной архитектуры безопасности, дают толчок геополитическому, геоэкономическому и военно - геостратегическому объединению в блоках.

По мнению экспертов, положение и устойчивость ситуации в связи с региональной безопасностью на Южном Кавказе и в Каспийском бассейне, обеспечение международных интересов и интересов национальной безопасности региональных стран и другие вопросы в настоящее время в основном зависят от России, являющейся ведущей страной, частично от Турции и Ирана, в то же время от нерегиональных участников – США и Европейского Союза. Все события, происходящие по всем вопросам региона, исходят из экономических, политических и военных интересов этих стран.

Многие исследователи позиции и интересы России представляют в одном блоке с Ираном и Арменией, считают их **первым** военно-геостратегическим блоком региона, а США, Европейский Союз, НАТО и представляемые их союзниками в регионе Турцию,

СИТУАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КАСПИЙСКО-ЧЕРНОМОРСКОМ БАССЕЙНЕ И НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ: РЕАЛИИ И ПРОГНОЗЫ ОБ ОБЪЕДИНЕНИИ В БЛОКИ, КЛАССИФИКАЦИЯ ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИХ СИЛ

Азербайджан, Грузию и Украину относят ко **второй** военно-геостратегической группе.

Однако существуют и другие факторы, непосредственно и серьезно влияющие на среду региональной безопасности Каспийско-Черноморского бассейна и Южного Кавказа. Появление этих факторов, во-первых, зависит от **Азербайджана**, который с целью обеспечения своей национальной безопасности сохраняет определенную дистанцию как с НАТО и Западом, так и с Россией и ее Организацией Договора о коллективной безопасности (ОКБ), демонстрирует тенденции сотрудничества и партнерства со всеми вышеназванными «силами»; во-вторых, - от **Армении**, которая, опираясь на военную поддержку России, мировой армянской диаспоры, проводит в регионе открытую милитаристскую и захватническую политику; в-третьих, от **Грузии**, которая в последнее время окончательно отвернувшись от России, направилась к Западу и НАТО; в-четвертых, от **России и Ирана**, постепенно наращивающих военно-геостратегический контингент вокруг Кавказа, в Каспийском бассейне и в море, а также от **Турции**, которая выступает со специальной программой «Платформа мира на Кавказе». По мнению военных экспертов, после развала СССР как Иран (согласно договору, заключенному между СССР и Ираном в 1940 году, эта страна не имела права держать военный флот в Каспийском море), так и Россия расширили свой военный контингент в Каспийском море и вокруг Кавказа. [6]

Следующий очередной решающий момент безопасности Южного Кавказа и Каспийско-Черноморского бассейна связан с характером отношений между отмеченными силами и военно-геостратегическими блоками, в частности между США и Россией, НАТО и ОДКБ. На этой плоскости, наряду с открытыми (Военная доктрина) и скрытыми (военно-геостратегические интересы) позициями сторон, решающую роль играет также прямая политика определенных стран, связанная с военными блоками. Проводимая какой-либо страной в регионе любая военно-стратегическая политика, принятые в связи с безопасностью шаги, или демонстрируемая геополитическая позиция тотчас же вызывает жесткую реакцию противоположной стороны. По мнению некоторых экспертов, проводимая Азербайджаном, Грузией и Турцией на Южном Кавказе политика безопасности (определенные Военной доктриной задачи) направлена на собственную безопасность, носит «оборонный характер» и служит стабильности в регионе, тогда как военные доктрины России, Ирана и Армении представляют «наступательный характер» и создают условия для нарушения региональной стабильности. [6]

Несомненно, в области мировой политики и международной безопасности существует конкуренция между странами. И эта конкуренция соответственно оказывает влияние на отношения региональной безопасности Евразии – Каспийско-Черноморского бассейна и Южного Кавказа. Политологи, группи-

рующие международные силы в регионе со странами региона как по тенденциям к партнерству, так и ставящие Иран и Армению на одну чашу «геополитических весов» с Россией, а Азербайджан, Турцию, Украину и Грузию с США, прогнозирующие их будущее объединение в военно-стратегическом блоке, имеют своеобразные критерии подхода. В частности, усиление конфликта между Россией и Грузией и переход к открытой конфронтации, антироссийская позиция, демонстрируемая Украиной в региональных процессах в период руководства страной президентом В.Ющенко, продление российско-армянского военного сотрудничества в 2010 году еще на 49 лет, укрепление военного партнерства и другие региональные события дают основание для таких политологов выдвигать прогнозы об «объединении в геополитические блоки». Конечно, в геостратегических интересах и интересах военной безопасности таких стран, как **Россия, Иран и Армения** на Южном Кавказе наблюдается достаточно много общих точек, чего нельзя отрицать. Однако не стоит упускать из виду также специфические геointересы Ирана и России, которые не совпадают и создают серьезную региональную конкуренцию.

То же самое можно сказать о геополитическом единстве **Турции, Азербайджана, Грузии и Украины** (иногда Молдову и Узбекистан тоже относят к их числу – А.Г.), которое до последнего времени получало сильную поддержку Запада. Эти страны также имеют достаточно много общих интересов. Однако нет никаких реальных оснований на то, чтоб эти интересы и схожие геостратегические позиции по поводу безопасности сподвигли их когда-то на настоящее стратегическое партнерство или военное партнерство, или стали причиной серьезной организованности. Это подтверждают и последние события, произошедшие в политической жизни и сфере военной безопасности Украины. Действительно, к примеру, обеспечение безопасности таких трансевразийских проектов, как нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан, газопровод Баку-Тбилиси-Эрзурум, железнодорожная линия Баку-Тбилиси-Карс превратят в один из основных факторов, обуславливающих стратегическое партнерство западных стран, Азербайджана, Грузии и Турции. Вместе с тем, приложенные Киевом усилия для вывода каспийской нефти на европейские рынки при помощи трубопровода Одесса-Броды-Гданьск, демонстрируют желание Украины занять ведущую позицию в глобальных энергетических проектах. Обеспечение безопасности всех этих проектов можно считать самым чувствительным вопросом общих проблем региональной безопасности. Здесь все вопросы будут зависеть не только от позиций региональных стран, но также от геополитической деятельности США. По мнению экспертов этой страны, США как супердержава, наряду с обеспечением своих национальных интересов в мире и военных позиций НАТО, должны сформировать серьезную, принципиальную

Али ГАСАНОВ

и однозначную позицию в отношении случаев этнических конфликтов и воинственного сепаратизма, угрожающего международной безопасности, вопросам территориальной целостности стран, «игре» с международным сообществом таких государств-форпостов, как Армения, защите суверенных прав государства в соответствии с международным правом в конфликтах между Россией и Грузией и по другим вопросам должны действовать в соответствии со своим международным статусом. К, примеру, США или должны подтвердить соответствие военно-геостратегических шагов России и Армении на Южном Кавказе, непосредственно поддерживающих этнический сепаратизм, смириться с их преимущественной позицией в регионе, реальным военным положением региона и проводить соответствующую политику, или же должны предпринимать серьезные шаги для восстановления норм международного права в этом регионе.

Кроме того, после того, как США добились своих геэкономических целей после реализации таких транснациональных энергетических проектов, как Баку-Тбилиси-Джейхан, снизилось внимание к Азербайджану и Турции, сыгравшим главную роль в этом деле. Америка, строя свои геостратегические планы относительно Грузии, оказывая ей серьезную международную и финансово-техническую поддержку, пытается завоевать новые стратегические позиции на Южном Кавказе. А это соответственно подталкивает Азербайджан и Турцию в другие направления (например, в сторону России) для обеспечения своих геополитических и геэкономических интересов. Учитывая, что стратегическая позиция Грузии в Черном море стоит наравне с Турцией и ее такое геополитическое значение присуще Азербайджану в Каспийском бассейне, восточно-западных связях, транспортно-коммуникационном коридоре и транзите энергоносителей, выходе в Центральную Азию и Иран, то невнимательность США к этой стране воспринимается неоднозначно не только в Азербайджане и мире, но и в самой Америке. Во всяком случае, демонстрируемая Америкой позиция в отношении событий на Южном Кавказе, Нагорно-Карабахскому

конфликту, возникшему в результате агрессии Армении, и другим конфликтам, региональным и международным проблемам, с которыми сталкивается страна, не удовлетворяет Азербайджан. И это соответственно мешает Азербайджану, опираясь на США, принимать однозначные решения в геополитических, военно-геостратегических вопросах Каспийского бассейна и Южного Кавказа.

Приблизительно схожую ситуацию можно отнести и к геостратегическому партнерству России, Ирана и Армении. Демонстрируемая иногда Россией и Ираном в регионе односторонняя деятельность, часто меняющиеся экономические и политические требования, при необходимости несправедливое обращение со своими партнерами и др., не позволяют высказать однозначное положительное мнение об их геополитическом блоке. На фоне быстро меняющихся нынешних международных отношений не так уж легко прогнозировать дальнейшие события внутри этого блока.

Российские политологи будущее объединение России, США, НАТО, стран Южного Кавказа и Каспийско-Черноморского бассейна в геостратегических блоках связывают с тремя факторами:

1. Позиция, которая будет продемонстрирована Москвой, Вашингтоном, Брюсселем, Анкарой и Тегераном в решении существующих конфликтов на Южном Кавказе (Нагорно-Карабахский, абхазско-грузинский и др.);

2. Правовой статус Каспия и будущие перспективы военно-стратегической безопасности в море, и в соответствии с этим предпочтение Азербайджана, с каким военным блоком сотрудничать (здесь основной фактор связан с вопросом военного присутствия НАТО в Каспийском море посредством Азербайджана);

3. Будущий военно-стратегический выбор Грузии и Украины и отношение вышеназванных стран к происходящим вокруг этих стран событиям и др. [7]

По мнению исследователей, во всех трех вопросах демонстрируемая Азербайджаном геополитическая позиция, принятое им стратегическое решение и выбор сыграют решающую роль.

Литература:

1. См. об этом: Андрианова, Т.В. Геополитика и мировые войны XX в. - Москва, 1996; Хаусховер, К. О геополитике: Работы разных лет. - Москва, 2001.

2. См.: Бжезинский, З. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. - Москва, 2004, с.136-137.

3. Бжезинский, З. Великая шахматная доска. Господства Америки и его геостратегические императивы. - Москва, 1998, с. 232-234.

4. См.: Киссинджер, Г. Нужна ли Америке внешняя

политика. - Геополитика. Антология. - Москва, 2006, с. 562-568.

5. Нурша, А. Прикаспийский регион: стратегическое значение пространства и нефти. - Центральная Азия и Кавказ, 2001, №2.

6. См.: Бизим йол, 2011, 28 августа, №178, с. 11 (на азерб. языке).

7. См.: Каспий не поделили, но объявили безопасной зоной. - Независимая газета, 2010, 19 ноября.

Summary

The article of Professor Ali Hasanov considered the issues of regional security in the Caspian-Black Sea region and the Southern Caucasus. The article indicated the geopolitical, economic and other realities of the region, a classification of geo-strategic forces, expressed forecasts for the further development of the situation. Research and conclusions are based on a large modern empirical material.

Sevinge ALAKBARZADEH,

Doctor, The Head of English History & Lexis Department

THE 21ST CENTURY UNIVERSITY AND CONTEMPORARY DEMOCRATIC SOCIETY

"GOOD CITIZENS ARE MADE, NOT BORN..." KOFI ANNAN

1) The principles of EDC

According to the UNESCO Manual for Human Rights Education democracy is a form of government in which participation by the people (demos) is necessary. Democracy is a practice: Though based on values that can be transmitted, it is essentially a way of acting. It is by putting it into effect that we justify it; it is by making use of it that we give it legitimacy.

The 'Education for Democratic Citizenship' Project (from now on EDC) was launched in 1997 by the Education Committee of the Council of Europe as a direct response to the needs expressed by member States. The purposes are the following:

- to actively encourage political leaders, decision-makers and people on the ground to treat EDC as a priority of educational policies;
- to define the conceptual framework, support reflection about terminology and theoretical research into the concept of citizenship education;
- to identify the basic skills required to practice democracy in European societies;
- to define the learning experiences and methods of EDC both within the school and in the context of lifelong learning;
- to identify and publicize examples of diversified practice in EDC;
- to come to the aid of practitioners by providing them with the necessary tools: concepts, methods, political and legal references, examples, case studies, training materials, exchanges and networks;
- to explore the contribution of the media and new information technologies in disseminating the knowledge implicit in EDC, in setting up networks and data bases and disseminate innovative projects;
- to identify and support partnerships between the various environments and people involved in EDC: schools, parents, media, companies, local communities, youth organizations, adult education centers, political and cultural institutions etc.;
- to identify methods and strategies of training teachers and other trainers involved in EDC;
- to promote and publicize the concept and experience of the Council of Europe concerning EDC.

EDC is the set of practices and activities aimed at making young people and adults better equipped to participate actively in democratic life by assuming and exercising their rights and responsibilities in society. EDC has its own identity and an operational content, resulting from the integration of the three generic terms (education + citizenship + democracy), involving political and civic rights as well as social and cultural rights which guides the entire educational system towards a set of common values.

However, it is right for every generation to be concerned. Democracy always faces threats and challenges. Many observers believe that the worst threat to democracy today is globalization and the rapid movement of capital. However, today I want to emphasize work with young people, and especially work that can realistically be expected to take place inside fairly conventional schools.

If students are taught that democracy is excellent, but everyday they see that it does not exist in their own institutions, they are unlikely to develop into democratic citizens. Any democracy must pay explicit attention to the development of its young people's civic skills, habits, and attitudes.

All sectors should be involved in civic education—not just teachers and schools, but also parents, religious leaders, mass communication, judges, and politicians.

As an instrument for social cohesion, EDC promotes two types of strategies:

- an inclusive measure that stresses common good, membership, belonging and convergent values;
- a diversification measure, by encouraging differences, particularities and specific needs of various target groups.

The two strategies are only efficient together. They mutually complete and sustain each other. In this sense, Rowe identified six models of EDC in Europe. Each emphasizes a particular aspect as follows:

Consensus model

- is based on social cohesion and civic virtue;
- promotes collaborative decision-making;
- tends to avoid or minimize controversy and concentrates on consensus areas where pupils will encounter
- little or no value conflict;
- at the political level, it is most likely to be adopted because of its ability to gain cross-party support;

Sevinge ALAKBARZADEH

- places considerable emphasis on communication, negotiation and social dialogue.

Parental model

- acknowledges the difficulties of transmitting values believed by parents;

- is based on the parental right to 'freedom of instruction' for pupils;

- leaves a major component of citizenship education to parents who have the right to choose schools

- according to their values or beliefs;

- highlights the significance of citizenship education as an agent of cultural transmission.

Patriotic model

- regards the promotion of loyalty to the state or the community as a central concern of citizenship

- education;

- in its militant or strong form this model becomes overtly propagandist, promoting one particular view of

- the state;

- is based on social control;

- stress the importance of civic cohesion.

Religious model

- regards religion education as the main vehicle for the promotion of values such as honesty and concern

- for others;

- accepts the association between the state and an established religion.

School ethos model

- emphasises the role of school organisation and ethos in modelling a good or just society;

- promotes experiential learning in the development of 'good' or 'pro-social' citizens.

Value conflict model

- places considerable emphasis on the links between private values and public action;

- views debates about public morality and policy as a particular application of each citizen's own

- framework of ideas;

- assists pupils develop their own value system and resolve the many conflicts they experience both

- internally and with others in order to become morally autonomous citizens.

Co-operation+ Co-ordination+ Collaboration scheme can be a good explanation for Civic Partnership.

Education plays an important role in community development. As Etzioni stated 'schools are the second line of defence' (alongside communities) and teachers must become 'communitarian agents'.

To an extent, all education is civic education: data consistently show that people who have had more years of schooling are more skillful and confident in political settings and more favorable toward democracy. The better educated are more engaged, more knowledgeable, and more politically tolerant. Data collected from multiple countries shows the following relationships:

These findings underline the importance of school clubs and other student organizations. Azerbaijan, CIS member countries are among many countries in which data

show that most students belong to some kind of school group. Elected student governments, Student Scientific Union, Student Youth Organizations, school newspapers, sport clubs are of great importance.

Students who study government, history, social sciences or law know more about those subjects than other students. Knowledge is not sufficient by itself, but it is useful. One cannot participate very effectively in politics or civil society without a baseline of facts. Probably, those who have some political knowledge at age 17 are able to acquire more throughout their lives, because they are capable of understanding the news and participating in discussions, meeting with politicians, having exchange of views. Discussions of current issues in schools give students a greater interest in politics; improve critical thinking and communication skills, more civic knowledge, and greater interest in discussing public affairs outside of school.

Students who have an opportunity to combine academic study with practical work on social issues sometimes develop civic skills and even change their identities so that they see themselves as active citizens. In the United States, a practice called "service-learning" is very common. Service-learning means a deliberate combination of unpaid community work (for example, helping elderly people or cleaning up a park) with academic study of the same topic. The phrase "service-learning" does not translate very well and is not used much in other countries, but many cultures have vital traditions of combining education with service.

In Azerbaijan and other CIS member countries, universities provide students to have practice in different government / non- government institutions, parliament, ministries, according to students' specialization promoting their future careers. Such experiences teach skills, they generate habits; they introduce individuals into networks of people who are busy working on civic problems. Above all, they help to create an identity. People who have a habit of being civically active begin to believe that they are responsible citizens: that is their nature. Actions like voting, participating in meetings, volunteering time, collecting information, and expressing one's views then come naturally.

Reading the newspaper is a powerful predictor of civic engagement among young people. Students should learn to assess news critically. However, reading the newspaper is hard. Reporters expect their readers to have a foundation of information and skills. Therefore, it may be very worthwhile to devote time specifically to teaching young people to read a newspaper. This relationship has been found in studies in the US, Colombia, Chile, and Portugal, Azerbaijan among other countries.

Students benefit if they feel they have a voice in their own schools. To have a "voice" means that school authorities will listen to you if you express opinions in a responsible way. Promoting student "voice" does not mean abdicating adult responsibility or allowing kids to run a school. It does mean reducing the authoritarianism that is traditional in most countries' educational systems, and that often makes teachers as well as students feel powerless

THE 21ST CENTURY UNIVERSITY AND CONTEMPORARY DEMOCRATIC SOCIETY "GOOD
CITIZENS ARE MADE, NOT BORN..." KOFI ANNAN

and voiceless. Students who feel that they have a voice in their schools are more civically "proficient"- they understand democratic concepts better and consider themselves more likely to participate as informed voters. In Azerbaijan all pupils have the right of representation of their interests and of organizing activities in school, which is realized by class and school representatives. These representatives in the School Committees have a voice in the decision making about disciplinary measures. Their advisory responsibilities are to be heard; inform about all matters concerning pupils; make proposals and statements; attend teachers' conferences; structure the teaching according to the syllabus; select teaching materials.

Many democratic countries claim to support democratic voice in their schools. In Azerbaijan universities there is a tradition as a motivation to let the university be run by the best students, starting with the position of the president, heads of the schools and so on where they can feel responsibility, "the right of voice" and especially trust by the school authorities.

2) Citizenship Education for the 21st Century

Citizenship education can be defined as educating children, from early childhood, to become clear-thinking and enlightened citizens who participate in decisions concerning society. 'Society' is here understood in the special sense of a nation with a circumscribed territory which is recognized as a state.

A knowledge of the nation's institutions, and also an awareness that the rule of law applies to social and human relationships, obviously form part of any citizenship education course. Taken in this sense, citizenship education is based on the distinction between:

- the individual as a subject of ethics and law, entitled to all the rights inherent in the human condition (human rights); and
- the citizen - entitled to the civil and political rights recognized by the national constitution of the country concerned.

All human beings are both individuals and citizens of the society to which they belong. Therefore, human rights and citizen rights are interdependent.

Men, women and children all come into the world as individual human beings. Thanks to the immense historical conquest of human rights, we are equal, in rights and dignity, to all other human beings. When citizenship education has the purpose of 'educating future citizens' it must necessarily address children, young people and adults, who are living beings, having the status of human beings endowed with conscience and reason. It cannot, therefore, exclude consideration of individuals as subjects, each with individual characteristics.

Moreover, human rights include civil and political rights, the latter obviously relating to the rights and obligations of citizens. Thus a comprehensive human rights education takes account of citizenship, and considers that good citizenship is connected with human rights as a whole.

Conversely, citizenship education which trains 'good'

citizens, ie. citizens aware of the human and political issues at stake in their society or nation, requires from each citizen ethical and moral qualities. All forms of citizenship education inculcate (or aim at inculcating) respect for others and recognition of the equality of all human beings; and at combating all forms of discrimination (racist, gender-based, religious, etc.) by fostering a spirit of tolerance and peace among human beings.

Thus, when we speak of the purposes to be ascribed to either citizenship education (producing citizens with moral qualities) or human rights education (comprising a knowledge of the social and political rights of all human beings, and their recognition) we inevitably end up with the complementarity between citizenship and human rights.

Depending on the cultural traditions of each education system, we shall have, in some cases, civics education, comprising a knowledge of human rights and their exercise, and in others, human rights education, stressing civil and political rights as the basis of citizenship, and hence the national features assumed by these rights and guaranteed by states.

Bearing in mind this complementarity, citizenship education means not only 'educating citizens' but also 'training children for adulthood and citizenship'.

Citizenship education has, therefore, three main objectives:

- educating people in citizenship and human rights through an understanding of the principles and institutions;
- learning to exercise one's judgment and critical faculty;
- acquiring a sense of individual and community responsibilities.

These three objectives correspond both to educating the individual as a subject of ethics and law, and to educating citizens. These objectives suggest four major themes for citizenship education:

- The relations between individuals and society: individual and collective freedoms, and rejection of any kind of discrimination.
- The relations between citizens and the government: what is involved in democracy and the organization of the state.
- The relations between the citizen and democratic life.

As a criterion of quality assurance, EDC introduces new indicators such as diversity, participation, values-oriented management, social skills, partnership and shared responsibilities.

Good citizens are made, not born. Civic education is the process by which we teach young people to be effective and responsible members of democratic communities. Increasingly, we know how to make civic education work in our schools. Nothing is more important to the future health of our democracies.

Conclusions

To summarize the implications for education in a liberal democratic state, we must recognize that education cannot be morally neutral.

Sevinge ALAKBARZADEH

Learning in general is most effective in "thick" communities, and the values that are generally agreed to be democratic values — justice, tolerance, concern for others, critical thinking — are best learned and practiced in relatively small communities, not in large bureaucratic institutions. As we have seen, there is much more to democratic education than intent to develop a certain kind of character in a captive audience — the most valuable lessons are not learned by listening, but by living and participating in humane institutions.

The state must do everything in his power to strengthen youths' increasing faith. There is need to create more projects to raise young people's awareness of citizenship issues at the local, national and global levels,

to develop their intercultural competence with a focus on language and communication for democratic citizenship, and increase their confidence in taking appropriate action for the protection of democratic principles and practices within their communities. In this way we can help young people to develop democratic citizenship competences which are crucial for approaching confidently aspects of the 21st century: identity, learning to learn, learning to live together, responsibility towards personal well-being, personal and professional development, protection of the environment, social protection and sustainable development. We all have an obligation as citizens of this earth to leave the world a healthier, cleaner, and better place for our children and future generations.

Bibliography:

1. Birzea, C. Education for Democratic Citizenship. - Strasbourg: Council of Europe, 1996, p.18.
2. Rowe, D. Education for Citizenship in Europe. - G. H. Bell (ed.) Educating European Citizens. - London: David Fulton Publishers, 1995, pp. 47-54.
3. Etzioni, A. The Spirit of Community. - New York: Simon and Schuster, 1993, p. 259.
4. Wimberley, J. Civil Society and the Reform of Higher Education in Central and Eastern Europe: Perspectives from the Council of Europe. - Higher Education in Europe, vol.24, 1999, nr.4, pp. 483-491.
5. Education Policies, Social Cohesion and Democratic Citizenship. Challenges and Strategies for Europe. - Doc. CC-ED (99)39.
6. Bisch, P. Meyer (ed) (1995). Introduction. A culture of democracy: a challenge for schools, UNESCO.

Резюме

В данной статье рассматриваются основные принципы, аспекты, задачи и ценности образования гражданства, как в развивающемся Азербайджанском государстве, так и Европе в начале XXI -го века. Подчеркивается роль образования, университетов в воспитании демократического гражданства будущего поколения – здравомыслящей, ответственной молодежи, роль молодежных организаций, а также развития их интеллектуальной компетенции на национальных, глобальном уровнях.

Пантелимон ВАРЗАРЬ,

доктор философии, доцент, заведующий
отделом Института европейской интеграции
и политических наук Академии наук Молдовы

Иван ВАРЗАРЬ,

доктор политических наук,
профессор Национального педагогического
университета им. М.П. Драгоманова,
академик Украинской Академии политических наук

СТРАНА – ОБЩЕСТВО – ГОСУДАРСТВО: КОНЦЕПТ НЕЗАВИСИМОСТИ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Отмечавшееся в 2011 году двадцатилетие политико-государственной независимости Украины и Республики Молдовы (как, впрочем, и десятка других постсоветских стран) послужило нам импульсом к многосмысловым ответам на вопрос: чью же независимость в Украине и Молдове мы недавно отмечали? В некоем прелиминарном порядке некоторые из ответов пунктирно зашифрованы уже в названии статьи. Приглашаем к соразмышлениям вокруг идей и концептов, содержащихся в самом её тексте.

В науке, праве и политике тяжелее всего корректировать старые ошибки, пересматривать мировоззренчески устоявшиеся и замифологизированные сенсительные понятия. Ставим себе целью дезавуировать затвердевшее идеологемное звучание „опорных столбцов” треугольника социально-политических понятий, „зафиксированных” в названии статьи („страна”, „общество”, „государство”). Ибо и в дальнейшем согласиться с их традиционно ненаучной трактовкой означало бы сознательно стать ретроградом в эпоху головокружительного убыстрения всемирных социацивизационных процессов. В более узком смысле такое ретроградство лишь ошутимей прежнего усложнило бы дело извлечения надлежащих уроков из приобретённого Украиной и Молдовой модернизационного опыта за 20 лет их политико-суверенизационного развития.

С предварительного прояснения содержания указанных опорных понятий и начнём, – пусть бы это и показалось кому-то „не очень нужным делом”.

Человечество – это не отдельные люди, а целые

народы. Это – народы двух смысловых групп: во-первых, это народы как этнические общности (или „народы-этносy”, понятие Ю.В. Бромлея, 1978 г.), а, во-вторых, это народы как социально-населенческие сообщества (или „народонаселение”, понятие Ж. Мишле, 1840 г.). По недавним статистикам ООН (1986, 2006 гг.), в мире нынче живёт от четырёх до пяти тысяч народов-этносов, которые гражданственно (т.е. в народонаселенческой форме) размещены в менее чем двухстах странах, ошибочно названных „государствами” даже в некоторых международно-правовых документах. Почему ошибочно?

Страна – это геополитическая площадь, населённая общностями обеих групп народов. Мало-помалу эти народонаселенческие людности образуют *общество*, которое – лишь в синергетическую меру политического самосозревания – когда-то станет *гражданским обществом*. В 70-х годах XIX в. немецкий социолог Ф. Тённис смыслообосновал такое сравнение: никем и ничем не организованное общество – это разбросанный по земле картофель, а собранный в мешки картофель – это уже некое подобие гражданского общества [1; 133]. Сравнение это условное, кому-то может показаться даже легковесным. Однако в нём сокрыта здоровая мысль: для придания стране и обществу целесообразной внешней формы, внутренне твёрдой и восходящей к жизнесмысловой линии развития народы „придумали” и поставили себе на службу *государство*. Это произошло примерно четыре тысячи лет тому назад.

Политико-управленческие роли государства по

Пантелимон ВАРЗАРЬ, Иван ВАРЗАРЬ

отношению к стране впервые письменно поставил к целеосмыслению вавилонский царь Хаммурапи (1760-е годы до н.э.). В качестве же коррелянта народу государство впервые предстало к осмыслению в X в. н.э., зафиксировавшись в латинской максиме одного из потомков Карла Великого: *Quius popoli – unius station* (Каждому народу – своё государство). И только в наше время (1996 г.) в трилогии „народ – общество – государство” учёный-диалектик В.В. Лазарев поставил генетико-историологическую точку: „Общество – мать государства и, соответственно, государство – дитя общества, продукт общественного развития” [2; 58].

Однако же согласно известной закавыке политического сознания на царско-русском, советско-русском и постсоветском пространстве, воля и „мнение” вождей доходят до ушей и разума народов скорей и „акцентней”, чем мнение учёных. И сегодня на том пространстве имеем то, что имеем: и „наверху”, и „внизу” три обсуждаемых нами понятия спрессованы в одно – в „государство”. Себе и миру во вред. Оглянемся вокруг: на том пространстве (особенно же на европостсоветском) всё и вся „огосударствлено” – от низовонародного менталитета и декретируемых сверху форм собственности – до родного языка и типа мышления. Трудно сказать однозначно: хорошо ли это или плохо, но три всемирных „модерниста” – взаимозависимые народы, не регулируемая никем/ничем синергетика развития и Интернет – упорно и неотвратимо „размывают” и когда-то „смоют” в *Реку Времени* все эти этатизмы. Развитые и хотя бы по-минимуму объединённые западные и некоторые восточные страны эти „веяния из будущего” уже чувствуют и видят: первые ласточки у них называются „дерегуляция”, „мультикультура”, „мондиалистика”, „глобалистика” и т.п.

Методологическим импульсом и основанием постановки подобной исследовательской задачи явилась историологическая сенсибилитя Б. Рассела: „Понять наше собственное время, его требования и историю, ... – только таким образом мы можем *подойти к форме возможного прогресса...*” [3; 8]. Операциональным инструментом решения этой задачи определяем *метод триадной корреляции ценностей и ориентаций социально-политического развития* (далее: триадный метод), некогда введенный в исследовательский оборот одним из соавторов статьи [4].

Триадный метод базируется (в основном) на трёх посылочных правилах. *Во-первых*. Всякий раз необходимо строго продумать логику и порядок размещения „смысловых столбцов” любого анализируемого в конкретном случае операционального треугольника. Всемирный теоретический опыт последних двух тысяч лет откристаллизовал тут четыре логические модели: 1) древнекитайская политико-правовая „мобильная модель” (IV в. до н.э.): „закон – доверие – власть”; 2) древнеэллиническая „качественно-восходящая” олимпийская спортивная модель (II в. до н.э.): „выше – дальше – лучше”; 3) „модификационная модель” римлянина Публилия Сира (I в. до н.э.): *savere*

(знать) – *havere* (уметь) – *avere* (иметь); 4) „консеквативная модель русской матрёшки” (когда из большой фигуры выходит малая, а из этой – ещё меньшая). Короткая иллюстрация. Рассматривая, например, реформаторские планы/программы наших правительств, непредумышленно приходишь к выводу: в них нет разума логики размещения в социологическом пространстве наших будто бы „реформируемых стран” политико-экономических и социокультурных ориентиров на перспективу, а есть, большей частью, обыденная популистика и имитация прогресса.

Во-вторых. Разрабатывая матрицы социально-политического прогрессирования хотя бы и отдельной сферы или отрасли общественной жизни соответствующей страны, политические кратологи должны избегать внедрения в деятельностный оборот не только одного так называемого „чёрного” „смыслового столбца”, т.е. такого фактора, ориентира, ценности и т.п., который уже сегодня, в самом начале операционального действия не выказал анализу своего творческого потенциала и пределов проявления своих позитивов. Ибо же неумолимо задействует „принцип чёрного ящика”, – когда (а) точно известен *input* („вход”) в анализируемую ситуацию, (б) приблизительно ясен *out* („выход”) из создавшейся новой ситуации, однако, (в) что происходит „в середине самого ящика”, – ясности нет никакой. Иллюстрациями к триадному методу в рассматриваемой „чёрноязыковой” коллизии для Молдовы последних лет могут послужить „подготовка вслепую” и уже неоднократный срыв выборов Президента парламентом страны, при полном „чёрном молчании” низовонародных масс. В Украине той же иллюстрацией могут быть сотенные факты принятия в последние годы парламентом „популярных социальных законов”, объективно неподъёмных для бюджетного исполнения.

В-третьих. При резко разнозначном смысло-содержании „опорных столбцов” хаотически сложившегося треугольника ценностей и ориентаций (как, например, в современной Украине или в Молдове: „европейский выбор – радикальные реформы – верховенство права”) в центр треугольника – и как бы „над ним” – необходимо поместить такой „центростремительный”, и „чисто политического характера” фактор/организатор/модератор ситуации, который объективно был бы в состоянии целенаправлять развитие/движение ситуации в треугольнике в прогрессивно восходящую линию. В нашем случае (и это равносильно относится к обоим странам!) такие координаторски-консолидаристские роли могут играть: а) форма политического правления страной, б) тип политического режима управления всеми общественными делами в кризисной ситуации и в) модель жизнотворческой политической системы страны во главе с социально-правовым государством.

В-четвёртых. Главная операциональная позиция триадного метода – кратологическая: кто должен (и вправе) разрабатывать/устанавливать упомянутые

СТРАНА – ОБЩЕСТВО – ГОСУДАРСТВО: КОНЦЕПТ НЕЗАВИСИМОСТИ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

выше треугольные и тройственные фигуры, и на каких основаниях – политических, правовых, этических, научных? Этим совокупным *Руководителем* (в иных мировых языках – *Директором*) является *кратолог* (от древнегреч. *кратос* – власть, *логос* – слово, учение, наука). В нашей интерпретации, высшие кратологи в любой стране это: 1) правители (в наших условиях – президенты), 2) управленцы (премьеры и министры), 3) законодатели (парламентарии, депутаты), 4) правосудейцы высшей юрисдикции и 5) администраторы высокого ранга. Все остальные „директивно указующие фигуры” – это служащие, чиновники и политики (в низовонародном сознании – „начальники”, в мировой социально-политической литературе – „функционеры” и „менеджеры”).

Политическая кратология (иницированная одним из нас, но ещё не завершённая в дескриптивном виде концепция) наделяет всемыслимых кратологов правом – посредством модельно обозначенных выше треугольников и триад – самоответственно определять ближние и дальние перспективы развития соответствующих стран [5; 236-237]. Однако при этом выдвигает перед нами два сенсительных требования: 1) языково-смысловое и 2) научно-содержательное. Первое требование в мировой гуманитаристике носит ещё название „принцип Р. Декарта”. В приватном письме (1639 г.) Декарт советовал: „Называйте вещи своими именами и всегда употребляйте правильные и к месту слова, – и тогда вы избавите человечество от половины его ошибок” [6; 291]. В этом смысле прегрешения политических кратологов в Украине и Молдове особенно ярко и пагубно проявились в контекстуальных смысловерчениях вокруг понятий „страна”, „общество” и „государство”, отчего даже маститым метафизикам не ясно, о чьей независимости шла речь летом 2011 года.

Со вторым требованием триадного метода всё обстоит несколько сложнее: политические кратологи должны не просто „к месту употреблять правильные слова”, но и обязательно наполнять их адекватным смыслом и отточенным научным содержанием. А уж эти качества – даже в рафинированной интеллигентной среде – никто и никому по наследию не передаёт – они есть синтезный итог личной и многолетней напряжённой мозговой деятельности. В этом смысле красноречиво премудрое название свежей французской научной книги: „Мозги, которые нами правят” [7].

А теперь приступим к сопоставлению методологической инструментальности приведённой выше сенсительности Б. Рассела и уже изложенной концепции триадного метода. Сформулированная в силлогистической причинности сенсительность к „опорным столбцам” треугольника из названия статьи (то есть к стране, обществу и государству) выдвигает лишь одно требование: всем нам надлежит понять историко-социологический смысл текущего историко-политического времени, в противном случае мы никогда и не представим себе горизонты возможного прогресса для наших стран, обществ, государств.

Триадный же метод к тем „столбцам” выдвигает уже три требования, в частности, (1) обновленного подхода к социально-политическому содержанию понятий, служащих „опорными столбцами” упомянутого треугольника; (2) определение историологических условий, при которых фундаментальные понятия, служащие „опорными столбцами” треугольника, могли бы успешно поработать на социально-политическое процветание народов наших стран; (3) нахождение творческих коррелянтов тем „опорным столбцам” треугольника, причём таких креативных факторов, которые бы действенным образом и в оперативных темпах поспособствовали политической модернизации соответствующей страны. (Тут в скобках конкретизируем лишь третий пункт требований триадного метода: подобными креативными факторами-коррелянтами определяем „столбцы” другого смыслового треугольника: 1) „народ как сознательный участник политической жизни”; 2) „политический гражданин”; 3) „социально-политический институт”). Если вопрос применить к соседним Украине и Молдове, станет яснее ясного, о чём суверенитете идёт речь, кто есть кто и чтт есть чтт в сегодняшней реальной политической истории в этих двух странах. А есть ли эта гносеологика „практически значимой” задачей?

В свете только что изложенного ещё раз обратимся к двадцатилетней отметке 2011 года в политической истории наших двух стран. Геополитические соседи, конечно, заметили, что юбилейные даты отмечались здесь ни в бодро-мажорной, ни в лирико-минорной тональностях: наружу, непринуждённо, как сказал один поэт, „выползали печаль и слезы по поводу несбывшихся мечтаний и надежд”. В наших странах особенная печаль и до сегодняшнего дня выказывается по поводу недостроенных „полностью независимого государства” и „зрелого гражданского общества”. Однако печаль определена и двумя другими причинами. *Во-первых*, и раньше, а с этих пор – тем более – следовало бы более акцентно заботиться о стране и обществе, а не о государстве в них. Как замечает В.М. Литвин относительно Украины (и это, несомненно, относится и к Молдове), за двадцать лет „государство уже состоялось, оно есть и будет, а в дальнейшем нам следует настойчивей сохранить и развить *страну*, обеспечить её цивилизационное устройство под углом потребностей уже *человека*, а не государства” [8].

Итак, получается, что в этой коллизийной триаде („страна” – „человек” – „государство”) речь идёт не только об элементарной подмене понятий (страна → государство, общество → народ, личность → человек), но и о более серьёзных вещах. Ибо когда забывают о человеке и народе, забывают о первокирпичике и о самом фундаменте гражданского общества. *Во-вторых*. Если критико-аналитичней взглянуть на наш политико-социумотворческий опыт минувшего двадцатилетия, выяснится, что команда за командой в кругах правящих элит перманентно заботились о своих „независимых” потребностях, интересах и

Пантелимон ВАРЗАРЬ, Иван ВАРЗАРЬ

карманах, а дезориентированный, обедневший и разатомированный народ и не догадывается о своём месте и роли в дуалитете „политически независимая страна – (неизвестно от кого/чего независимое) правящее страной государство”.

Самообнарождается ещё одна небезневинная социально-политическая контрверза: а не слишком ли большие надежды связывали в наших двух странах с феноменом „государственная независимость страны”? Выясняется, что у нас все – и „верхи”, и „низы” – ничего не ведают о двух inferнально значимых политических уроках, которые преподавал мыслящему человечеству А. И. Герцен ещё в середине XIX века. Первый урок. Анализируя революционно-суверенизационные процессы в Польше 1831 года, в Венгрии 1848 года и в Италии 1852 года, русский классик отмечал в интерпретациях политических элит этих стран „феномен государственной независимости ошибочно шёл впереди экономико-социального благоустройства (соответствующих стран. – *Авт.*)” [9, с. 41]. Второй урок. Не только элиты, но и сами народы названных стран, подчёркивал классик, „не ведали о том, что *государственная независимость сама по себе никому ничего не даёт*, кроме права на достижение политического совершеннолетия” [9; 475].

Напрасно вопрошать в „пустой политический эфир”, почему за два десятилетия наши народы так и не стали „полностью политически совершеннолетними”? Не о нас ли сказано у молодого К. Маркса (за десять лет до А.И. Герцена): „Народ с только что пробуждающимся политическим сознанием меньше интересуется *фактической достоверностью* того или другого события, чем его *моральной сущностью*” [10; 166]. Суверениабельные „одобрямы” лета 1990 года и осени 1991 года были не столько сознательным политическим выбором наших народов, сколько их подсознательными, адресованными „советским верхам” морализмами типа „*als ob*” („как если бы...”) у Т. Гоббса.

На этом фоне и у нас формулируется свой, пусть и несколько эрзационный, ответ: всё это случилось потому, что правящие политикунные команды „верхов” и „подведомые народные низы” всё это время шагали не параллельным и взаимокоррелируемым курсом, а дивергентно двигались спорадическими „рывками”. И уже в первые годы XXI в. стало понятно, что народонаселение наших стран оказалось чётко разделённым „на бедное большинство и богатое меньшинство”, у которых „абсолютно всё разное”. В частности, у них (1) разные уровни доходов, (2) разные типы политического мышления, (3) разные характеры поведения, (4) разные модели политической культуры, (5) разные социальные образы жизни. Из-за такой огромной „разносмысловой и фундаментальной разности бытия” эти „два социальных слоя ужи фактически не могут понимать друг друга, государство ужи не может регулировать это непонимание, а простые люди ужи начинают отрекаться от ответственности за судьбы страны” [11].

В результате установления подобного „двух-полюсного разлома”, к началу 2000-годов Молдова раскололась на две социополитические людности (общности), одна из которых (даже через подчинённый ей парламент) на протяжении нескольких лет кряду (с 2009 года) не могла избрать в парламенте президента страны. В Украине эта дивергенция к порогу 2005 года проявилась двояко: (1) в геополитическом смысле, страна раскололась на две этносоциокультурные плоскости – на „западную” и „восточную”, а (2) политико-элитные кадры обеих плоскостей сконцентрировались почти целиком вокруг „непосредственно своих, прогосударственных” задач, открыто заявляя миру: в этой стране у каждого из нас – „свой народ” и „своё государство”. Показательна в этом смысле *слэнговая* фальшь формулы первого параграфа „Программы действий” второго Правительства Ю.В. Тимошенко (март 2008 года): „Государство, в котором мы живём”. Красноречиво и регрет-умозаключение В.А. Ющенко (от февраля 2010 года), когда на вопрос, в чём же состоит основная причина его поражения на президентских выборах от января 2010 года, он ответил: „На этот раз выборы состоялись не в моей стране, и мне попался не тот народ у избирательных урн” [12].

В обеих странах наблюдается принципиально одинаковая картина: все двадцать лет независимости правящие команды стремились „строить государство для себя и под себя”, – *некую сверхнадстройку со всей её „независимой от народа” атрибутикой*. А именно, (1) с внеправовыми структурами формальных и неформальных „центров принятия политических решений”; (2) с ситуативно применяемыми (к жизнебытию отдельных элитных групп) критериями осуществления акций внутренней и внешней политики; (3) с хорошо продуманными схемами коррупционного обеспечения и социоправовой защиты элитных управленческо-административных кадров; (4) с концепциями легитимированными правом организации и оплаты труда „государственных служащих” и „социальных работников” из недр „своего золотого кадрового фонда”; (5) с откровенно антигуманными программами разноиерархического воспитания и подготовки к жизни поколений своих, элитных, и народных детей (первых – в заграничных европейских школах и вузах, других – в отечественных некомплектных школах и платных вузах). И т.п. Подобная „независимая страна/государство” слишком уж напоминает „арбуз в профиль”.

А народ? По состоянию на начало 90-х годов XX в. в Украине самым весомым позитивом считалось референдумное (от 1 декабря 1991 года) стремление более чем девяностопроцентного народного массива создать „политически суверенную страну”, в которой государство могло бы стать демократичным, правовым и социальным. И так, уже тогда образовалась беспрецедентная на постсоветском пространстве социумо- и государствовтворческая триада импульсно-линейного и неотвратимо перспективного направления: „народная воля → политически суверенная

СТРАНА – ОБЩЕСТВО – ГОСУДАРСТВО: КОНЦЕПТ НЕЗАВИСИМОСТИ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

страна → подвластное народу политическое государство". Чуть ли не впервые в Новейшей истории Европы должен был бы сработать „*situativ Томаса Гоббса*” о социодоговорном смысле понятия „политическое государство” и его роли в транзитивно кризисующем обществе. Политическое государство, отмечал Гоббс в 1668 году во втором латинском издании своего „*Левиафана*”, это - „добровольное согласие людей подчиниться одному человеку или собранию людей в надежде на то, что этот человек или же то собрание смогут защитить их против всех других” [13; 197]. Тем самым, теоретически должна была бы быть опровергнута раскручиваемая в обратном направлении философско-схоластическая цепь средневековой фацетии „курица – яйцо – курица” [14; 525] [15; 69]. В нашей интерпретации вопроса откристаллизовалась мысль о том, что из здоровых народных недр проистекает вопросительный креатив: кто/что/кого/чего рождает/образует – народ/общество порождает государство или политическое государство является демиургом суверенной страны? Или ещё: кто/что и от кого/от чего (в указанном креативе) зависит/не зависит? Однако, если акцентнее говорить об Украине, да и о Молдове, не только в начале 90-х годов XX в., но и в дальнейшем, когда бескамуфляжно перестали считаться с волей народа и начали бесстыдно покупать/продавать „электоральную волю народа” на всех политических выборах, схоластическая демиурговая диада о курице и яйце снова ожила и кое-где да кое в чём жива и поныне.

В Молдове – да ещё и в масштабах всей страны – электорально-плебисцитарного взлёта в начале 90-х годов не произошло. Даже всё начинало складываться с отрицательным знаком – трёхчленной серией автономистски-сепаратистских выступлений в Приднестровье, в Гагаузии и – отчасти – в Сорокской Цыгании. И всё же народно-референдумная коллизия положительно проявилась на локальном уровне в нескольких регионах страны. Показательный относительно этого ситуатив был зафиксирован в октябре 1992 г. в г. Леово украинским публицистом. Велеречивым „федералистским доказательством” тираспольского эмиссара местные муниципальные активисты противопоставили достаточно здравую собственную „локальную” политологему: „Наша страна простирается далеко за Прутом, вплоть до самых Карпат, а власть вашего государства едва переходит за Днестр, аж под стены Бендерской крепости” [16]. Вот каким образом в этой коллизии сработал здравый народный смысл в вопросе о соотношении социополитических понятий в триаде „страна – власть – государство”.

Мы во второй раз столкнулись с понятием „здравый смысл” (кое-где даже в научной литературе встречается в редакции: „здоровонародный смысл”/„народный здравый смысл”). И всегда этот термин встречается в положительном плане. Однако во всемыслимых ли социально-политических коллизиях (особенно же в плоскости обсуждаемого треугольника „страна –

общество – государство”) смысловой феномен проявляет себя положительно? Почему так случилось, что едва ли не во всех постсоветских странах и народ, и политики, и научные работники, и именно „на почве здравого смысла”, простодушно или нарочито, но „последовательно” – отождествляют названные понятия и, как уже отмечалось, „сваливают” в одно, в „государство”? Является ли это популистское явление вполне новым, или, может быть, оно имеет какое-то ретроисториологическое объяснение?

Сразу же отвечаем: да, имеет ретроисториологические корни и ретрогносеологическое объяснение: все диктаторские/авторитарные/тоталитарные – и даже „немного-антинародные” – политические режимы (всегда!) популистски заигрывали с народом и его „здоровым смыслом”, методически „забивали голову” ему его же пересудами. Касательно суверенной Украины, это популистское явление имеет „живые корни” и доныне [17; 73] [18; 13]. А как же быть с так называемым „политическим демократизмом”, который безбрежно доминирует в политико-психологическом спациуме наших сегодняшних двух стран? Не может не беспокоить закавыка: почему у нас не только в народных низах, но и в политико-правлящих, правительствующих и научно-политологических кругах три самодостаточных понятия – „страна”, „общество” и „территория” – сводятся к понятию „государство”? А что происходит в „праксеологических коллизиях” современной политической науки, которая тоже увязла в „одобрямском болоте”?

Обратимся к научно-энциклопедическим источникам. Но и там, кроме ретроспекций в анналы Шотландской философской школы XVIII в. и простофильских (советских) „интуитивных связях народа со своими политиками и учёными”, – ничего разумноценного не находим. Далее – к словарно-справочным источникам, – и тут всё и стало проясняться! Оказывается, что на всём европейском постсоветском пространстве и народное сознание, и политическое сознание, и теоретическое сознание, все названные выше смысловые эссенции („страна”, „общество”, „территория” и „государство”), условно говоря, слишком „замифилогизированы”, „обезначлены” и „дезинтеллектуализированы”. Более того, – само понятие „здравый смысл” возведено в ранг интеллектуальной категории. Например, *Современный украинский толковый словарь* 2006 г. (1) понятие „здравый смысл” определяет как „трезвое разумие вещей” и как „чистую рассудительность”; (2) непосредственно в узкое понятие „смысл” включает „разумное содержание, рациональность, смысл”, и, наконец, (3) сам по себе феномен „здроваго смысла” толкует как „то же самое, что разум и интеллект”. Как видно, основная ошибка нашей просвещённой современности – в отождествлении „народного здравого смысла” с „научным интеллектом”.

А как было раньше да в иных, действительно настоящему просвещённых странах, например, в Германии? Оказывается, ещё в конце XVIII в. В.

Пантелимон ВАРЗАРЬ, Иван ВАРЗАРЬ

Гумбольдт в книге „О границах деятельности государства” (1792 г.) в оценках политико-государственных атрибуций редко когда полагался на низовонародный здравый смысл, а преимущественно полагался „на этатолого-интеллектуальные основания, выработанные теоретическим трудом учёных” [19; 216]. Полтора столетия спустя (в 60-х годах XX в.) другой немец, великий физик М. Борн, продолжая разработку этой же политико-теоретической коллизии, но, гибко избегая политологической терминологии, замечал: „теоретический интеллект” и „народный здравый смысл” – это такие „атрибуции общечеловеческого духа”, которые нельзя ни отождествлять, ни противопоставлять друг другу. Суть в том, что „они просто существуют в разных плоскостях”: „интеллект различает возможное от невозможного, а *здравый смысл* различает лишь „делесообразное” от „бессмысленного”. И, тонко намекая на политико-государственные реалии в некоторых социалистических странах второй половины XX в., заключал: „Вот почему в реальной жизни *даже возможное может оказаться бессмысленным*” [20; 10].

Из аналитической операции сопряжения трёх выше приведённых коллизий конфигурируются две новые и чуть ли не „чисто” социально-политические триады „по теме”: 1) „народ – наука – политика” и 2) „здравый смысл – теоретический интеллект – политическая воля элитных государственных чиновников”. Их объединяет извне лишь одно – способ размещения „опорных столбцов”, не *линейно-импульсный* способ (когда первый „столбец” толкает в спину другого, а тот – третьего), а *свободно-треугольный* способ (когда два „столбца” – ситуативно и произвольно, скоординированным образом или порознь – могут, толкая третье, влиять на него и деформировать его).

В нашем случае и на плоскости обсуждаемого вопроса упомянутые коллизии детерминистски обуславливают возникновение в наших двух странах ряда социально-политических (по М. Борну) „бессмысленностей” по типу „логично урезанного силлогизма”. Назовём (без анализа) лишь две из них: (1). Если в бедной стране существует партия миллионеров (в Украине примером служит *Батьківщина*, а в Молдове – *Демократическая партия*), которая к тому же называет себя „народной”, – откуда же появляется ещё такой нонсенс, как „народный депутат” по списку псевдонародной партии. (2) „Бессмысленной” следует считать и ситуацию, когда – на официальном уровне (в политико-государственных документах, парламентских актах, партийно-политических реляциях и т. п.) – государственному чиновнику, партийному функционеру и служебному администратору велят „сознательно и целенаправленно строить [на своём уровне и на своём „трудовом участке”] зрелое гражданское общество”. Почему это невозможно? Потому что, пока – по Ф. Тённису – в регионах/провинциях/местностях имярек страны „да из самых глубин народных низов” не возникли

„микросоциумные общности” и „этносоциополитические сообщества” [1; 19-21] – до тех пор эта страна останется мягкотелой, неструктурированной и с рядом разатомированных региональных людностей, которые ещё не скоро в рамках всей страны синтезируются в независимое от политического государства гражданское общество. И так, чиновнику, функционеру и администратору эта задача не просто не под силу, в её реализации они фактически и объективно не заинтересованы. Ибо же и само по себе „зрелое и независимое от государства гражданское общество” – это их антипод!

Считая предварительно решённой и эту контроверзу, возвращаемся к начальному этапу 90-х годов XX в., к той первогенезисной поре политической независимости наших двух стран, когда по-настоящему „здравый народный смысл” и аутентичные социогуманитарные науки творчески сотрудничали и в диалоговом сопряжении „сошлись” на плоскости политико-правового конституционализма. В теоретических упражнениях тамошнего конституционализма молдавский народ стал настоящим демиургом политической государственности в суверенной стране. Так, ст. 2 Конституции Республики Молдовы 1994 года провозгласила народ „носителем национального суверенитета республики”, ст. 10 – „основой государства”, а ст. 38 признала его волю „основой государственной власти”. Украинская же Конституция 1996 года всю эту политологемную плюралистику концентрированно подала в ст. 5, которая провозгласила народ и „основным источником власти”, и „носителем суверенитета страны”.

И, тем не менее, несмотря на объективные социально-политические реалии и при всём нашем патриотическом желании, наши народы трудно назвать „политически совершеннолетними”, „надёжными источниками” политической власти и правомочными „носителями политического суверенитета” обеих наших стран. Иллюстрировать приведённые негативные констатации считаем этически неудобным. Лучше спросим себя, почему так случилось? Чуть ли не во всех постсоветских странах – наиболее рельефно в Молдове и Украине – новоэлитные правленцы/управленцы/ административники вкупе с учёными политологами и правоведами, как правило, рекрутировались из среды тех политиков, которые – по выражению поэта, учёного и парламентария Б. Олейника, „стали национал-патриотами за одну ночь”. Или же это были те „политические кочевники”, которые трижды в день гибко переориентировались в подвижной обстановке провозглашения политико-государственного суверенитета соответствующей из наших двух стран. А потому излишне и спрашивать, почему они своевременно не усвоили упомянутые выше „политические уроки”.

Всемирный экономико-финансовый кризис (который „фрагментарно” продолжается с конца 2008 года), японская природноядерная трагедия 2011 года

СТРАНА – ОБЩЕСТВО – ГОСУДАРСТВО: КОНЦЕПТ НЕЗАВИСИМОСТИ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

и – некоторым образом – „весенние арабские революции” 2011 года наглядно напомнили политологическую истину Новейшего Времени эволюции человечества: динамично развиваются лишь те страны, в которых перманентно происходят творческие диалоги в координатах триадной фигуры „политическое государство – политическая партия – гражданское общество”. Спросим себя, а как быть Украине и Молдове, в которых за двадцать лет независимости ни один из „столбцов” только что обозначенной фигуры так и не сконституировался в зрелом состоянии? Ответа не имеем.

Всемирный опыт недавнего времени напоминает об истинности ещё одной саентологемы: успешно и стабильно развиваются те страны, в которых политическая и социальная системы являются не антагонистами, а взаимодополняющими партнерами. Приходится с сожалением констатировать: едва ли не во всех постсоветских странах *политическую систему и социальную систему* (1) очень часто элементарно отождествляют; (2) иногда велеречиво ратуют за укрепление структуры и силы лишь государства внутри и политической, и социальной систем (в социальной системе места государству просто нет!); (3) нередко случаи, когда о социальной системе просто забывают, – причём забывают не только политические элитники „вверху”, но и учёнописательские фигуры „внизу”. Как тут быть? Ответа нет!

Текущий политический опыт даже некоторых постсоветских стран в обсуждаемом контексте иллюстрирует ещё одну неопровержимую наукоёмкую истину: общественно-политический прогресс имеет место только там, где в социологическом пространстве между обществом и его политико-государственной надстройкой постоянно и творчески „курсируют челночным образом” зрелые и независимые от политических властей *политические партии и „неполитические” общественные организации* [17; 76] [21; 68-69] [22; 101].

Считались ли с этим концептом в Молдове? За двадцать лет политической независимости первые государственные лица и лидеры политических партий лишь тем и занимались, что периодически (особенно же накануне очередных политических выборов) прогнозировали „точные сроки” и безусловно „светлые ближайшие перспективы” построения зрелого гражданского общества в стране, причём „на самых демократических основах” и „синхронно со строительством в стране правового государства”. А что в итоге? Ответ – басенный: „а воз и ныне там” [23; 14, 62-63].

В наших двух странах – по состоянию на конец 2011 года – насчитывалось по 31 (Молдова) и 192 (Украина) политических партий. Для обеих стран характерны тут четыре изъяна: во-первых, трудно в этом „хаотическом плюрализме” провести типологические границы между „общественными организациями” и пропартиями; во-вторых, законодательно не определена правомочность общественных органи-

заций и политических партий относительно „самоотнесения” к структурам или социальным системам, или политических систем ещё до того, как они прошли горнило соответствующего типа политических выборов; в-третьих, факт объективной зависимости/независимости партий и общественных организаций от властных органов и политических институтов можно определить лишь этико-социологическими размышлениями, а не правоюридическими операциями; в-четвёртых, Молдова, как и Украина (по словам В.М. Литвина), „в территориальном плане хорошо скроены, но плохо сшиты” [24]. Как результат, мы – в перманентном системном кризисе. Вот и стоим перед вопросом: каким же образом мы можем избежать подобных изъянов? Ответа нет.

На протяжении двадцати лет политической независимости в условиях отсутствия в обеих наших странах (а) зрелых гражданских обществ, (б) правовых государств и (в) „не назначенных” сверху или откуда-то политических партий, – политическое развитие свелось к тому, что пунктирно обозначенные выше три диады ((1) „политическое государство – гражданское общество”, (2) „политическая партия – общественное движение/организация” и (3) „социальная система – политическая система”) постепенно смодифицировались в достаточно простую триаду: (1) „явное политическое государство” – (2) „разатомированное общество/население” – (3) „политически дезориентированный простой человек”. В этой простоте прячется трудноартикулируемая, но элементарная мировоззренческая и теоретическая коллизия: в стране с „сильным государством” не бывает „сильного общества”, ибо в последнем ещё не откристиализовались соответствующие зрелые этносоциополитические общности и, следовательно, оно ещё состоит из разрозненных и слабосильных человеческих недовольств.

Для наших обеих стран общей является ещё одна контроверза: в политически слабом и разатомированном обществе вряд ли возможны по-настоящему сильные и авторитетные, независимые от государства политические партии и общественные организации. А потому общая ситуация у нас по-особенному усложняется не только в результате экономических кризисов, „энергетических” и „торговых” войн с соседями, а главное, из-за перманентной (часто и беспринципной) борьбы между партиями трёх типологических групп – леворадикальных, централистских и правопатриотических. В этой связи заметим, что и для Молдовы является остроактуальным обращение Президента Украины В.Ф. Януковича к „межпартийным противоборцам”: на базовых партнерских основах их солидаристское примирение, взаимопонимание и сотрудничество – „единственная конструктивная альтернатива для всех по-настоящему патриотических сил страны” [25].

На обозначенном не слишком „бодром”, но объективном фоне возникает нетривиальный вопрос:

Пантелимон ВАРЗАРЬ, Иван ВАРЗАРЬ

в сложившейся ситуации, каким же образом нашим двум странам можно не только выжить, но и прогрессировать и уверенным шагом идти в направлении к евроатлантическим рубежам? Полагаем, есть здесь один генеральной значимости ответ, который метко воплощён в английской пословице: „для всемыслимого прогрессирования следует наладить упорный поиск всё новых и новых способов решения старых проблем”.

Уже за двадцать лет политической независимости и Молдовы, и Украины, старых и недорешённых политико-социумотворческих проблем наберётся вдосталь. Только вокруг стержня „гражданское общество” подобных проблем мы вычленили *три „комплексной сложности” микрогруппы*, рассматривая которые, невольно наталкиваешься на ещё недостаточно исследованный концепт „социально-политический институт” [26].

По поводу смыслового содержания этих проблем предварительно отметим следующее. С точки зрения архитектурной, эти проблемы состоят из буднично малоприметных каверзных деталей, которые, вначале, и не требуют научного анализа, а просятся лишь к этической апробации. Ведь „будничные детали жизни” базируются на самой надёжной основе – на здравом смысле. Здесь, при случае, самое время и вспомнить Вольтера, который подчёркивал, что „именно в деталях естественного смысла народов скрывается не один дьявол” [27; 198]. В чём же здесь научность проблемы?

В оптимально развитой стране гражданское общество дифференцируется на ряд социальных и политических институтов и основывается на их активной жизнедеятельности. Первые оптимально зрелые социальные и политические институты – да и сами гражданские общества – начали конституироваться в тех европейских странах, которые пережили относительно успешные (так называемые „ранние”) буржуазно-демократические революции XVII-XVIII веков. Первые же акции по осознанию философско-социологической сущности тех институтов, да и самого феномена гражданского общества, имели место уже в середине XVIII в., в пиковую пору расцвета особенной „ветви” Просветительства – *Либертинства*. Именно тогда „на поле” исследования/осмысления сущности тех институтов, – да и в целом самого феномена гражданского общества, в своеобразном „двоеборстве”, сошлись две гносеологические призмы – будничная, народносмысловая (или же призма „*здроваго народного смысла*”) и интеллектуально-теоретическая призма (или же призма „*апперцептивно-научная*”).

Интересно отметить и следующее: народносмысловую призму на протяжении той же первопроектной эпохи упорней других разрабатывали украинцы Феофан Прокопович и Григорий Сковорода. Между ними концептуально независимым образом курсировали два великих романа – мыслители-энциклопедисты молдаванин Димитрие Кантемир и

итальянец Джамбаттиста Вико. Именно Дж. Вико и прояснил смысл основных причин торможения социального прогресса в России и Крымской Татарии (а значит, – и в Украине, которая в те времена „кусками” принадлежала соседям, в том числе и главным образом – тем двум империям). Эти страны, отмечал Дж. Вико, тогда населяли „народы в высшей мере слабые и обедневшие”. Самая главная социально-политическая беда состояла в том, делал вывод Дж. Вико, что в этих странах жили „люди ленивого ума”, и ими управляли автократические монархи не на началах просвещённой науки того времени, „а на началах простонародной мудрости...” [28; 457]. „Простонародная мудрость” здесь – эквивалент „народному здравому смыслу”. (Напомним, это было сказано в 1725 году.)

Научные гении того времени, как видим, начали сознательную атаку на концепт „непросвещённого простонародного здравого смысла”. Лет через сорок атаку продолжил Вольтер. В своём „Философском словаре” (60-е годы XVIII в.) он уничижительным словом выделял три самые характерные и не очень положительные черты „здроваго народного смысла”. *Во-первых*, это – „разум грубый и только начинающий”; *во-вторых*, это – „примитивное представление даже об обыденных вещах”; *в-третьих*, это – „среднее состояние между тупостью и умом” [27; 117]. Почти аналогичную точку зрения М. Борна мы уже изложили.

Набрасывая „мостик” к современности в наших постсоветских странах, без колебаний констатируем: вся гносеология и праксеология социально-политической жизни, в частности и вокруг социальных и политических институтов, да и вообще вокруг феномена гражданского общества, и до сих пор (почти триста лет после Дж. Вико, двести пятьдесят лет после Вольтера и пятьдесят лет после М. Борна), так и остаётся областью простонародного, не слишком „здроваго смысла”. Об этом свидетельствуют многочисленные факты, давно ставшие будничными реалиями. Слово по подсказке Вольтера, выделим эти „среднетупые/среднеразумные” простонародносмысловые грехи в некие цельные социологические черты, характерные для обеих наших стран.

Приходится констатировать, что в народных низах наших стран так до сих пор и не разобрались в том, „кто есть кто” и „что есть что” в смысловых соотношениях так называемых „парных понятий”: „страна – государство”, „общество – население”, „народ – политическая нация”, „правление – управление”, „руководство – администрирование”, „право – справедливость”, „экономический рынок – торговый базар” и др. Даже при прежней – довольно „зажатой” – системе жизни в плоскости самопрояснения этих материй была бгльшая ясность, чем ныне в будто бы „целиком суверенных” условиях бытия постсоветских стран. Почему „была...”? Потому что была хоть какая-то общестрановая система политического просвещения, – коей сегодня и в помине нет.

Как следствие „наличия отсутствия” указанной

СТРАНА – ОБЩЕСТВО – ГОСУДАРСТВО: КОНЦЕПТ НЕЗАВИСИМОСТИ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

политпросветсистемы *несказанно обострились общественно-политические коллизии вокруг человека как объекта и субъекта социально-политического бытия*. Вот он, дуалитет: кто у нас есть „просто житель”, а кто – „политический гражданин”? И в этом не так-то легко самоопределиться. Задумаемся над генезисом непростой проблемы.

В декабре 1936 года (накануне „всеобщей полной переписи населения” СССР в январе 1937 года) И.В. Сталин в одночасье переименовал бухарские базары на „колхозно-городские рынки”, оседлое население – на „прописанных жителей”, а всех разновозрастных жителей – на „граждан”. После всего этого в наших нынешних странах – по преемственности – так и повелось, что все люди с рождения записываются „гражданами”, а кто из них „политический гражданин” и „правомочный участник/деятель политической жизни”, не ведаёт никто. Вот и попробуйте ясно ответить на вопрос: из какого „человеческого материала” мы должны „строить” свои гражданские общества, а над ними – „кадровый каркас” государств правовых, демократических и социальных?

А между тем, на Западе этот вопрос теоретически решили ещё полтора столетия назад. В 1836 г. итальянский учёный в США, правовед и политолог Антонио Росмини в книге „Права в гражданском обществе” установил: к двум группам политических граждан следует отнести лишь а) „сознательных участников политических выборов” и б) „сознательных плательщиков налогов” [29; 282-284]. Самый меткий его вывод – нам „в тему”: именно на эти два слоя политически конструктивных и экономически самодостаточных людей в каждой данной стране „правительство должно направлять своё служение в гражданском обществе” [29; 313]. В этом свете всеу было бы задаться вопросом, *почему в наших странах* (1) ничтожно мал физический массив этих двух групп настоящих политических граждан? (2) непростительно низки уровни сознательного самоналогообложения, самоорганизованного и „бесплатного” участия в политической жизни вообще и – в частности – в акциях плебисцитарной демократии? (3) до неприличия мизерны уровни пенсионного обеспечения и социальных выплат? (4) абсолютное большинство политических партий кадрово малочисленны и в регионах „местным людям” просто неизвестны? Коль у нас и до сих пор сохранилась (зафиксированная в начале 30-х годов XX в. писателем А. Платоновым) русско-советская манера поименования людей „простыми государственными жителями”, – ясно, как Божий день: задача построения гражданского общества (без зрелых граждан!) и впредь пребудет в вечном провале.

Западноевропейская политическая наука уже давно установила, что любая страна может – пусть даже „как-то по-среднему” – прогрессировать, если фундаментное народонаселение в ней динамично дифференцируется (а) сначала – на *социальные*

общности (имущественные, профессиональные, этнокультурные и др.), (б) затем – на *институциональные общности* (гражданские ассоциации, социально-предполитические объединения, протопартийные организации и др.). Эту социально-политическую закономерность открыл в 70-х годах XIX в. вышеупомянутый немецкий „новый социолог” Фердинанд Тённис. Процесс конституирования в стране зрелого гражданского общества он делил на два этапа. На родоначальном этапе народонаселение страны постепенно делится на микросоциумы двойной сущности – на (а) „локальные сообщества” или же „нации-сообщества” (*Gemeinschaft*) и на (б) „региональные этносоциальные общности” или же „нации-общности” (*Gesellschaft*) [1; 21-25]. Второй этап может быть более-менее успешно развёрнутым в той – „пусть даже среднеразвитой” – стране, в которой „свободно себя чувствуют” три двойные и истинно капиталистические ценности – (1) „капитал и рабочая сила”, (2) „товар и стоимость” и (3) „рынок и деньги” [1; 28-52].

На каком же этапе „политической гражданизации” пребывают нынче наши две страны? Это – немаловажный вопрос. Народносмысловые критерии („древние народы – носители передовых культурных ценностей”, „среднеразвитые центрально-европейские страны”, „добрые и мирные соседи объединённой Европы” и др.) уже истины не выявляют. Самыми логичными остаются „новосоциологические критерии” Ф. Тённиса. Но вынуждены всё же признать: и эти критерии в „чистом виде” к суровым и объективным реалиям Украины и Молдовы валабельными быть ещё не могут. Почему?

В неординарной сети тех реалий есть атрибуты и *сообщностные*, и *общественностные*, – причём, обе эти социополитические эссенции окрашены разнообразно – и „позитивом”, и „негативом”. Ибо такие же „мозаичные” есть наши страны-общества. Среди них (например) – неподконтрольные государству гражданские организации и оппозиционные партии; миллионеры в парламенте и правительстве, которые – с формально-легитимной стороны – действуют от имени обедневшего и подкупленного ими народа; противоправные „группы влияния/давления” как в народных „низах”, так и в парламентских и правяще-исполнительских кругах; богатые бизнесмены – неплательщики налогов и некомпенсанты коммунальных услуг; влиятельные неформальные „центры принятия политических решений”; многочисленные негосударственные и бесцензурные средства массовой информации и коммуникации; неплохо „оплачиваемый сверху” низовонародный „протестный электорат”; самые высокие и беспрецедентные в мире проценты „голосов против всех” на политических выборах последних лет.

Соответственно, саморельефным оказался дерегулятивный аспект – постепенное снижение и „смягчение” регулируемо-контрольных ролей государства в жизни мужающей страны, а в ней – смягчение государственного контроля над мужающим гражданским

Пантелимон ВАРЗАРЬ, Иван ВАРЗАРЬ

обществом. Наблюдая за этим процессом, важно помнить о том, что „высшее назначение власти, – как минимум, – не мешать народу организовывать своё бытие, а как максимум, – создать благоприятные условия для того, чтобы мы почувствовали себя европейцами не только географически, но и по стандартам и принципам организации гражданского общества” [30]. К этому выводу подталкивает нас весь предыдущий опыт политической жизни обеих наших стран.

А как насчёт перспективы? Самовырисовывается приблизительно та же дерегулятивная логика. Приведённые положительные и отрицательные факты и факторы подтверждают вывод зарубежных исследователей: даже в достаточно развитых странах – членах Евросоюза „государства уже не могут выполнять свои роли провидения” (то есть предвидения будущих горизонтов развития соответствующих стран. – Авт.)

[31; 165]. Эти роли всё увереннее будут передаваться народнонизовым социальным институтам.

Относительно непосредственно Украины и Молдовы. В приведённой выше „социально-политической смеси” имеются положительные начатки тех институций – будущих творцов зрелых гражданских обществ в наших завтрашних странах. А уже этот вывод служит нам „мостиком” к следующему предположению: политико-государственная независимость наших стран явилась не только „подарком счастливой судьбы”, но и своеобразным удовлетворением „заявок” тех, сегодня ещё зародышевых социальных институтов. Значит, и *Двадцатилетний юбилей независимости* является их общим праздником, хотя и с едва уловимыми „слезами на глазах”.

Література:

1. Тьонніс, Ф. Спільнота та суспільство. Основні поняття чистої соціології. Пер. з нім. - Київ: Дух і Літера, 2005. – 258 с.
2. Теория права и государства. Учебник под ред. В.В. Лазарева. - Москва: Право и Закон, 1996. – 424 с.
3. Рассел, Б. Власть. Новый социальный анализ. Пер. с англ. - Київ: Стэп-К, 1996. – 240 с.
4. Варзар, І. Співвідношення толеранції, валенсії та віоленції у координатах методу триадної кореляції цінностей та орієнтацій соціально-політичного розвитку. - Толерантність як соціогуманітарна проблема сучасності: Зб. наук. Праць. За заг. ред. П.Ю. Сауха. - Житомир: Вид-во ЖДУ ім. І. Франка, 2011, с. 29-41.
5. Варзар, І.М. Політична етнологія. Пропедевтичний курс. Авторський підручник. - Київ: Персонал, 2011. – 354 с.
6. Декарт, Р. Избранные произведения. Пер. с лат. и франц. - Москва: Наука, 1950. – 410 с.
7. Шалвен, М.-Ж. Мозги, которые нами правят. От Людовика XI до правителей наших дней / Пер. с франц. - Москва: РИПОЛ классик, 2004. – 432 с.
8. Відчуття міри причетності до долі країни й народу. Виступ Голови Верховної Ради України Володимира Литвина на урочистому засіданні ВРУ з нагоди 20-ї річниці Незалежності України. - Голос України, 2011, 7 вересня.
9. Герцен, А.И. Собрание сочинений. В 30-ти томах. Том XI. - Москва: Наука, 1957. – 610 с.
10. Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения. В 50-ти томах. Том 1. - Москва: Политиздат, 1963. – 408 с.
11. Для розв'язання проблем загрози наростання проявів радикалізму, екстремізму та нетерпимості необхідні правові рішення. Виступ Голови ВРУ Володимира Литвина на засіданні Ради регіонів, м. Ялта, 2011, 3 червня. - Голос України, 2011, 7 червня.
12. Виктор Ющенко сожалеет, но бодрится. - Южная правда, 2010, 8 февраля.
13. Гоббс, Т. Избранные произведения. В 2-х томах. Том 2. Пер. с англ. и лат. - Москва: Мысль, 1965. – 750 с.
14. Головатий, С. Конституційний процес: Україна на переході до демократії. - Конституції нових держав Європи та Азії. Київ: Право, 1996. – 544 с.
15. Collin de Plancy, J. Dicționar diabolic. Vol. ... - București: Casa de Editură și Presă, 1992. – 192 đ.
16. Кізка, В. Молдавські уніоністи – не брати трансністрійським автономістам. - Нескорена нація, 1992, 8 листопада.
17. Варзар, І. Підсумки виборів – 2006: Чому ми опинилися у „популістському полоні”? Спостереження політичного мізантропа. - Чорноморська безпека, 2006, № 2 (4), с. 70-76.
18. Попович, М. Роль філософії у духовному розвитку людства. - Толерантність як соціогуманітарна проблема сучасності. Зб. наук. Праць. За заг. ред. П.Ю. Сауха. - Житомир: Вид-во ЖДУ ім. І. Франка, 2011, с. 10-15.
19. История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. В 3-х томах. Том 3. - Москва: Худож. лит., 1967. – 410 с.
20. Борн, М. Моя жизнь и взгляды. Пер. с нем. - Москва: Наука, 1973. – 308 с.
21. Cenușa, D. Consolidarea societății civile din Republica Moldova. - Chișinău: Bons Offices, 2007. – 358 p.
22. Varzari, P., Juc V. Partide politice și organizații neguvernamentale. - Republica Moldova. Ed. a 2-a, revăzută și adăugită. - Chișinău: Institutul de Studii Enciclopedice, 2011, pp. 724-739.
23. Аникин, В.И. Гражданское общество в Республике Молдова: состояние, проблемы, перспективы. - Кишинэу: Парагон, 2001. – 240 с.
24. Загрозам і проявам радикалізму, екстремізму та фобіям – правову відсіч. - Урядовий кур'єр, 2011, 7 червня.
25. Янукович, В. Правда на боці того, хто робить реальну справу і змінює життя на краще. - Голос України, 2012, 8 лютого.
26. Пахарев, А.Д. Політичні інститути і процеси в сучасній Україні. Навчальний посібник. - Київ: ІПіЕНД, 2011. – 182 с.
27. Вольтер. Из „Философского словаря”. Бог и люди. Вопросы о чудесах. Пер. с франц. - Москва: Мир книги, 2010. – 368 с.
28. Вико, Дж. Основания новой науки об общей природе наций. Пер. с итал. Москва – Киев: REFL-book „ИСА”, 1994. – 656 с.
29. Карась, А. Філософія громадянського суспільства в класичних теоріях і некласичних інтерпретаціях. - Київ – Львів: Вид-чий центр ЛНУ ім. Івана Франка, 2003. – 520 с.
30. Україна і надалі залишатиметься надійним партнером НАТО. Вітальне слово Голови Верховної Ради

**СТРАНА – ОБЩЕСТВО – ГОСУДАРСТВО: КОНЦЕПТ НЕЗАВИСИМОСТИ
(СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)**

України В.М. Литвина до учасників засідання 31. Домінік, М., Жан-Люк, М., Філіп П. Метаморфози
Міжпарламентської Ради Україна – НАТО (Київ, 5 липня глобалізації. Пер. з франц. - Київ: Дух і Літера, 2005. – 308 с.
2011) . - Голос України, 2011, 6 липня.

Summary

The article analyzes „country - society – state” triad, which is seen as an expression of a crisis in post-Soviet space, as an expression of the need to address sociopolitical realities in the Republic of Moldova and Ukraine in the context of their 20 years of independence. The article approaches some fundamental concepts (e.g. kratology, country, society, state, independence, civil society etc.), which allow us to characterize more deeply some similar phenomena and processes in these two neighboring countries. Particular attention is drawn to the need of Europeanization and deepening of the democratic reforms from the perspective of European integration of the Republic of Moldova and Ukraine.

Хава МАМЕДОВА,

доктор исторических наук,
депутат третьего созыва Милли Меджлиса
Азербайджанской Республики, член Правления
общественного объединения Нагорно-Карабахской
азербайджанской общины, доцент Академии
государственного управления при Президенте
Азербайджанской Республики.

АРМЯНСКИЙ СЕПАРАТИЗМ В КАРАБАХСКОЙ ОБЛАСТИ АЗЕРБАЙДЖАНА В XX ВЕКЕ

В 1917 году в России свершилась Февральская буржуазно-демократическая революция, в результате которой и в Азербайджане началось национально-освободительное движение. В 1918 году образовалась Азербайджанская Демократическая Республика (АДР).

АДР, занимавшая важное место в истории государственности азербайджанского народа, возникла в сложное время и функционировала в очень трудных условиях. Положение усугубляло еще и то, что армянские националисты снова начали спекулировать выдуманной ими идеей создания «Великой Армении» за счет аннексии Карабахской, Нахичеванской и Зангезурской территорий Азербайджана, как это было в конце XIX века.

От молодого государства, просуществовавшего 23 месяца, в тот период требовалась высокая бдительность и непримиримый отпор опасностям со стороны Армении, которая грозила территориальной целостности Азербайджана. Для предотвращения этой опасности национальное правительство Азербайджана предприняло ряд важных мер.

Азербайджан сразу встал на путь мирного решения всех спорных вопросов, противостояния между Южно-Кавказскими республиками. Только что созданное правительство Азербайджана предложило правительствам Грузии и Армении провести мирную конференцию. Однако по вине армян эта конференция не состоялась. Правительство Азербайджана неоднократно выдвигало предложения по мирному урегулированию конфликта с Арменией. Так, в 1918-1920-х годах ряд вопросов, связанных с Карабахом, в той или иной степени обсуждался в Закавказском Сейме, в различных государственных органах Азербайджана, Турции и Армении, а затем и на Кавказском бюро ЦК РКП(б). Ввиду агрессивной политики армянской стороны эти предложения тоже не осуществились, все эти обсуждения остались безрезультатными.

Не достигнув урегулирования отношения с Арменией путем переговоров и конференций, правительство Азербайджана вынуждено было перейти к другим более решительным мерам предотвращения армянской агрессии на исконно азербайджанских территориях – в Зангезуре и Нагорной части Карабаха. Самым важным из этих мер являлось создание Карабахского генерал-губернаторства. Центром его стал

город Шуша. Оно охватывало Зангезурский, Шушинский, Джеванширский, Джебраильский уезды. Генерал-губернатором назначен был Хосров бек Паша бек оглы Султанов. Он сыграл очень важную роль в ликвидации армянского сепаратизма в Нагорном Карабахе и Зангезуре.

Исторически Карабахская зона имела важное стратегическое значение в Южно-Кавказском регионе. Поэтому ближние соседи – Россия, Турция, Иран и ведущие государства XX века Англия, Франция и в первую очередь, США и Великобритания проявляли к ней особый интерес, смотрели на нее как на рычаг влияния на Южный Кавказ, особенно на Азербайджан, а также на Ближний и Средний Восток. Переплетение желаний Англии и США – обрести влияние в регионе, России и Ирана – «восстановить» свой авторитет в регионе, попытки Армении захватить Карабах, Нахичевань и Зангезур, борьба Азербайджана за свою территориальную целостность и поддержка Азербайджана в этом вопросе со стороны Турции создало здесь очень напряженную общественно-политическую ситуацию. Она привела к армяно-азербайджанской войне, превращению Карабаха, Нахичевани и Зангезура в поле военных действий. Армянский сепаратизм, особенно в Карабахе, доходил до крайней степени разнузданности.

В таких условиях правительству Азербайджана пришлось осуществить комплекс решительных действий для подавления армянского сепаратизма на приграничных зонах в Карабахе и Армении. Укрепив имевшиеся в Карабахе военные силы, правительство Азербайджана начало претворять в жизнь внутреннюю и внешнюю политику, направленную на защиту всех своих полномочий в зоне. В результате этих мер армянский сепаратизм в Карабахе стал менее активен, суверенные права Азербайджана в регионе были восстановлены. Таким образом, национальному правительству удалось отстоять территориальную целостность Азербайджана, хотя это было очень нелегко и сопровождалось сложными процессами, особенно в Карабахской зоне Азербайджана.

Сразу после роспуска Закавказского Сейма в конце мая 1918 года, партия «Дашнакцутюн» объявила суверенитет Армении и начала проводить в жизнь свою националистическую идею. Эти «националисты

АРМЯНСКИЙ СЕПАРАТИЗМ В КАРАБАХСКОЙ ОБЛАСТИ АЗЕРБАЙДЖАНА В XX ВЕКЕ

планомерно стали выдворять, истреблять, подвергать геноциду всех азербайджанцев, проживающих на своих исконных землях» [1].

Поскольку армяне не имели свою территорию, то правительство Азербайджана уступило им тюрко-огузский город Иреван как столицу. Эта уступка «воодушевила» армянскую часть населения Нагорного Карабаха, и она отказалась признать власть Азербайджанской Республики. На съезде армян Нагорного Карабаха в городе Шуше в июле 1918 года Нагорный Карабах был объявлен суверенным, и правительство Армении для осуществления своего захватнического плана в Нагорном Карабахе ввело туда вооруженные силы [2]. Армения хотела решать проблему Нагорного Карабаха путем военных действий, и в 1918 году вооруженные отряды Андроника были введены в Карабах. Дашнаки массово уничтожали людей, стирали с лица земли азербайджанские населенные пункты.

Деятельность переехавшей в 1918 году из Тифлиса в Иреван крупной армянской Торгово-промышленной буржуазии, созданной партией «Дашнак-цутюн», достаточно ясно характеризуют слова армянского историка Лалаяна: «Суть внутренней политики контрреволюционного дашнакского правительства заключалась в разжигании ненависти между тружениками страны, физическом уничтожении азербайджанского населения, проживающего на территории Армении» [3].

На исконно азербайджанских землях господствовали «порядок и правила» «армянского государства», согласно которым не подчинявшиеся этим дашнакским националистическим правилам не армяне подвергались жестокой расправе [4].

Сепаратизмом армяне занимались на государственном уровне. Это явствует из следующих слов публициста А.Меликяна: «Вместо того, чтобы мирно сосуществовать с соседями, дашнакское правительство, зажав пальцы в кулак, бросило вызов окружающему миру, не захотело отступить от болезни национализма» [5]. А.Меликян далее свидетельствует, что дашнакское правительство оказалось неспособным найти «общий язык с соседями, стать на путь мирного сосуществования с ними, никак не хотело покинуть изношенную националистическую психологию» [6].

В статье «Контрреволюционный Дашнакцутюн и империалистическая война 1918 года» Лалаян писал: «Дашнакские отряды, руководимые кровожадными хмбапетами (Андралик, Амазасп и др.), проявили максимальную «храбрость» в уничтожении тюрков – женщин и детей, больных и стариков. Захваченные дашнакскими отрядами тюркские деревни «освобождаются» от живых людей, превращаются в руины, с многочисленными изуродованными трупами» [7].

В одном из архивных документов говорится: «В период дашнакской диктатуры неармянское население считалось вне закона. Дашнакская «идея» об «арменизации» страны путем уничтожения азербайджанского и курдского населения и других национальных мень-

шинств на территории Армении разжигала национальные раздоры. Провокации и сепаратистские действия проармянских сил против Азербайджанского национального государства не прекращались. Их основная цель – уничтожить первое азербайджанское тюркское государство – АДР. В период правления дашнаков против азербайджанцев регулярно и планомерно совершались вооруженные нападения. Армянское дашнакское правительство в 1918-19-х годах под предлогом «выполнения государственных указаний» уничтожало мирное население азербайджанских деревень.

Представитель Англии в Закавказье главный комиссар Джон Оливер Варден отмечал: «Армянское государство 24 января послало армейские соединения на штурм 24-х мусульманских населенных пунктов». Армяне не желали отказываться от территориальных претензий на исторические земли Азербайджана Зангезур и Карабах. В докладе, адресованном в ЦК РКП(б) Ленину 22 мая 1919 года, А.Микоян сообщает, что «дашнаки – агенты армянского правительства – прикладывают все усилия для присоединения Карабаха к Армении. Но это для карабахского населения означало бы лишиться своего жизненного источника в Баку и связать свою судьбу с Иреваном, с которым никогда и ни чем не было связано».

Дашнакское правительство Армении выдвигало претензии к территории Карабаха еще в январе 1919 года. Тогда Азербайджанское правительство категорически отклонило эти претензии. Для решения этого вопроса мирным путем Азербайджанское правительство несколько раз вело переговоры с армянской стороной. К сожалению, эти переговоры ни к каким положительным результатам не привели. Поэтому для укрепления обороны Карабаха правительство переправило сюда военные силы и, наконец, было образовано Карабахское генерал-губернаторство [8]. Азербайджанский парламент для расследования причин, национальных столкновений в Нагорном Карабахе направили в область специальную комиссию. Затем этот вопрос обсуждался на заседании парламента 8 июня 1919 года.

Грузинский историк Гариби в 1919 году писал: «Дашнаки пришли и принесли с собой национальную вражду, обострили армяно-мусульманское противостояние» [9].

Дашнаки предъявляли различные безосновательные территориальные претензии к исконным землям Азербайджана – Карабаху и Нахичевани, организовывали в уездах нападения на азербайджанцев. Первые нападения были на азербайджанцев, проживающих на исконных землях Иревана. Таким образом, территории Эчмиадзинского, Сурьмалинского, Иреванского, Шарурского уездов были оккупированы армянами.

Живущий в США армянский историк Р.Ховеннсян писал, что «в конечном итоге дальнейшее существование Армении как страны не представляется вероятным. Она не на том плоскогорье, на котором

Хава МАМЕДОВА

велась основная борьба за историческую Армению, а на окраине провинции. Надо чтобы правительство живущих на Кавказе полмиллиона турецких армян и столица освобожденной Армении размещались не в Иреване, а в Каринде (Эрзерум) или в Ване, или в одном из центральных городов Киликии. Они с бесконечным нетерпением ждут возможности вернуться в свои дома, оставшиеся за горизонтом на Западе» [10].

В конце февраля 1919 года в Париже проходил съезд всемирных армян, на котором участвовали и делегаты дашнакского правительства. Одновременно в Иреване дашнаки созывают съезд западных армян, и декларацией от 28 мая 1919 года объявляют себя «Единым Армянским правительством». Еще 25 апреля 1919 года открылась II Закавказская конференция. Эти съезды способствовали единению армян и служили идее создания «Великой Армении». И не случайно, что в это же время в Карабахе и Нахичевани между армянами и азербайджанцами происходили кровавые столкновения.

Естественно, Азербайджанское правительство не могло допустить нарушения территориальной целостности и суверенных прав Азербайджана и смириться с попытками вмешательства в его внутренние дела. Вместе с тем, Азербайджанское правительство заявляло, что готово решать все конфликты мирным путем.

Политико-дипломатические игры Армении сопровождалась систематической и целенаправленной пропагандой фальшивой дашнакской прессы. После длительного обсуждения и споров, англичане, заняв бескомпромиссную позицию, призвали армян подчиниться решению Союзного командования и потребовали признания власти АДР в Карабахе и Зангезуре.

Даже после назначения Х.П.Султанова генерал-губернатором армяне, захватчики и сепаратисты в Карабахе, при поддержке и подстрекательстве Армянского правительства, продолжали свои попытки отделения Карабаха от Азербайджанской Республики и присоединения его к Армении. 4 июня 1919 года вооруженные отряды карабахских армян напали на охранные пункты азербайджанских военных частей, расположенных вокруг Шуши. В результате решительных мер, предпринятых Х.П.Султановым, это нападение было отражено.

Сепаратисты Армении, чтобы оправдать себя перед армянами за свою провокационную деятельность в Карабахе, распространяли лживую информацию, обращались к иностранным государствам, использовали любые средства для давления на Азербайджан. Прибытие Х.П.Султанова в 1919 году в Шушу в связи с образованием генерал-губернаторства, его оценка происходящих событий в Карабахе, путей решения этой проблемы были освещены им в интервью газете «Азербайджан».

В августе 1919 года карабахские армяне созвали Чрезвычайный съезд, где приняли решение о подчинении Азербайджанскому правительству. Специальные представители VII Съезда карабахских армян,

придя на аудиенцию к генерал-губернатору Х.П.Султанову, сообщили, что армянское население Карабаха желает подчиниться и признать его власть. Переговоры, на которых вместе с представителями съезда участвовали и представители церкви, продолжались два дня и завершились подготовкой проекта договора. 28 августа 1919 года делегация из представителей армянского населения Карабаха, прибыв в Баку, была на приеме у премьер-министра Насиббека Юсифбекова. Она выразила ему от имени армянского населения Карабаха свою благодарность за мирное решение Карабахского вопроса [11].

Признание частью населения или соседними странами независимости Азербайджана было недостаточно. Основная цель внешней политики АДР в 1918-20-х годах - добиться признания мировым сообществом независимости Азербайджана. К решению этой первостепенной задачи внешней политики АДР были привлечены самые авторитетные лица страны [12]. Списывая другим совершенные армянами преступления в Карабахе, представители армянской делегации в Париже пытались подорвать авторитет Азербайджанской Республики перед делегатами союзнических стран в Версале.

Азербайджанское правительство предложило создать международную следственную комиссию по расследованию армяно-азербайджанского конфликта. Этот вопрос был поднят и азербайджанскими делегатами в Париже. В начале армяне согласились с предложением о создании международной следственной комиссии, но в дальнейшем под разными предлогами расстроили это дело.

В итоге летом 1919 года решительная позиция и целенаправленная политика Азербайджанского правительства восстановили в республике суверенные права Карабаха. В сообщении, направленном нашим делегатом в Париж, отмечалось: «Так называемая карабахская проблема окончательно решилась. На VII армянском съезде армянские представители Карабаха подписали с генерал-губернатором Х.П.Султановым договор о признании Азербайджанского правительства» (13). Документы и материалы. Баку, 1989, с.23)*). Этот документ был представлен Версальскому Верховному Совету А.М.Топчубашевым.

После завершения переговоров армянское правительство вновь прибегло к вооруженным вторжениям в Зангезур и Карабах. Но в результате предпринятых генерал-губернатором Карабаха Х.П.Султановым решительных мер, в октябре 1919 года в Зангезуре армяне потерпели поражение. После этого армянская сторона обратилась с просьбой к представителям Стран Согласия подействовать на азербайджанскую сторону, с тем чтобы она согласилась на мирные переговоры. В результате поведенных 23 ноября 1919 года в Тифлисе азербайджано-армянских переговоров, обе стороны пришли к согласию и для разрешения спорных вопросов созвали в Баку азербайджано-армянскую конференцию.

АРМЯНСКИЙ СЕПАРАТИЗМ В КАРАБАХСКОЙ ОБЛАСТИ АЗЕРБАЙДЖАНА В XX ВЕКЕ

В итоге 23 ноября при посредничестве представителей Америки и Грузии между Азербайджаном и Арменией было подписано соглашение. Надо отметить, что это соглашение носило временный характер. Через некоторое время армяне воспользовались временным перерывом и приняли решение изменить положение в свою пользу и в срочном порядке ввели в Зангезур войска. Для установления порядка и восстановления спокойствия в Зангезуре Азербайджанское правительство вынуждено было направить в распоряжение Карабахского генерал-губернаторства дополнительные силы. Армянское правительство, видя, что положение в Зангезуре меняется не в их пользу, как уже было в Карабахе, обратилось к находящемуся в Тифлисе английскому верховному комиссару Вордрону и представителю США на Кавказе, заместителю полковника Хамкелина Джеймсу Рейдену, с просьбой о помощи в приостановлении военных действий. Во избежание дальнейшего обострения отношений правительство Азербайджана, обсудив положение, решило вывести войска из Зангезура. Несмотря на это решение, правительство оставалось на своих прежних позициях: Зангезур – неотъемлемая часть Азербайджана.

14-21 декабря 1919 года в Баку проходила армяно-азербайджанская конференция. Договор от 23 ноября 1919 года определял общее положение спорных вопросов. Но конференция по вине армянской стороны не завершила свою работу. Переговоры показали, что Армянское правительство на словах соглашается вести переговоры, а как только решение вопроса переходит в реальную плоскость, под различными предлогами срывает переговорный процесс.

Таким образом, попытки решения спорных территориальных вопросов мирным путем положительных результатов не дали. Кроме того, подстрекаемые Арменией армянские вооруженные отряды в Нагорном Карабахе еще больше активизировали свои сепаратистские действия. Укрепление в регионе армян принимало опасный характер. Такое положение вынуждало Азербайджанское правительство принимать еще более решительные меры.

Изучение сути армянского сепаратизма в Карабахе в 1918-20-х годах, выявление его политических корней представляется очень важным. Сразу отметим, что предотвращение армянского сепаратизма в Нагорном Карабахе стало возможным благодаря решительной внутренней и внешней политике Национального правительства Азербайджана в 1918-20-х годах.

Армянское дашнакское правительство на государственном уровне проводило грабительскую политику против мусульманско-тюркского населения [14]. Так, после грабежа дашнакскими правительственными войсками Зангибасарской области, кроме военной добычи, оставшиеся государству 82 наименования имущества по постановлению министра финансов 2 августа 1920 года были выставлены на торги, сумма с торгов была переведена на государственный бюджет [15].

Министерством иностранных дел Азербайджанской

Демократической Республики было предпринято расследование событий, происходящих в азербайджанских деревнях Джеванширского, Шушинского, Джабраильского и Зангезурского уездов Гянджинской губернии, пострадавших от армянских грабителей. В отчете Азербайджанской чрезвычайной следственной комиссии, составленном по материалам расследования, были указаны неопровержимые факты сепаратистских действий армян в Карабахе. На основе анализа этих фактов можно сделать вывод, что армяне, которые всегда себя представляли как «страдающий», «угнетенный» народ, на деле же против мирного населения Карабаха творили невиданные жестокости [16].

Незначительный перевес богатых армян в центре Карабаха Шуше, их сепаратистские действия, руководимые Армянским национальным советом, и размещение этого Совета именно в Шуше, усиливало их возможности повлиять на армян. Именно поэтому учиненная армянами резня в Шушинском уезде носила массовый и организованный характер и усилила национально-сепаратистские тенденции в Нагорной части Карабаха. В этой обстановке, чтобы сохранить свою территориальную целостность и приостановить армянский сепаратизм в Карабахе, Азербайджанское государство вынуждено было принимать еще более серьезные практические меры.

С первых дней своей деятельности Азербайджанское государство обращалось к соседям с предложением прийти к согласию по вопросу о границах. Так, в целях предотвращения возможных приграничных столкновений и установления добрососедских отношений Азербайджанская сторона предложила обсудить этот вопрос за столом на трехсторонних переговорах Южно-Кавказских республик.

Армянская сторона не приняла предложения Азербайджанского Государства, наоборот, подстрекала армянских националистов Нагорного Карабаха на более решительные действия. Армянскому правительству не удалось решить проблему Нагорного Карабаха в свою пользу даже силой оружия. Азербайджанское правительство, активизировав свои действия, вынудило Армянское правительство отступить, согласиться на мирные переговоры. Последующие шаги армян однозначно доказали, что их согласие было связано с желанием создать видимость «миролюбивого» государства на глазах представителей других стран.

Помощь со стороны правительства США и ряда различных проармянских организаций использовалась армянами на сепаратистские цели, на вооружение, на этническую чистку. Наверное, не случайно Генеральный комиссар США в Стамбуле адмирал Бристол в письме к доктору Бартону от 28 марта 1921 года о долге Армении США писал: «Из вашего письма я узнал о наметившихся сдвигах в предоставлении Армении денежного долга и был весьма удивлен. Мы уже дали Армении свыше 50 миллионов, и эти деньги для нас утеряны. Я предлагаю не предоставлять Армении новый денежный долг, ибо это означало бы

Хава МАМЕДОВА

трату чистых денег на грязные дела» [17]. (Напомним, что США в 90-х годах XX века оказала помощь Армении в размере 1 миллиарда долларов. Большая часть этой суммы была израсходована на военные нужды в захватнической войне против Азербайджана).

Дашнакское правительство очень часто меняло свою политику. Вместе с тем некоторые дашнакские круги последовательно продолжали линию вражеской пропаганды против турков. Армянские радикальные группы знали, что для решения «армянского вопроса» необходимо пролить кровь, оросить кровью земли «Турецкой Армении» [18].

Партийный, а позже и государственный деятель Армении Мясникян в 1921 году писал: «Суть национальной политики дашнаков была такова: очистить Армению от не армян, в первую очередь – от презираемых нами татар и не имеющих человеческого облик турок: презирайте турков, истребляйте мусульман, сжигайте их деревни, грабьте их имущество и таким образом воспитывайте в себе дух хмбапета» [19].

Документы о геноциде тюркского народа выносились на обсуждение, включались в повестку дня международных конгрессов. Интересно то, что эти документы представлялись на международные форумы руководителями Армянской Республики. Так, на II Конгрессе первого Коммунистического интернационала в докладе армянского дашнакского правительства о политике против турков, мусульманского населения, представленном коммунистической партией Армении, говорилось: «Дашнакские политики сжигают мусульманские деревни, разрушают их, насильно сгоняют тюркское население со своих родных мест и в пустые районы размещают прибывших из Турции армян» [20].

В 1920-1921 годах из Армении в Азербайджан переехало 850 армянских семей. Из них 765 семей были размещены в Нагорном Карабахе. Для их заселения и проживания были созданы все условия. Переселенным в Нагорный Карабах армянам было выделено 26226 десятин земли, а это способствовало увеличению численности армянского населения в Нагорном Карабахе. Таким образом, «Армения» как политический термин попала в официальные документы в начале XX века [21].

Проводимая в свое время дашнаками политика против азербайджанского населения, в новой политической обстановке развернулась с еще большим коварством и «дальновидностью» армянских коммунистов. Иными словами, армянские дашнаки и армянские коммунисты – две стороны одной медали. И бежавшие за границу из советской Армении дашнаки объединялись под флагом различных организаций. Армянский историк Агаян рассказывал об одном из таких центров реакционных сил дашнаков «Национальный очаг», существующем за границей в 20-х годах XX века [22].

В начале 20-х годов XX века из зарубежных стран в Советскую Армению переселилось 20 тыс. армян [23]. Среди них были бывшие преступные элементы. Не случайно и то, что они привлекали и

готовили живущих в Армении и НКАО Азербайджанской ССР армян к сепаратистским действиям.

Живущие в Азербайджанской Республике и за границей азербайджанские интеллигенты планомерно подвергались угрозам и террору со стороны армянских националистов. По негласному поручению Микояна, правительство Армении на территории Армянской Республики стало претворять в жизнь лозунг «Армения без турков».

Осенью 1945 года официальный Ереван поднял вопрос перед ЦК ВКП(б) о передаче НКАО в состав Армении, «обосновывая» это близостью географической местности [24], низким экономическим и культурным развитием НКАО и предоставлением области экономической помощи со стороны Армении. Но исторические факты говорят об обратном. В тот период правительство Азербайджана уделяло НКАО достаточно внимания, предоставляло ему несравненно большие возможности, чем другим областям Республики.

Следующий этап депортации азербайджанцев из Западного Азербайджана (нынешняя территория Армении) со своих родных мест пришелся на 1948-53 годы [25]. В те годы были депортированы тысячи азербайджанских семей. В 1964 г. вновь было направлено обращение в Верховный Совет СССР о присоединении НКАО к Армении. В нем говорилось о тяжелом экономическом положении армян, живущих в НКАО, об их притеснениях со стороны Азербайджанского правительства. Несмотря на то, что представленное А.Микояном Н.С.Хрущеву обращение осталось безрезультатным, с середины 1960-х годов в Армянской ССР в очередной раз с новым размахом началось антиазербайджанское движение. 23 апреля 1965 года в городе Иреван прошел митинг с участием 400 тыс. армян. Митингующие выступали с антиазербайджанскими и антитурецкими лозунгами: «Нахичевань – армянская земля», «Нагорный Карабах – наш», «Западная Армения должна присоединиться к Армении».

Занимающие важные посты в советском партийном и государственном руководстве армянские националисты, претендовавшие на Карабахскую область Азербайджана, использовали любой подходящий случай и момент для претворения в жизнь своих целей.

Еще будучи председателем Президиума Верховного Совета Микоян предложил Советскому руководителю Хрущеву присоединить Нагорную Карабахскую автономную область к Армении. Хрущев ему ответил: «Я готов в течение суток предоставить 12 тыс. военных машин для переселения армян из НКАО в Армению» [26].

«Вмешательством» Москвы антиазербайджанское движение армян в 1965 году было предотвращено. Несмотря на это, поддерживаемые Центром и Арменией сепаратисты притесняли азербайджанцев в НКАО.

В 1965 году антиазербайджанское движение армян в Нагорно-Карабахской части Азербайджана и в Ереване перешло в новую форму. Москве представили петицию, подписанную 45 тыс. армянами об

АРМЯНСКИЙ СЕПАРАТИЗМ В КАРАБАХСКОЙ ОБЛАСТИ АЗЕРБАЙДЖАНА В XX ВЕКЕ

отторжении Нагорного Карабаха. Секретариат ЦК КПСС, поняв, какие тяжелые последствия может нести решение «Нагорно-Карабахского вопроса» в пользу Армянской ССР, отложил свое решение.

В советский период в целях присоединения Нагорного Карабаха к Армении в НКАО шла подпольная работа, которую в 1960-70-х годах выявил общенациональный лидер Азербайджана Гейдар Алиев и, проведя ряд мероприятий, добился их предотвращения.

В начале 1988 года в Нагорном Карабахе вновь активизировался армянский сепаратизм. За действиями армянских сепаратистов стояли те же коварные цели – отделить Нагорный Карабах от Азербайджана и присоединить к Армении. Комитеты, созданные в Армении «Карабах» и НКАО «Крунк», с начала 1988 года стали организовывать митинги и забастовки. Начавшееся на первом митинге движение с призывом «миатцум», спустя некоторое время, привело к тому, что армяне оказывали давление на Азербайджан и правительство СССР, усиливали свои требования о присоединении НКАО к Армении. Поскольку открытые выступления армянских лидеров с антисоветскими призывами не пересекались, то со временем эти выступления стали носить стабильный характер.

С февраля 1988 года положение в Нагорном Карабахе обострилось. С 13 февраля были организованы митинги с требованием присоединения НКАО к Армении. 1 декабря 1989 года Верховный Совет Армянской ССР принял постановление «О присоединении Армянской ССР и Нагорного Карабаха». По сути, этот официальный документ еще раз подтвердил притязания Армении на территории Азербайджана, посягательство на его территориальную целостность и суверенитет.

Подстрекательные Армянской Республикой различные армянские силы – священнослужители, диаспорские организации, также поэты, писатели, даже художники включились в политическую игру. Они всевозможными способами накаляли общественную обстановку в НКАО. Внутренний сепаратизм активизировался, и Карабахская область Азербайджана превратилась в арену государственного сепаратизма

Армении. С 1988 года в очередной раз началось планомерное выдворение азербайджанского тюркского населения с территории Западного Азербайджана, именуемой Арменией. В то время 216 человек были уничтожены, из них 57 женщин, 5 младенцев и 18 детей различного возраста.

По Указу Президиума Верховного Совета СССР о введении особой формы управления на территории автономной области от 12 января 1989 года было подписано постановление «О создании особого управления в Нагорно-Карабахской области Азербайджанской ССР», и автономная область стала «по-особому» управляться.

Распад Советского Союза в 1991 году хотя и стал причиной создания независимых республик, но, тем не менее, притязания Армении к территориям Азербайджана, в том числе армянский сепаратизм, поставили Азербайджанскую Республику перед тяжелыми историческими испытаниями.

Таким образом, начиная с XIX века до сегодняшнего дня, армянские сепаратисты периодически пытаются претворить в жизнь «идею» о создании «Великой Армении» и сделать это в ущерб интересам соседних стран, особенно за счет территорий Азербайджана. И каждый раз мишень – Нагорный Карабах.

В основе геноцидов против азербайджанского народа, в том числе мартовского геноцида 1918 года, кровавых азербайджано-армянских столкновений в советский период, кровопролития 20 января, Ходжалинского геноцида, не решенного по сей день Карабахского конфликта, лежит неосуществимая идея создания «Великой Армении».

Государственный сепаратизм Армении, оккупировавшей 20 процентов территорий независимой Азербайджанской Республики, завуалировав свою захватническую политику, проводит в массовом порядке чистку региона от азербайджанцев, заселяет оккупированные территории Азербайджанской Республики армянами, прибывшими из-за границы. Это и есть политика арменизации, которая продолжается вот уже в течение 200 лет.

Литература:

1. Историческая география азербайджанцев, населяющих Армению. - Баку, 1995, с. 28.
2. Наджафов, Б. Азербайджанская Демократическая Республика. - Баку, 1992, с. 39.
3. Исторические записки. - Москва, 1938, с. 79-107.
4. НИИА Армении ф. 33, с. 18.
5. Кармир асть, 1920, № 74.
6. Кармир асть, 1922, № 74.
7. Мамедли, А. Подлинная история Армении, - Баку: Элм, 2005, с. 323.
8. Азербайджан, 1919, 19 января.
9. Салех бек. Армяństwo. - Баку, 1994, с.19.
10. Richard, G. Novannissian. The republik of Armenia. - Los Anjelos. vol. 2, p. 450.
11. К истории образования Нагорно-Карабахской Области Азербайджанской ССР (1918-1925). Документы и материалы. - Баку, 1989, с. 288.
12. Насибзаде, Н. Внешняя политика Азербайджана (1918-1920). - Баку, 1996, с. 203-204.
13. К истории образования Нагорно-Карабахской Области Азербайджанской ССР (1918-1925). Документы и материалы. - Баку, 1989, с.23.
14. Размик, 1920, №7.
15. Азербайджанская Республика, ЦГА, ф. 970, сп. 1, д. 161, л.1.
16. Сэмюэль, А. Уимз. Скрытые факты террористической Армении. Серия больших армянских авантюр, том 1. - Баку, 2004, с. 244.
17. Хорурдаин хайастан, 1923, №118.
18. Мясникян, А.Ф. Избр. Произведения. - Ереван, 1965, с. 364.
19. ГААР, фонд 27, список 1, дело 649, стр. 190, фонд 24, список 1, дело 137, стр.18, фонд 410, список 1, дело 11, стр. 45.

Хава МАМЕДОВА

20.Ханян, А. Основные вопросы идеологической борьбы. - Ереван, 1933, с. 35.

21.Государственный Архив Политических Партий и Общественного Движения АР, фонд 1, стр.200, 74, 331, 55, 169, 7, 85, 206, 233, 169.

22.Мамедов, И, Асадов, С. Азербайджанцы Армении и их несчастная судьба. - Баку, 1992.

23.Помпеев, Ю. Кровавый омут Карабаха. - Баку, 1992, с. 16-17.

Summary

The state separatism of Armenia occupying 20 percent of territories of the independent Azerbaijani Republic, having veiled the aggressive policy, carries out in a mass order region cleaning from Azerbaijanians, which occupied territories of the Azerbaijan Republic the armenians who have arrived foreign countries. It also is a policy of an armenian, who proceeds here within 200 years.

Международную юридическую и научную общественность постигла тяжелая утрата. 7 августа 2012 года на 84-м году жизни скончался бывший председатель Милли Меджлиса Азербайджанской Республики, заслуженный юрист Азербайджана, доктор юридических наук, профессор, персональный стипендиат Президента Азербайджанской Республики **Муртуз Наджаф оглу Алескеров**.

Муртуз Алескеров родился 20 сентября 1928 года в городе Гянджа. После окончания средней школы он в 1945 году поступил на юридический факультет Азербайджанского государственного университета и в 1950 году завершил обучение с дипломом отличия. Продолжив в 1950-1953 годах свое образование в аспирантуре Института государства и права Академии Наук СССР, он стал специализироваться в области международного права.

Муртуз Алескеров с 1954 года и до конца жизни преподавал на юридическом факультете Бакинского государственного университета. В разные годы он работал здесь старшим преподавателем, доцентом, профессором и заведующим кафедрой, а в 1993-1996 годах был ректором университета.

Муртуз Алескеров избирался депутатом Милли Меджлиса Азербайджанской Республики первого, второго и третьего созывов, а в 1996 и 2000 годах – председателем Милли Меджлиса.

В 1953 году Муртуз Алескеров защитил кандидатскую, а в 1968 году – докторскую диссертации по юридическим наукам.

Известному ученому Муртузу Алескерову принадлежат важные заслуги в развитии юридической науки в Азербайджане. Своими ценными исследованиями он завоевал глубокое уважение научной общественности. Муртуз Алескеров, пользовавшийся большим авторитетом в области международного права, является автором более 200 научных трудов, в том числе ряда монографий, учебников и учебных пособий. Он достойно представлял азербайджанскую науку на различных конференциях и симпозиумах в таких странах, как США, Великобритания, Франция и Япония.

Наряду с педагогической и научной деятельностью, Муртуз Алескеров вложил много сил в подготовку высококвалифицированных кадров. Под его руководством большое число молодых специалистов получили ученую степень. За более чем полувековой период своей многогранной деятельности он вложил достойный вклад в развитие науки и образования в нашей стране. Сегодня его ученики успешно работают государственных органах страны.

В период, когда Азербайджан восстановил свою независимость, Муртуз Алескеров был активным участником судьбоносных событий, представлявших историческое значение для нашей страны, всегда демонстрировал подлинно гражданскую позицию, проявлял решительность и настойчивость в борьбе за территориальную целостность и суверенитет государства. Активно подключившись к учреждению и формированию партии «Ени Азербайджан», Муртуз Алескеров до конца жизни занимал пост заместителя председателя партии.

Будучи депутатом, руководителем постоянной комиссии и председателем Милли Меджлиса Азербайджанской Республики, Муртуз Алескеров внес весомый вклад в строительство на прочных основах правовой базы суверенной государственности, становление парламентских традиций в нашей стране. Достойны одобрения его заслуги в области строительства правового государства, а также в подготовке первой Конституции независимой Азербайджанской Республики. Муртуз Алескеров непосредственно участвовал в разработке и принятии многих законов и законодательных актов Азербайджанской Республики.

Муртуз Алескеров был членом научно-координационного совета Международного научного журнала «Право и политология»

Многолетняя плодотворная научно-педагогическая и общественно-политическая деятельность Муртуза Алескерова получила высокую оценку. Он был удостоен ряда орденов и медалей, в том числе высшей государственной награды Азербайджанской Республики – ордена «Истиглал».

Память об известном общественно-политическом деятеле, авторитетном ученом-правоведе и опытном педагоге Муртузе Наджаф оглу Алескерове всегда будет жить в сердцах тех, кто его знал.

Порядок публикации и требования к оформлению статей научного журнала «Право и политология».

Для опубликования статьи в журнале необходимо предоставить в редакцию журнала публикуемые материалы в электронном виде в единичном экземпляре на любом из перечисленных носителей (CD-ROM, DVD-ROM, флэш-носитель) и на бумажном носителе в двух экземплярах. Публикации в журнале подлежат только оригинальные статьи, ранее не публиковавшиеся в других изданиях.

Объем публикуемых материалов не должен превышать, как правило, 20 страниц и 500 Кб.

Публикуемые в журнале статьи состоят из следующих элементов:

- сведения об авторе (соавторах), включающие в себя: Ф.И.О. автора (соавторов), ученая степень автора (соавторов), место работы или учебы автора (соавторов), должность автора (соавторов);
- основной материал (текст) статьи;
- краткая аннотация статьи (500-580 зн.), дающая общую характеристику работе (на русском и английском языках);
- фотография автора размером 4х6 см в электронной версии

Оформление сносок сквозное: в тексте указывается номер и страница научного источника (в квадратных скобках). Список литературы публикуется в конце, в порядке цитирования, согласно нижеуказанному примеру:

1. Алиев, Н. Г. Проблемы военного права Азербайджана. – Баку: Азернешр, 1999, с. 35.
2. Алмонд, Г. А., Верба, С. Гражданская культура и стабильность демократии. – Полис, 1992, № 4, с. 122-134.
3. Об утверждении Стратегии социальной интеграции лиц с ограниченными возможностями (2010-2013 гг.). Закон Республики Молдова № 169 от 9 июля 2010 г. – Monitorul Oficial al Republicii Moldova, 2010, 12 октября, № 200-201, ст. 660.
4. Речь Президента Ильхама Алиева на политическом брифинге на тему «Европейский Союз и Азербайджан - новые способы сотрудничества», состоявшемся 19 мая 2004 года. – Азербайджан, 2004, 22 мая.
5. Mehdiyev, R. Goris-2010. Season of the theatre of the absurd. – Tbilisi: Universal, 2010. – 185 pp.
6. Осакская декларация по развитию туризма. – www.world-tourism.org.

Статьи, предлагаемые к публикации в журнале, проходят обязательное рецензирование. В качестве рецензента должен выступать как минимум один специалист, имеющий степень доктора наук по специальности данной работы. Содержание рецензии должно подтверждать, что данная статья содержит новые интересные материалы и заслуживает публикации. Решение о публикации статьи в журнале принимается сопредседателями редколлегии журнала.

International scientific journal
LAW AND POLITOLOGY

Международный научный журнал
ПРАВО И ПОЛИТОЛОГИЯ

№ 20

Подписанно в печать: 13.08.2012

Формат 60×84 1/8

Объем 5,6 п. л.

Заказ № 136

Тираж 500

“Print-Caro” SRL, 2012
MD-2049, m. Chişinău,
str. Mirceşti 22/2
tel/fax /373 22/ 931-653